

ISSN 0130-3562

Ж У Р Н А Л

Доб

10-12-2019

Ассамблея Русского мира, открытие памятника Минину и Пожарскому, круглый стол писателей – об этом материал «Ярославское знамение»

Российский
ордена Дружбы народов
литературно-художественный
ежемесячный журнал

Ростов-на-Дону
2019

ЖУРНАЛ ©

Дон

10-12-2019

Издаётся
с апреля 1925 года

СОДЕРЖАНИЕ

РЕКВИЕМ		ПОЭЗИЯ	
Виктор Петров СЕРЕБРО ЛЬВА АННИНСКОГО: «ВЕРНУ ДУШУ В КРАЙ МОИХ КАЗАЧЬИХ ПРЕДКОВ!»	3	Евгений Степанов В МИРЕ ЕСТЬ РЯБИНА	21
Михаил Хлебников «ВСЁ ПРАВИЛЬНО. ВСЕ ПРАВЫ. Я ГОТОВ ПОНЯТЬ ИХ ВСЕХ»	7	Юрий Татаренко ЗАКЛАДКА В КНИГЕ СНОВ	114
ПРОЗА		ПЕРЕСАЖЕННЫЕ ЦВЕТЫ	
Геннадий Рудягин СКОРЫЙ ПОЕЗД «ПАРИЖ – ВАРВАРОВКА». Рассказы	10	Райнер Мария Рильке НЕБО МОЕЙ ЖИЗНИ. Стихи Перевод с немецкого Вячеслава Куприянова	152
Андрей Воронцов КОРАБЛЬ В ПУСТОТЕ. Фрагмент романа	27	ЛИТФЕСТ	
Юрий Лунин ЧЕРЕЗ КЛАДБИЩЕ. Рассказ	164	Виктор Петров «ЮНЫМИ БУДУТ ГРЯДУЩИЕ ДНИ...»	119
ОКУЛЯР		ВСЕРОССИЙСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ	
Яна Сафронова «КОГДА Я ВЫРАСТУ, Я ХОЧУ БЫТЬ МАЛЕНЬКИМ МАЛЬЧИКОМ» О прозе Юрия Лунина	177	Ксения Вежбицкая, Дмитрий Вилков, Алина Гребешкова, Татьяна Грошева, Диана Давлетбердина, Максим Живетьев, Елена Ластовина, Валерия Литвиненко, Михаил Макрушин, Марианна Плотникова, Александра Шалашова, Полина Шерстобитова. Стихи и рассказы	121
ПРАВДА «ТИХОГО ДОНА»		ПОБЕДА БЫЛА ЗА НАМИ!	
Анатолий Андреев ГРАНИ КУРГАНА	190	Вячеслав Сухнев ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА	217
СУЖДЕНИЕ		СВИДЕТЕЛЬСТВО	
Виталий Даренский ОБРАЗ ДУХОВНОЙ «ИНИЦИАЦИИ» О поэзии Бориса Рыжего	203	Людмила Маравя ЖУРБА	238
СМЫСЛ		СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2019 ГОД	
Дмитрий Суровикин ЯРОСЛАВСКОЕ ЗНАМЕНИЕ Ассамблея Русского мира и русская литература	245	251	

Виктор Петров

СЕРЕБРО ЛЬВА АННИНСКОГО:
«ВЕРНУ ДУШУ В КРАЙ МОИХ
КАЗАЧЬИХ ПРЕДКОВ!»

Москва Москвой, но Дон ему помнился всегда.

Наш последний разговор по телефону был ровно за месяц до его кончины. В тот день почта принесла журнал «Юность» (№7, 2019) с его неожиданной рецензией-размышлением «Петров: Так или не так – это мы» на мою книгу «Твердь», о стихах которой он прежде обмолвился в одном из писем: «Читаю... «Глянется»!

А тут дал себе волю высказаться по поводу прочитанной книги – «...с потрясающей готовностью выдержать всё, что назначит судьба. Потому что судьба – это мы. Что именно ожидает нас – не угадаешь. Но причина всегда – мы. Со всей решимостью разделяю это сознание. И эту готовность вынести всё...»

Как в ответ промолчать?! И я рискнул позвонить ему, посоветовавшись прежде со своим другом, который по долгу службы был лучше осведомлён и о житье-бытье Льва Александровича, и о его неотступной болезни...

Сотовый не отвечал, а домашний телефон взял сам.

Как он обрадовался звонку! Сразу узнал, поговорили по делу. У меня есть его объёмные воспоминания, уже давали в журнале, хочу ещё отобрать для публикации, ответил – верстку тогда присылайте. Слышу, подошла женщина и спросила: кто это? Донеслось, как он ей сказал, это с Дона, казак Петров.

Я попросил разрешения поставить его рецензию в свою новую книжку. Ответил (проще думать, в шутку): почту за честь! Представляете?! Меня тогда – как обожгло! Где я со своими виршами, и где он...

После разговора на душе полегчало, и промелькнула мысль, может, всё ещё обойдётся?..

Но – нет.

Удивительно, что давным-давно, как выяснилось теперь случайно, в нашу редакцию поступала машинописная рукопись Льва Аннинского. Это была не литературная критика, не литературоведение, собственно, те жанры, где он всегда блистал. Оказалось нечто иное: дневник-хроника жизни самого Льва Александровича на фоне времени. Ныне подобные жизнеописания востребованы, а тогда... Словом, не рискнули опубликовать пусть и уже маститого на ту пору автора.

Но неисповедимы пути Господни.

Посему излишне посвящать в рабочий процесс, когда важен результат, а он таков: Лев Аннинский последние годы стал печататься в Ростове-на-Дону, вошёл в состав редколлегии журнала, что было с учётом его нахождения в редколлегии «Юности» весьма значимо. Да и для самого Льва Александровича это оказалось крайне важно, и в одном из писем у него вырвалось: «Пусть хоть так верну душу в край моих казачьих предков! Салют! Л. А.»

Появляется обзор, и там такие строки: «Под рубрикой «Минувшее объемлет» публикуются записки Льва Аннинского «Репортаж со скаткой на шее». Однако это не литературная критика, а дневниковый жанр. Читатель переносится в пору студенчества автора (лето 1955 года), когда того призывают на военные сборы. Почти все наши значительные писатели не обошли в творчестве свою молодость, и Лев Александрович здесь не исключение. Интерес представляет и появление в тексте знакомых имён тех, с кем знался уже в ту пору Лёська Иванов – Палиевский, Байгушев...»

Узнав об этом, равно как и о других упоминаниях его имени в печати или на сайтах, Лев Александрович непременно отзывался:

«Тронут, обрадован, благодарен! Л. А.»

«Растроган, рад, а когда выйдет номер, буду просто счастлив! Привет родному журналу! Ваш искренне Лев Аннинский».

Когда я сейчас просматриваю нашу переписку по интернету, то сердце щемит. Только начинаю постигать, что судьба подарила мне нечто большее, чем общение со знаменитым Львом. Да, это явление русской литературы, столп современной словесности. Можно и далее использовать высокий штиль, но я о другом... Лев Аннинский и есть в чистом виде классический русский писатель, каковым его можно только представить.

«С казачьим приветом! Поздравляю себя с публикацией в родном «Дону»... (по-казачьи – *авт.*). Такой новогодний пода-

рок! В году наступающем – новых удач. Верю в это! Обнимаю! Лев Аннинский».

«Буду рад сотрудничать. Ваш преданно Лев Аннинский».

На это, увы, последнее письмо я ответил: «Рад и Вашему настрою: конечно, ещё посотрудничаем!..»

Упомянутая машинописная рукопись стала только началом великого труда, изданного в книжном виде ограниченным тиражом для родных и близких, для тех, кто ему был дорог. 13 толстенных томов с иллюстрациями! Открываю первый том с его автографом: «...от восьмилетнего автора, которому сейчас за 80 – казачий привет! Лев Аннинский».

Будет вёрстка, будет (не хочу говорить – посмертная!) публикация в его родном Ростове, должны быть переиздания его книг, воспоминания о нём...

Аннинский, повторю в сотый раз, это явление современной русской литературы, только таким образом к нему и следует относиться.

Полагаю далее уместным привести биографический врез, который был предпослан его, увы, последней прижизненной публикации в журнале «Юность» о моих стихах.

ЛЕВ АННИНСКИЙ – известный критик, писатель, литературовед, член редакционного совета и ведущий постоянных рубрик журнала «Юность».

Родился в 1934 году в Ростове-на-Дону. Окончил филологический факультет МГУ. Выбора профессии не было – был выбор, по сути, судьбы, каковою стала русская литература. Ещё в восьмом классе, с первых сочинений, Лев решил заниматься ею и только ею, причём в любом качестве. Если бы он не стал литературным критиком, то преподавал бы словесность в школе. Был готов делать всё, что угодно: читать, работать в музее, библиотеке – лишь бы находиться в царстве русских текстов...

Понять каждого встреченного, сохранить внутреннее равновесие, придать «человеческое лицо» тому, что дала судьба; не поддаваться никакому яду, мороку, самообману, обрести тайную свободу – такие задачи ставил Лев Александрович перед собой. Его озорством было напечататься параллельно в двух журналах-антагонистах того времени: в «Октябре» и «Новом мире». Это на удивление удалось, хотя только единственный раз, а уж как ругали его и там, и тут...

Основные книги Льва Аннинского не перечислить: «Ядро ореха. Критические очерки» (1965), «Обручённый с идеей»

(«Как закалялась сталь» Николая Островского» (1971), «Василий Шукшин» (1976), «Тридцатые-семидесятые; литературно-критические статьи» (1977), «Охота на Льва (Лев Толстой и кинематограф)» (1980, 1998), «Лесковское ожерелье» (1982, 1986), «Три еретика. Повести о Писемском, Мельникове-Печерском, Лескове» (1988), «Локти и крылья. Литература 80-х: надежды, реальность, парадоксы» (1989), «Крепости и плацдармы Георгия Владимова» (2001), «Какая Россия мне нужна» (2004), «Красный век (О поэтах двадцатого века)», 3 тома (2004-2013), «Век мой, зверь мой...» (2004), «Архипелаг гуляк» (2005), «Барды» (1999, 2005), «Родная нетовщина» (2008), «Меч мудрости» (2009), «Распад ядра» (2009) и другие.

Литературный процесс в России – суть жизни Льва Аннинского, его биография.

*г. Ростов-на-Дону
(Журнал «Юность»)*

Михаил Хлебников

«ВСЁ ПРАВИЛЬНО. ВСЕ ПРАВЫ. Я ГОТОВ ПОНЯТЬ ИХ ВСЕХ»

Лев Аннинский пришёл в литературу вместе с поколением шестидесятников, принадлежа к нему биографически и событийно, но в итоге сумел избежать этого почётного для многих клейма. Своеобразие Аннинского заключается в том, что он целиком и свободно принадлежит литературе. Для многих его сверстников и коллег по перу формальная привязка к словесности означала возможность говорить «жгучую правду», открывать глаза, обличать. Некоторые из них положили свои жизни на алтарь разоблачения «культы личности», незаметно для себя усвоив дух безапелляционности и нетерпимости. При этом правилом хорошего тона было ссылаться на «Дракона» Шварца.

С самого начала Аннинский выбрал иной путь. Как он рассказывал, первая его книга «Ядро ореха» была написана по прямому указанию Бориса Слуцкого, которому нравилась роль комиссара советской литературы. Задание написать о постсталинском поколении писателей молодым «левым» критиком было выполнено. Реакция последовала: *«Меня обругали и справа, и слева, в общем, всё в порядке было со мной»*. Последние слова не бравада, а осознанное понимание законов литературы. Обругали, означает – услышали и, как минимум, что-то поняли. Следующая неожиданная книга Аннинского выходит уже в семидесятые. «Обручённый с идеей» посвящена мученику слова, ставшему помимо своего желания иконой советской литературы – Николаю Островскому. Для кого-то этот выбор можно было объяснить конъюнктурой, желанием добиться одобрения сверху. Аннинский писал, как он считал и тогда, и после, о духовной силе, «красном житии» тридцатых, воплотившем в себе трагический образ трудной и великой эпохи. Книгу снова прочли, что характерно для Аннинского в частности, но не для советских критиков в общем. В официальной печати «Обру-

чѐнного с идеей» поспешили назвать путаной и субъективной книгой. Опыт подсказывает, что в литературе остаются, как правило, именно «путанные и субъективные» книги. Характерно, что уже во времена окончательного торжества демократии Аннинский переиздаѐт «Обручѐнного с идеей», написав к нему предисловие, не меняющее, а парадоксально подчѐркивающее общий изначальный посыл книги. Своѐ отношение к непрекращающейся борьбе с тоталитарным прошлым критик выразил ясно и с объѐмным послевкусием: «Простите: если коммунизм – химера, то сколько можно с химерой бороться?».

Следующий неожиданный поворот (в случае Аннинского определение явно тавтологическое) – обращение к полузабытым русским писателям позапрошлого века. Он пишет исследования про Писемского, Мельникова-Печерского, Лескова, собранные в книге «Три еретика». Свой выбор в отношении «классиков второго ряда» Аннинский объясняет метафорично, но ясно: «Чем пригорок «виноват» перед горой? Почему, собственно, пригорок надо отсчитывать от горы? Почему не от равнины, не от низины, не от почвы?». Аннинского всегда интересовали детали ландшафта, без которых невозможна точная карта русской литературы. Взгляд с пригорка важен не менее панорамного вида с вершин. Не может быть атласа, состоящего из обозначения одних тысячников. Для понимания необходима свобода взгляда.

В активе критика рецензии, предисловия к текстам, значение которых, мягко говоря, весьма спорно. Для некоторых провинциальных кудесников слова предисловие Аннинского осталось навсегда высшим литературным достижением. Вспомним ещѐ раз слова про низины. Аннинский любил и умел соединять, видел «сцепку общей судьбы». Громить он не хотел. Русской литературе нужны все. И всем находится там своѐ место и значение. Зачастую выбор Аннинского определялся возможностью, оттолкнувшись от заведомого нешедевра, выйти на разговор принципиально иного уровня. С ним можно было спорить, не соглашаться, что автором приветствовалось, но нельзя было не признать вертикальную природу его мысли.

Те, кто пишут об Аннинском, отмечают его внутреннюю свободу, позволявшую ему быть автором в изданиях, которые ничего не объединяло, кроме имени их общего автора. Эта его особенность важна сегодня во время окончательного распада литературного пространства, который в России традиционно связан с периодикой, толстыми журналами. Яростные литера-

турные, публицистические бои восьмидесятых сошли на нет. У современных журналов сохранилась своя, пусть и урезанная временем, аудитория, которая, к сожалению, не пересекается с читателями других изданий. Многие элементарно стали неинтересными друг другу даже на уровне полемики. В этой ситуации Аннинский взял на себя обязанность быть зачинщиком, организатором дискуссий. Он не боялся опасных тем, предпочитая говорить и проговаривать их до конца. Начиная с нулевых годов, выходят его работы, посвящённые истории, национальному вопросу, в которых он спокойно показывал иллюзорную природу многих исторических национальных мифов: «Берлин, кстати, показал во Второй мировой войне ту степень равноправия и партнёрства, которую гитлеровцы отвели своим украинским (и прибалтийским) союзникам: они определили их в каратели».

Немало текстов Аннинского раскрывают «опасную» тему русско-еврейского вопроса. Он публикует статьи на эту тему и в «Завтра», и в либеральных изданиях, не прогибаясь под возможные редакционные стандарты. Позволяя известному автору писать, как он хочет, издания ориентировались не просто на имя. Все прекрасно понимали, что статьи Аннинского – частная возможность вернуть тот дух борьбы, интереса к слову, которые остались в другом времени. Показательно, что сам Аннинский ценил возможность разговора с читателем, делая его своим соавтором. Критик использовал приём комментария к письму, отвечая читателям, мнения которых он порой не разделял, но считал ценным для понимания проблемы. Многие вещи автор называл своими именами, которые под его пером переставали быть запретными. Не может быть запретов, всё может быть предметом внятного разговора. Этот диалог с читателем и самим собой смог остановить только неумолимый закон времени.

Сегодня мы можем не так мало. Продолжать думать и писать спокойно и честно. Лев Аннинский показал, как это делается.

*г. Новосибирск
(Газета «Литературная Россия»)*

Геннадий Рудягин

СКОРЫЙ ПОЕЗД «ПАРИЖ – ВАРВАРОВКА»

Рассказы

ПО-ЧЕЛОВЕЧЕСКИ

Ранним утром, беззвучно рассекая крыльями молочный туман, над селом пролетели последние дикие гуси.

Как тени ушедшего лета.

Как не высказанные вслух мысли о наболевшем.

Как прощальные строчки о безбедном житье.

Стоя посреди своего двора, проживающий с престарелыми родителями суровый холостяк Степан Криунов проводил их долгим молчаливым взглядом. И, думая о своём, громко крикнул.

Проходившая по улице, мимо его калитки, засидевшаяся в девках, переборчивая Мария Крестова остановилась.

– Опять? – вызывающе крикнула она вглубь двора.

– Что? – не понял её Степан.

– На что намекаешь?

– Не понял. Ты это о чём?

– Почему крикаешь?

– Да я не тебе!

– А кому? Кроме меня вокруг никого!

– Мыслям своим!

– Знаю я эти мысли твои! Ты чего ко мне пристаёшь?

– Когда?

– Всегда! Где только видишь меня! То на почте, то на автобусной остановке, то в магазине!.. Чего ты добиваешься? Я – не утка! Чего всё время крикаешь?

– Ты о чём? – опять не понял её Степан, подходя к калитке.

– Не понимаешь?

– Нет.

– Говорю: не крикай! Мне уже совестно перед людьми!

И ушла.

Степан в недоумении постоял, пожал плечами, ещё раз глянул в небо, залитое молоком утреннего тумана. И молча вернулся к повседневным делам по хозяйству.

То к одним делам. То ко вторым делам.

То к третьим.

И всё думал и думал.

О том думал, что на почте пришлось заплатить за электричество почти на половину больше, чем в прошлом месяце.

Что подорожал и хлеб в магазине.

Что даже частник Мишка Узваров повысил цены за проезд на своём автобусе-драндулете.

Что государство уже и не государство, а какая-то частная лавочка...

А утро тем временем расцветало декабрём. Расцветало и расцветало.

Под звонкие крики петухов, белый туман, кристалликом за кристалликом, разукрасил инеем прежде чёрные сады. Крест на куполе деревянной церкви. И провода телеграфных столбов.

Небо прояснилось.

Над крышами села выплыло красное солнце...

Выйдя из коровника и оглядевшись по сторонам, Степан снова крикнул.

– Что? – откликнулась от калитки вся в белоснежном пуху, проходившая в обратную сторону Мария.

Степан поднял вверх большой палец руки, улыбнулся похорошевшей округе.

– Ну, наконец! – улыбнулась ему и Мария.

– Ты о чём? – опять не понял её приуставший от работы Степан.

– Не крикаешь, а признаёшься по-человечески!.. Хорошо! Я подумаю! Завтра скажу!

И снова ушла. Стройная, гордая, неприступная.

А вечером пошёл первый снег. И стало окрест ещё краше.

ПЕШКОМ ПО ДЕКАБРЮ

Ближе к вечеру выпавший снег посинел...

А к ночи село зажгло тёплые окна.

В одном доме.

Во втором.

В доме слева.

В доме справа.

Где-то далеко проскрипели чьи-то шаги.

Настороженно перекликнулись дворовые собаки...

Любой-любой человек, выйдя в это время на своё крыльцо, без ошибки назовёт имя хозяина каждой собаки. Но никто-никто не узнает, чьи это проскрипели где-то шаги.

Он, этот любой человек, оглядев припорошенные первым снегом дома соседей, их сады и небо над головой, может даже воскликнуть:

– Бог ты мой! Ах, ах, ах!.. А звёзды-то, звёзды! А луна!.. Просто зимняя сказка!

Но никто не скажет, чьи это где-то скрипят так шаги.

А они, эти шаги, оставляя чистый след от ботинок на нетро-нутом никем первоснеге, уже замерли у приветливых окон дома Феличии и Захарии Бургиу.

«– Я, знаете, чего бы хотела? – спросила когда-то в моей миниатюре молоденькая беременная жена-молдаванка Феличия, усаживаясь на охапку сена в телеге.

Её зрелый муж Захария подоткнул под неё выбившееся оде-яло.– Чего? – спросил он, улыбаясь.

– Только не смейтесь! – покраснела Феличия. – Не будете?

– Не буду.

Феличия пожевала сухую соломинку.

– Я не знаю, как сказать, – прошептала она. – Наверно, это будет не очень умно.

Захария терпеливо ждал.

– Сказать? – ещё раз прошептала Феличия.

Захария кивнул.

Феличия глянула в сторону пожелтевшей черешни.

– Вот, когда падают листья, – сказала она. – Они же что-то говорят?

У Захарии перехватило дух. Он ждал продолжения сказки.

– А если на эти слова сочинить песню, – продолжала Феличия, – то получилась бы, наверно, хорошая колыбельная для нашего Ионела. А? Как думаете?

Захария сдвинул фуражку на затылок:

– Ты думаешь, у нас будет Ионел?

– Я это знаю...

– А сколько у меня есть времени для... музыки? – спросил Захария.

Феличия зарделась румянцем.

– Может, сутки, – сказала она. – Или меньше.

Захария надвинул козырёк фуражки на глаза.

– Я что-нибудь придумаю, пообещал он. – Я успею... Поехали?

До роддома было минут сорок езды...»

А до их окон теперь рукою подать – светлых, радушных и добрых. Они в эту морозную декабрьскую ночь согревают мне душу.

– Пусть вас всегда бережёт мелодия нежной любви! – шепчу я. И скриплю дальше.

Скриплю, видя только следы на снегу, а себя увидеть никак не могу...

У калитки очередного дома с окнами, изнутри увитыми зеленью комнатных растений, мои шаги замирают опять. Здесь, в другой моей миниатюре, жила одинокая мама-украинка с маленькой дочкой, и здесь же когда-то...

«Уже собирались в стаи предотлётные скворцы, и, глядя в синее небо, тоскливо кричали домашние гуси...

Высушенные тыквенные семечки были бережно ссыпаны в холщовый мешочек, а тщательно промытые толстые корни петрушки уложены в хозяйственную сумку.

– Mam! – сказала шестилетняя дочка. – Ну, вот и всё! А теперь возьми меня завтра с собой на базар!

– Нет! – ответила мать. – Думаешь, это – праздник, городской твой базар? Иной раз простишь полный день, ног не чуеть, а у тебя и купят-то пару стаканов семян да три корешка петрушки... Кока-колу хочешь? Нет! Нам ещё нужно тетрадки купить и букварь. Я не хочу, чтоб в тебя тыкали пальцем!.. Может, с Божьей помощью всё одолеем.

– Ну, мам!

– Нет, нет, нет!

– А папа бы взял!

Мать посмотрела на дочку. Опустилась на стул.

– Папа! – сказала со вздохом. – Будь жив, он бы и меня ни за что не пустил на базар. Поехал бы куда-нибудь на заработки. Жили бы мы, как все люди.

Девочка провела пальчиком по клеёнке стола.

– Потому что он любил меня больше, чем ты, – сказала она.

Мать ещё раз глянула на всхлипнувшую дочь, опустила голову в ладони, и ничего не сказала.

– Я же хочу тебе только помочь, – виновато сказала девочка, утирая слёзы. – Ты же учительница... Ничего не умеешь... Не

привыкшая ты... Спорим, что завтра я всё это продам! Всё, всё, всё! Спорим?

Мать и в этот раз ничего не сказала... А утром над торговыми рядами городского базара звенел чистый детский голосок – сельская девочка с голубыми бантиками в соломенных косичках вдохновенно зазывала покупателей к холщовому мешочку с тыквенными семечками и к связкам толстых корней петрушки.

Как им, бедным, живётся за этими, искрящимися изморозью, окнами сегодня? Будет ли чем встретить Новый год? Приведёт ли их окаянная жизнь к Рождеству?..

А в этом доме свет в тёплых окнах вдруг погас. Наверное, его обитатели легли спать.

«– Теперь, Василёк, тепло вернётся только после того, как в лужах искупаются воробьи, – сказала русская мать в третьей моей, давней, миниатюре, и, прихватив зонтик, ушла в магазин.

А дождь всё лил и лил...

И луж за окном было много.

Серые, холодные, рябые от дождя, с плавающими в них жёлтыми листьями.

И ни одного при этом воробья. Ни единого!.. Из дома через дорогу вышел дядя Ефрем в зелёном плаще с капюшоном, в сапогах; прикрыл за собою калитку, и пошёл по грязным лужам. Наверно, на станцию пошёл. К поезду. Поезд повезёт его в город. За чем-то. Может, за воздушными шариками для своей дочки Алёнки. А может, за какой-то таинственной атмосферой для матери своей дочки Алёнки, которая один раз говорила маме Василька: «Мне в вашем селе, Фрося, не хватает своей атмосферы!» Может, сегодня дядя Ефрем ей привезёт и эту атмосферу. Алёнке – разноцветные воздушные шарики, а тёте Анжеле – её атмосферу. Да-да-да! Он такой, дядя Ефрем. Не зря он прихватил с собой большую красно-синюю сумку. Шарик для Алёнки будет держать за ниточки в руке, а атмосферу для тёти Анжелы засунет в большую красно-синюю сумку... И семья его будет счастливой...

Если бы не этот дождь, Василёк бы тоже сделал что-то такое. Например, сбегал бы на речку, наловил пескарей или в поле нарвал голубых васильков. Мама пришла бы из магазина, а в банке на столе – целый букет, а в жёлтом ведёрке – море живых пескарей. И в семье Василька – тёплое, доброе счастье.

– Ах ты, счастье моё! – сказала бы весёлая мама.

Если бы только не этот холодный дождь!

И, главное, – ни единого воробья ни в единой луже!

Ни одного синего просвета в лохматом скучном небе!

А весёлого счастья хотелось...

Конечно, не выйди со своего двора дядя Ефрем в зелёном плаще с капюшоном, не направься он к станции с сумкой в руке и, не зная Василёк, что всё это в результате означает, пятилетний мальчонка так бы и просидел у окна до прихода матери из магазина. Но он всё-всё знал.

«Если тепло приходит, когда воробьи купаются в лужах, – осенило его, – то что же будет, если!..»

Василёк поспешно обулся, оделся, вышел из дома и побежал под навес.

Там, прижавшись друг к другу, сидели задумчивые куры...

Когда мать пришла из магазина, Василёк уже пятерых из них искупал в грязной луже»

Дорогие мои, дорогие!..

Окна стали гаснуть и в остальных домах: слева, справа и дальше, дальше – в Молдове, на Украине, в России.

Может, ещё увидимся... при солнечном свете.

ЧЁРНЫЕ ИЗБЫ НА БЕЛОМ СНЕГУ

В морозной тишине заснеженного синего утра на голых ветках заиндевелых деревьев спят седые от инея вороны. Вы видите их?.. На берёзе у одного подворья, на берёзе – у другого, ещё на одной берёзе у третьего. Видите? Нахохлились, застыли и спят. Одна ворона, вторая, пятая, десятая... Не пересчитать. Потом они, как ошпаренные, вдруг проснутся, закричат и взлетят. Но о причине этого переполоха я расскажу чуть позже.

А стук топора на одном из подворий слышите? Это одинокий дед Елистрат колет дрова. Колет и колет. Колет и колет. Неторопливо. Размеренно. По многолетней доброй привычке. Он тоже скоро переполошится. Вздрыгнет, вгонит колун-топор в колоду и, под ошалевший крик перепуганных ворон, переполошится.

И тётка Варвара с мужем дядей Сергеем из соседнего подворья тоже переполошатся. Пока-то они об этом ничего не знают. Дядя Сергей носит в дом из сарая дрова, тётка Варвара растапливает печь. Один носит дрова, другая растапливает печь. Как ни в чём не бывало. И ничего о причинах предстоящего переполоха не ведают.

Как и юная девушка Надя из третьего подворья. Эта, скорее всего, видит какие-то приятные сны. Может, летает, потому что всё ещё растёт. А может... Не знаю. Она во сне улыбается.

Всё.

Чёрные избы на белом снегу. Покосившиеся заборы. Голые берёзы. Спящие в морозной тишине заснеженного раннего утра седые от инея вороны. Дед Елистрат с топором-колунуном. Тётка Варвара с мужем дядей Серёжей. И девушка Надя с улыбкой на спящем лице. Больше в этой заброшенной деревне никто не живёт... Правда, вон виднеется из будки, на чьём-то подворье, морда зевающей собаки. Видите?.. Значит, ещё и она. Да и кошки, наверное, у каждого жителя есть. И куры с гусями и утками. Может, мы их просто не видим. Потому что утро очень раннее. И мороз, наверно, под тридцать... А дальше – неприступной стеной стоит лес, в котором, конечно же, водятся дикие звери. И ничего бы в этом, оторванном от цивилизации дремучем мирке, не изменилось до самой весны. Если бы не скорый Новый год, и не вот это:

– Внимание, внимание! – громогласно звучит в синем воздухе отчётливый голос вокзального диктора. – Граждане пассажиры, будьте внимательны и осторожны: на первый путь прибывает скорый поезд «Париж – Варваровка»!.. Внимание, внимание!..

И с криком взлетают с деревьев вороны. Дед Елистрат, вздрогнув, вгоняет в колоду топор-колун. Тётка Варвара недоумённо переглядывается с дядей Серёжей. Девушка Надя радостно распахивает глаза. И, наверно, все дикие звери в панике убегают в спасительный лес.

– Внимание, внимание! – ещё раз кричит в рупор громкоговорителя молодой и весёлый Дед Мороз по имени Павел. – Граждане пассажиры, будьте внимательны и осторожны: на первый путь прибывает скорый поезд «Париж – Варваровка»!

И его хромая дрезина, ковыляя по засыпанным снегом рельсам, на ощупь, приближается к забытой богом деревне...

Потом он, Дед Мороз по имени Павел, помогает тётке Варваре и её мужу выгружать с дрезины наполненные чем-то мешки и коробки.

– Это, – говорит он, – мука. Это – сахар... А это – растительное масло. Всё, граждане пассажиры, на всех!

– А лично для меня? – спрашивает дед Елистрат.

– А лично для вас, дедушка, килограмм отборных строительных гвоздей.

– А для меня? – застенчиво улыбается девушка Надя.

И мы с вами видим, что они давно не равнодушны друг к другу.

Весёлый Дед Мороз по имени Павел долго и серьёзно смотрит в её голубые глаза.

– А для тебя, красавица, моё приглашение в ЗАГС! – отвечает Павел. – Поедешь со мной в этот раз?

– Нет, – отвечает девушка Надя. – Ещё рано.

– А когда поедешь?

– Через год. Когда исполнится восемнадцать.

– Обещаешь?

– Обещаю.

– Граждане пассажиры, все слышали? – обращается Павел-Дед Мороз к остальным.

– Все! – откликаются счастливые тётка Варвара, её муж дядя Сергей и дед Елистрат. – Дай вам, обоим, Бог счастья!

– Теперь не отвертись! – улыбается девушке Павел. – А пока – вот лично от меня моей Снегурке! – и протягивает ей коробку конфет. – Твои любимые! И ещё – письмо!

– Письмо? – удивляется девушка Надя. – От кого?

– От меня. Чтобы помнила меня и чтобы ждала.

И ничего от новогодних сказок в этом нет. Все же сами видели и слышали. Всё без мудрых волшебников и без угодливых фей. Ведь правда?..

Но порою я всё же думаю: как было бы хорошо, если б для жителей наших брошенных деревень всё было хотя бы вот так!

ЕСЛИ ГДЕ-ТО ЕСТЬ МЫ

Это слышала и видела только зимняя ночь. Морозная, заснеженная, стылая. Всё слышала и видела, и – ни слова, ни полслова никому о том странном происшествии, случившемся на участке между станцией заштатного городка, где скорый поезд никогда не останавливался, и станцией областного центра, до которого было километров сто...

Вначале – далёкий гудок тепловоза.

Потом – луч его прожектора, который всё приближался и приближался.

Потом – блеск отражённой луны в заспанных окнах промчавшихся мимо вагонов.

Потом заметила эта ночь, как в одном из вагонов распахнулась дверь тамбура, и из него, на полной скорости поезда, выпрыгнул в глубокий снег какой-то человек с рюкзаком за спиной.

Всё видела и слышала, ничего не упустила:

И умчавшийся потом в бело-синий простор скорый поезд.

И этого человека, который немного полежал без движения в высоком сугробе.

А молчала, как ледяная баба, уставившись в высокое и холодное лунно-звёздное небо...

Заговорили же обо всём те, которые ничего этого не видели и не слышали: дежуривший в ту ночь в местном отделении полиции молоденький лейтенант, его ближайšie друзья и родственники, коим он всё рассказал после смены, и почти всё население засыпанного по самые окна снегом заштатного городка, услышавшее новость от всех предыдущих.

Задремавший в ту пору на своём посту молоденький лейтенант никому не говорил только о своём первоначальном испуге, когда вдруг почувствовал на себе выжидающий взгляд ночного посетителя с рюкзаком за плечами, стоявшего по ту сторону окошка застеклённой стойки дежурки.

– Кто такой, и чего надо? – как будто бы, спросил отважный офицер.

– Ты не поверишь, – как будто бы, ответил вежливо тот.

– Конкретнее! – потребовал окончательно пришедший в себя лейтенант.

– Это городок такой-то? – как будто бы, спросил странный посетитель.

– Да, – как будто бы, ответил лейтенант. – Такой-то.

– Значит, всё верно, – как будто бы, улыбнулся тот. – Он-то мне и нужен.

– Кто?

– Этот городок.

– Зачем?

– Ты не поверишь, – как будто бы, опять вежливо ответил тот. – Он, этот городок, мне часто снился. Часто-часто. И дом без номера. Не подскажешь, где он находится.

– Кто?

– Ну, этот дом!

– Зачем? – опять, как будто бы, спросил бесстрашный офицер.

– Сам не знаю, – ответил тот. – Но он мне очень-очень нужен.

«Псих, – как будто бы, подумал в ту ночь дежуривший лейтенант, – или бандит, который прикидывается психом».

– Ваши документы, гражданин! – строго потребовал лейтенант, вставая со стула.

– Пожалуйста! – с готовностью протянул свой паспорт вежливый «псих».

– Ну, так, – сказал дежурный лейтенант, сверяя фотографию в документе с личностью стоявшего по ту сторону застеклённой

стойки. – «Фамилия Такая-То, имя Такое-То, отчество»... Так в чём же дело, гражданин? Чего вам надо?

– Ты не поверишь, – опять начал мутить воду этот гражданин по имени Такой-То. – Мне часто снился этот городишко и дом без номера. Не подсказешь, где его искать?

– А название улицы? – спросил лейтенант.

– В том-то и дело, что название улицы во сне не сообщалось, – ответил этот странный Такой-То. – Просто – этот городок и дом без номера.

– А что там должно быть?

– Не знаю. Но что-то очень важное для меня и жизненно необходимое. Я вначале и сам не поверил в эту информацию, подумал: сон и сон... Но они стали сниться мне всё чаще и чаще, почти каждую ночь: заснеженный небольшой ваш городок и дом без номера. Я и добрался сюда, чтобы всё узнать конкретно... Ты не поверишь, как долго я шёл сюда для этого и ехал. Помоги, пожалуйста, будь другом! А я, если понадобится тебе, одним махом уложу любого преступника!

«И мужик-то молодой, высокий, крепкий, – рассказывал потом дежуривший в ту ночь лейтенант полиции, – но точно – псих!»

«А холостой или женатый?» – интересовались те, кому рассказывал об этом лейтенант.

«По паспорту – точно холостой, – отвечал лейтенант, – сам видел!»

«Псих! – чесали в затылках мужики. – Как есть, самый натуральный псих! У нас ведь все дома стоят под своими номерами, все учтены... что за бред?»

«А может, просто одинокий, – сочувственно качали головами сердобольные женщины. – Может, ищет парень любовь».

«А где он теперь?» – живо интересовались незамужние девчата.

«Где-то, – отвечал одержимый смену лейтенант. – Кто ж знает?! Бродит, ищет. Я ему сразу сказал, что нет у нас такого дома, а он: «Не может быть! Он должен быть! Он есть!»

«Конечно, есть! – ответила на вопрос подбежавших к ней девчонок проходившая мимо почтальонша. – Скоро год, как стоит без номера. Как сняли его перед покраской фасада, так и не повесили на место».

«Где? Чей он?» – застрекотали любопытные девчонки.

«Да вон там. На самом краю городка. Где одна хорошуля всё ждёт писем от придуманного принца: «А мне что-нибудь от кого-»

нибудь сегодня есть? А мне от кого-нибудь что-нибудь есть?» Я, конечно, шучу, говорю: чтобы что-то было, нужно, чтобы кто-то был. А у тебя же, царевна, никого и нет! «Есть, есть, есть! – каждый раз смеётся она. – Если есть я, значит, где-то обязательно есть и он!»...

Вот всё это и растревожило в тот день спокойный до этого, весь заснеженный мир заштатного городка с голубыми дымками над крышами.

– Псих! – слышалось то здесь, то там.

– А-ла-ла, а-ла-ла!

– А может, ищет любовь...

– А-ла-ла, а-ла-ла!

– А где он теперь?

– Где-то...

– Где?

– А-ла-ла, а-ла-ла...

– А она смеётся, – говорит почтальонша: «Если есть я, значит, где-то обязательно есть и он!»...

А на самом краю городка, куда не долетала людская молва, какой-то бородатый дед в своём дворе постоял, глядя в беспроекторное, мглистое небо, постоял.

– Что там, дедушка? – окликнул его звонкий девичий голос.

– А? – откликнулся дед.

– Что там? – ещё раз прозвенел голосок.

– Чую, – опять откликнулся дед.

– Что ты чуешь? – засмеялся девичий голос.

– Что-то... Кажется, к ночи, нагрянет сильная метель.

*г. Черновцы,
Украина*

Евгений Степанов

В МИРЕ ЕСТЬ РЯБИНА

РАЗГОВОР

– Я же кровь Твоя и плоть,
Значит, что-то стою.
Чем помочь тебе, Господь?
– Будь со мною.

ВОСЕМЬ СТРОК

Евангелие от Матфея.
Простить-и-жить. Благоговей
Пред каждым (даже скорбным) днём.
И в сердце строить Божий дом.

Казалось бы, не слишком сложно:
Любовь, терпение помножь на
Прощение. И – сгинет мрак.
Но в жизни часто всё не так.

СТАРЫЕ СЛОВА В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Друг, пусть даже самый славный, неизбежно предаёт.
Враг, пусть даже самый слабый, создаёт напряг излишний.
Из союзников у русских – только армия и флот.
Только армия и флот. И – как водится – Всевышний.

СРЕДИ ВЕРБАЛЬНЫХ ТРАВ

Je ne regrette rien – поёт Эдит Пиаф.
О чём-нибудь жалеть и я не вижу смысла.
Я долго шёл один среди вербальных трав,
Считая и любя кондратовские числа.

Я долго шёл один, я поле перешёл.
И я увидел дом и свет в конце тоннеля.
Подошвы башмаков истёрлись в порошок,
Но я нашёл рожок и дудку менестреля.

Je ne regrette rien – остались позади
И поле, и овраг, и перелески с чащей.
Я сам себе шепчу: «Гляди в себя, гляди!»
И дудочка со мной, и мой рожок звучащий.

НОСТРАДАМУС – XXII

Америку большие ждут напасти.
Америка развалится на части.
Таков закон огромных величин.
А что же будет с нами? Промолчим.

Потомки Чингисхана и Наири
Влияние усилят в этом мире.
Орда окрепнет, ясно и ежу.
А что же будет с нами? Не скажу.

И новые возникнут в небе трассы,
И новые придут на землю расы.
Дитё сожмёт Вселенную в горсти.
А что же будет с нами? Не грусти.

НА ЗЕМЛЕ

Я больше не бегу, и дни мои рутинны.
На дачном берегу живу, как фон-барон.
Вельветовая ветвь молоденькой рябины
Влезает на балкон.

А рядышком – сосна, орешник да ромашки...
И так здесь хорошо, что я забыл беду.
Сосед ко мне зайдёт – мы выпьем по рюмашке.
А если не зайдёт – я сам к нему зайду.

ТВОЯ ПРОВИНЦИЯ

Синематограф, клуб, два книжных магазина.
Печальный коленкор – провинциальный быт.
Но здесь ты осознал, что в мире есть рябина,
Но здесь ты услышал напевы аонид.

Хроническая грязь, извечные попутки,
В автобусах смурных грызня и толкотня.
Но здесь друзья к тебе, точно девчонки, чутки,
Но здесь тебе дано запрыгнуть на коня.

УНЦИЯ СВЕТА

Начинается нечто такое, чему
Ни к чему ни слова, ни дороги.
Прикоснусь – и пойму, посмотрю – и пойму.
Не пойму слишком много в итоге.

Вознесётся воздушный над офисом шар,
Упадёт на лепёшку коровью.
Точно Дракула, кровью упьётся комар.
И умрёт – переполненный кровью.

А росточек, который зимою зачах,
Разомлеет в объятиях лета.
И в обычных свинцово-пунцовых глазах
Заневестится унция света.

Я покаюсь за спешку, стихи и грехи,
Я засну, как трехлетний мальчонка,
И приснится: деревня, поют петухи,
Петухи кукарекают звонко.

НЕ ВЕРЮ-И-ВЕРЮ

Не верю, что строим
Дойдём до Эдема, не верю жрецам знаменитым.
Не верю «героям» –
«Герои» нередко сродни кровожадным бандитам.
Но верю талантам,
Прошедшим сквозь боли и травлю, туман и ухабы.
Кто будет гарантом,
Чтоб этих талантов сейчас оценили хотя бы?

ВЧЕРАШНИЙ ДРУГ

Ну что ж, валяй, громи, базлай,
Вчерашний друг, а ныне – злюка.
Лайк быстро переходит в лай –
Таков суровый нрав фейсбука.

Ну что ж, уходишь, так ступай,
Шагай, моей судьбы минуя.
Я сам себе налью стопарь –
И нашу дружбу помяну я.

Я не хочу ненужных драк,
Дела мои – неотменимы.
Но ты дурак и я дурак.
И дружбы не смогли спасти мы.

ОТПУСК

Вдоль бухты, вдоль бухты иду в старый град,
И море, и камни со мной говорят,
Со мной почему-то не споря.
Вдоль бухты, вдоль бухты, вдоль моря.

Я вижу какой-то особенный мир,
И зреет, как чувство, изящный инжир,
И персики зреют, и сливы.
Пейзажи теплы и красивы.

И я понимаю, что этих красот
Я мог не увидеть; любовь и восторг
Меня заполняют всецело.
А в море стоит каравелла.

Она уплывёт, обгоняя баркас,
В шикарную Варну, а может, Бургас.
Конечно, возвышенна Варна...
А мне и в Несебре шикарно.

ЗАУ-ЗЫ

У меня больное се...
Что поделать? Я терплю.
Я люблю стихи Есе...
А бездарные не лю...

Я сию в своей норе,
И мне нравится нора.
Для кого-то я мудре...
Для кого я дура...

Я пою свободе гимн,
Я хочу могучих чу...
И не в силах стать другим,
Даже если захочу.

ЗДЕСЬ

– Уезжай, – говорят мемуары.
– Уезжай, – вторят войны и свары.
Уезжай, уезжай, уезжай!
Здесь загонят тебя за можай.

Не оставить очаг домоседу.
Никуда я отсель не уеду.
Никуда я не сдвинусь отсель –
С этих гиблых – волшебных – земель.

г. Москва

Андрей Воронцов

КОРАБЛЬ В ПУСТОТЕ

Etruscum non legitur
(Этрусское не читается)

Древнеримская поговорка

Турбины взвыли, засвистал снаружи ветер, побежала назад серая полоса асфальта наперегонки с зелёной полосой травы. Замелькали вышки, будки, самолеты, ангары, топливозаправщики. Тополя замахали руками, прощаясь. Нарастало томительное ощущение потери соприкосновения с землёй. «Эйрбас», разгоняясь, словно наливался её тяжестью, пока под днищем что-то не оборвалось, и пронеслась пустота. Мир качнулся и пошёл вниз. Косой макет аэропорта остался лежать в зелёном поле, разлинованном взлётными полосами, его разом обступила степь с ветвящимися по ней балками, слева набежала толпа домов, хаотичная в предместье и выстраивающаяся в шеренги ближе к центру. Аэропорт с диспетчерской вышкой пропал, как будто его не бывало, внизу лежал город Н., разрезанный узкой тёмной щелью бухты, которая светлела, расширяясь к морю. Мгновение – и оно уже заполнило собой весь горизонт, навалилось молодой грудью на старый, морщинистый берег. Вдруг над обрывом сверкнули на солнце два стеклянных кубика. Что-то помстилось в них знакомое... Да это же «Аквариум»! И то ли солнце превратило его крошечные грани в увеличительные линзы, то ли примерещилось мне на секунду, но увидел я, словно сквозь крышу, игрушечные коридоры, двери, комнаты, холлы, лестницы, лифты, фойе, зеркало, а в зеркале – теряющийся в бесконечности зал...

Фрагмент романа

Впоследствии выяснилось, что сорок девять человек исчезли ещё вечером, а не утром, когда все всполошились. Придя на завтрак, я удивился, не встретив в гостиничном кафе ни души. Посмотрел на часы – опоздал? Да нет, 8.20, а завтрак с восьми. У стойки с едой совершенно нетронутый вид, на столах ни крошки, приборы разложены в идеальном порядке. Всё блестит и ждёт едоков, башня из чистых тарелок стоит по стойке смирно, а едоки куда-то запропастились.

– Неужели я первый? – осведомился я у девушки из obsługi, показывая отельную карточку.

Та неопределенно пожала плечами, даже не попытавшись изменить заспанно-неприветливое выражение лица на нейтральное. Я редко бываю первым на какой-нибудь раздаче, но, если такое случается, не умею извлекать выгоду из положения. Вот и сейчас: кажется, выбирай-не-хочу – самую глазастую яичницу, самые пухлые сосиски, самый румяный круассан. Да как-то неудобно пользоваться случайным преимуществом, хотя кухонной девушке это, скорее всего, по барабану. Неловко, чувствуя спиной её взгляд, набрал того, что попало под руку, нацедил кофе из автомата, сел в самый дальний угол. Дурацкая ситуация: один ест, другая смотрит. Может быть, и не смотрит, да какая разница, если представляешь её взгляд. Однако – где же остальные? Сказано: сбор в восемь сорок пять внизу, но ещё никто, кроме меня, не завтракал. Или ученые гульнули вчера, а сейчас не могут оторвать чугунных голов от подушки? Но, вернувшись поздно вечером с ознакомительной прогулки по городу, никаких звуков гульбы я не слышал. Вообще было как-то тихо, и никто не встретился мне по пути к номеру. Да и сейчас никто не встретился, даже удивительно. Отель-то, понятное дело, почти пустой – не сезон, а вот участников конференции этрускологов, прибывших автобусом из аэропорта, вчера на ресепшене толпилось много.

Или я упустил какие-то изменения в программе? Вчера ушёл, едва заселившись, зная, что свободного времени больше не будет. Первый день – пленарное заседание, второй – работа по секциям, вечером – банкет, а на третий день, после подведения итогов и обеда, отъезд. Теперь не советское время, чтобы ещё денек выделять гостям на культурно-ознакомительные мероприятия. Отстрелялись – и домой, чтобы лишние деньги на вас не переводить. Это только на Востоке гостей ещё не топят выпроваживать.

Нет, если бы были какие-то внезапные изменения, то мне бы сообщил об этом портье, вручивший по моём возвращении пакет на моё имя с документами конференции. Я их у себя просмотрел, и там было написано то же самое, что сказал в автобусе координатор: завтрак – 8.00–8.40, отъезд на конференцию – в 8.45, с 9.00 до 9.30 – регистрация участников в городской библиотеке. Ладно, бог с ними, что мне за дело? Главное, самому не опоздать. Я допил кофе и пошёл обратно в номер, собираться.

В коридорах, у лифтов снова я никого не встретил. Ну, значит, здесь так. Пусто и необыкновенно просторно. Номер мой был чуть не с футбольное поле. Окна – от пола до потолка, отдёрнешь шторы – море света. Прямо все шесть, а не пять «звёзд». Не говоря о том, что «звёздами» я вообще не избалован и был бы доволен приличными тремя, иными словами – номером размером со здешнюю ванную. Вчера кто-то сказал, что отель только-только построил некий высокий чин из Минэкономразвития и мы в нём едва ли не первые постояльцы. Мы да ещё местная футбольная команда. (Дело ясное – пробное заселение оплачивается из бюджета. Эти, из Минэкономразвития, умеют устраиваться). У футболистов статус был поскромнее нашего. На ресепшене я слышал, как молодой человек в спортивном костюме с обидой говорил лысому жилистому тренеру: «Нам же обещали, что игроки будут жить по одному!». «Так то игроки! – парировал тот. – А ты кто? Вратарь!» Оказывается, вратарь – не игрок. Во всяком случае, здесь.

По совести говоря, среди этрускологов – я тоже «не игрок». У меня даже нет учёной степени. Но я автор книги о праславянах, в которой есть глава об этрусках. Не то чтобы я напрямую выводил русских из «этрусских», как это сейчас модно, однако те материалы по сравнительной лингвистике, что я прочитал по ходу работы, свидетельствовали, что случайных этимологических совпадений в истории языков почти не бывает. Допустим, этруски – это римское название, но сами-то они себя называли расена. Причем и «расена» эта известна нам в передаче историков древности, не заботившихся о транскрипции, а в этрусских надписях читаем просто – «рус». И «земля» у них была «земеля». При таких совпадениях нашим лингвистам и историкам нужно быть дураками, чтобы не искать общности. Другое дело, что в таинственном языке этрусков чем дальше в лес, тем больше дров, и «дрова» эти, с позволения сказать, не очень похожи на что-то славянское, а тем более русское. Однако и язык «Бео-

вульфа» слабо напоминает не только современный английский, но и староанглийский. Всё то, что мы подразумеваем, говоря о древнеславянском или древнерусском, основано на сравнении средневековых образцов с современным языком. А ведь древнеславянскому, в свою очередь, предшествовал другой язык, более древний. Был ли он этрусским, венетским или ретским, мы не знаем. Но общее между этрусским и русским, если оно есть, можно найти, последовательно подбирая соответствия этрусскому в старославянском, древнерусском и уж потом только в русском. И не оттого ли «этрасское не читается», что читают неправильно, ища «формулу соответствия» в неславянских языках? Ну, и так далее – об этом и была моя глава. Надо сказать, что подобных теорий, начиная с XIX века, выдвигалось немало, и я не знаю, почему именно меня пригласили на конференцию. Наверное, в качестве мальчика для битья, чтобы показательно выпороть и в очередной раз объявить антинаучными воззрения тех, кто ищет родство русского и этрусского. Я, вообще-то, не против: в нынешних условиях академическая порка – не худшая форма пропаганды твоих взглядов. И возможность, к тому же, дать вторую жизнь моей книге, которая вышла не очень большим тиражом. Доктора и кандидаты эти докажут, конечно, что я неуч, но сами наверняка не предложат ничего нового, и моя тема окажется на конференции самой интересной. Так я мнил, а как оно будет на самом деле, бог знает.

В номере я взял папку с бумагами, бейджик и спустился в холл. Навстречу цугом шли раскрасневшиеся футболисты – видимо, после пробежки, в предвкушении завтрака. Этрускологов же я снова не увидел никого. Я человек мнительный и сразу стал думать: может, меня так изолируют? Но зачем? Я же не напрашивался на это мероприятие. Подошёл к портье – это был другой, не вчерашний.

– Скажите, а где участники конференции?

– Простите, какой конференции? – не понял тот.

– Международной конференции этрускологов. Вы что, не слышали о них?

– Слышал, но не видел. Вы первый.

Я опешил.

– Позвольте, вчера целый автобус заселился!

– Но я не дежурил вчера.

Дурдом! Я повернулся и вышел на улицу. На парковке увидел автобус с табличкой на лобовом стекле: «Международная конференция этрускологов». А, вот и славно. Наверное, ждут

только меня. Я вошёл в открытую дверь. Водитель, скучая, сутулился над баранкой. Все места в салоне пустовали. Я молча показал шоферу бейдж и сел у окна. Надоело мне спрашивать об этих этрускологах. Что я, в конце концов, организатор, что ли? Пусть сами разбираются.

Мы сидели и молчали. Площадь перед новеньким отелем была пуста. Несколько машин, кипарисы с ван-гоговскими хохолками, южные белоствольные тополя. Тишина, солнце. Незаметно для себя я задремал. Потом очнулся и посмотрел на часы. Три минуты десятого.

– А мы не опоздаем к началу конференции? – спросил.

– Если я повезу вас одного, мне придётся потом возвращаться за остальными, – ответил водитель. – А у меня только одна путёвка – туда и обратно.

– Стало быть, вы еще не отвозили никого?

– Нет, кроме вас, никто не приходил.

– А давно вы здесь?

– С восьми сорока.

Я вытащил телефон и нашёл в «именах» записанный вчера номер координатора Хачериди, позвонил. «Аппарат абонента отключён или находится вне зоны досягаемости», – был ответ. Я уже ничему не удивлялся. Выйти, что ли, взять такси? Но ради чего, скажите на милость, я буду это делать, если там всё равно никого нет? Или все этрускологи вышли из отеля поодиночке и уехали на такси?

– А такси здесь на площади кто-нибудь брал, вы не заметили?

– Если и брал, то не здесь. Отъезжающих машин я не видел. И приезжающих тоже. Может быть, вам сходить в гостиницу, разбудить ваших товарищей?

– Знать бы ещё, где живут эти товарищи! Я не смотрел, куда их заселяют. На своём этаже никого из них я не видел.

– Так спросите на ресепшене.

– Спасибо, уже спрашивал. Там теперь портье из новой смены, которому всё по барабану.

– Тогда так и будем стоять? Мне-то, в общем, всё равно.

– Я понял. Мне, наверное, не всё равно, но что я там буду делать один? Посижу ещё с вами, потом поеду на такси.

Шофёр выругался и завёл двигатель.

– Обратно за ними поеду, если оплатят вторую ходку из своего кармана. А то что же это: взрослые люди и не могут собраться вовремя!

Город Н. лежал у моря, но не был курортом. Точнее, он всегда хотел, но как-то не складывалось. Не хватало то ли доступных пляжей, то ли атмосферы беззаботности и лёгкого разврата. Здесь трудились, служили на военном флоте и ловили рыбу. Утренние улицы были чисты и по-приморски старомодны, с обилием юной зелени на бульварах и необыкновенным количеством балкончиков, облепивших фасады домов времен царя Александра Третьего Миротворца. Развязная реклама тут смотрелась странно, как хулиганство. Люди степенно шли по своим делам или без всякого дела. Им, похоже, не нужен был сверхскоростной мобильный интернет или даровые пять тысяч за первую ставку в спортивном тотализаторе «Фонбет». Столь же равнодушными оставляли их многочисленные ювелирные магазины, которых в наших городах развелось больше булочных. Автобус ходко двигался по улицам, не обезображенным пробками. В небе парили на изогнутых крыльях чайки, напоминая о близости моря. Самого же моря не было видно: оно лежало внизу, стиснутое длинной узкой бухтой, а открытая вода имела как раз там, откуда мы выехали – у отеля «Аквариум», курортной надежды города.

Я почти не удивился, когда увидел, что холл городской библиотеки пуст. Моё одиночество уже обрело тенденцию, и странно было бы, если бы оно враз нарушилась. Девушка, сидевшая за столом регистрации под вывеской «ЭТРУСКИ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА. Международная научно-практическая конференция», имела какой-то напуганный вид и всё косилась в сторону коренастого мужчины в сером костюме, стоявшего лицом к окну.

Лист с фамилиями участников перед регистраторшей был девственно чист. Я подошёл и представился.

– Почему вы один? – прошептала она.

– А с кем я должен быть? – прикинулся непонимающим я. Если не удаётся ничего выяснить напрямую, то пойдём обратным ходом.

– Где ваши коллеги? Конференция должна уже начаться. В зале журналисты. На открытие приехал наш глава администрации.

Мужчина у окна повернулся ко мне. Бугристый лоб его навис над глазами, брови сдвинулись в одну линию. Без сомнения, он был зол.

– Хорошо, я понимаю, вы учёные, а не чиновники или солдаты, – процедил сквозь зубы он. – Но должно же быть и у вас

какое-то представление о порядке. Город сделал всё для успешного проведения конференции. Хотя мы не имеем таких возможностей, как Москва. А вы? Зачем вы взялись за это дело, если не способны организовать людей? Почему вы приехали один?

– Что же здесь странного? Я и в ваш город прилетел один, и сюда приехал один, – ответил я. – Вы, вероятно, решили, что именно я организатор от этрускологов? Нет, я обыкновенный участник. Причем я вовремя вышел из отеля и вовремя сел в автобус. И этот вопрос: «Почему я один?» – у меня самого крутится на языке с утра.

– То есть, вы хотите сказать, что автобус привёз только вас?

– Совершенно верно.

Глава администрации сочно выговорил букву «б», но осекся и раздавил зубами прочие буквы предполагаемого мной слова.

– А куда могли запропасться остальные? Там же у вас и иностранцы есть!

– Я думаю, вы уже поняли, что это вопрос не ко мне. Нужно звонить организаторам.

– Да звонили! – скривился он, кивнув в сторону дамы за столом. – Недоступны!

Я развёл руками:

– И мне недоступны.

Мэр задумался на секунду, пожевал узкими губами, глянул на часы и бросил регистраторше:

– Я поеду к себе. Вернусь после перерыва, скажу приветственное слово. Звоните. И всегда вот так с этой Москвой! Не по-людски!

Он ушёл, сердито вбивая каблуки в плиточный пол. Мы остались с девушкой одни.

– Ну хоть вы распишитесь, – предложила она.

Я поставил автограф и пошёл в зал.

* * *

Полтора десятка местных журналистов и блогеров, томившихся бездейтельностью там, сразу окружили меня, когда поняли по бейджику, что я «участник». За неимением гербовой пишут на простой, так и я на несколько минут превратился в звезду науки. Никогда в жизни я не был настолько популярен. Меня интервьюировали сразу несколько человек. Особенно старалась одна молодая дама с расширяющимся книзу носом, как у красоток Модильяни:

– Почему исчезли этруски?

– Я же вам говорю: я тоже с утра их не видел...

Народ засмеялся, а я поморщился. Остричь я не хотел: просто, уже по привычке, услышал «этрускологи» вместо «этруски».

– Простите, я думал, вы всё о моих запропавших коллегах... Знаете, есть народы, которые исчезают, как кельты или готы. Вот и этруски исчезли.

– Я читала, что римляне всему научились у этрусков. Значит, ученики превзошли учителей?

– У них был сильнее выражен инстинкт государственности.

По лицу дамы пробежала тень. Видимо, она была либералкой.

– В Северной Корее тоже сильно выражен инстинкт государственности. Но значит ли это, что за ней будущее?

– Ничего не могу сказать про Северную Корею, не был. Но, если вдруг ослабнет её южный сосед и с полуострова уйдут американцы, то какая из Корей возобладает? Наверное, та, в которой сильнее государственность. Вот и римляне: да, они не придумали водопровода и даже тогу позаимствовали у этрусков, но им, чтобы послать куда-то войско, не требовалось вести переговоры между двенадцатью городами.

– Значит, всё так просто?

– Да, всё просто, как и в нашей жизни. Только мы не доживаем и до ста лет, а история складывается столетиями. Вот и судите сами, просто или нет было небольшому племени из Лация создать империю, окружившую Средиземное море, словно это какое-нибудь озеро.

– Если римляне действительно переняли всё лучшее от этрусков, зачем нужна этрускология? – поинтересовался молодой человек хипстерского вида.

– Затем хотя бы, что римляне без этрусков погибли. Для них, кстати, полное исчезновение их языка и искусства в первом веке нашей эры стало неприятной неожиданностью. Римляне, очевидно, всё же хотели бы иметь при себе небольшую прослойку этрусской элиты, чтобы она и дальше подпитывала их в научной, технической и культурной сфере. Иначе чем объяснить, что будущий император Клавдий написал фундаментальную «Историю этрусков» в двадцати книгах и составил к ней словарь этрусского языка? Ничего подобного не было за всю историю римско-этруских отношений. Очевидно, что Клавдий хотел оживить ассимилированное этруское сообщество. Но было поздно.

– Значит, существует этрусско-римский словарь? Почему же сейчас не могут читать этрусские надписи?

– Ни одно из сочинений Клавдия до нас не дошло. Причём они были утеряны еще тогда, в эпоху расцвета Рима, во втором веке. Это довольно странно, поскольку Клавдия, как и Августа, после смерти обожествили. Но, видимо, он написал нечто такое о роли этрусков в истории Рима, что не пришлось по вкусу ни Нерону, ни его преемникам.

– А может быть, и потомков этрусков уже не было в Риме? Иначе бы они озаботились, чтобы сохранить свою «Историю»? – спросила дебелая женщина с могучими ляжками, выставленными на всеобщее обозрение мини-юбкой. Она представляла местное ТВ, судя по оператору с «Бетакамом», выполнявшему её указания.

– Весьма может быть. Согласно свидетельствам античных историков, в восемьдесят девятом году до новой эры на Апеннинах нет-нет да звучала этруская речь, и продавались ещё их знаменитые вазы и зеркала. Потом – как отрезало. А всё дело в том, что именно в этом году этрусков объявили римскими гражданами. По обывательским понятиям того времени, мало отличавшимся от нынешних, это было хорошо, сулило обладателям новые права и возможности, а с точки зрения той небольшой доли самостоятельности, что ещё оставалась у этрусков – не очень. Фактически их переверстали в римлян, обязав забыть, что они этруски. Полагаю, что тем из них, кто сумел к концу первого века до новой эры сохранить национальную идентичность, это совсем не понравилось. Но в новом статусе особого выбора не было: либо ты римский гражданин, либо нет. И тем, кто решил «нет», пришлось, очевидно, покинуть пределы империи.

– И куда же?

– Это одна из этрусских загадок. Но в Ватикане хранится средневековая карта Древнего Рима, на которой указано две Этрурии: одна, нам известная, находится на Апеннинах, а другая – значительно восточнее, над средним течением Дуная, в Карпатах.

– Неужели на территории нынешней Украины? – оживился пожилой плешивый мужчина в «разгрузочном» жилете, старейшина местного журналистского цеха, очевидно.

– Не исключено. Только не говорите об этом украинскому делегату, если он имеется. Шутка. Границы второго местопребывания этрусков на этой карте не обозначены: просто написано «Этрурия» и поставлен прямоугольничек. Ни координат,

ни названий кроме Дуная, всё примерно. Но по общему местоположению это, и впрямь, может быть и Закарпатье, и Прикарпатье, и Буковина.

– А как в свете этой карты вы смотрите на утверждения, что этруски имеют отношение к русским?

– Перед нами тот уникальный случай, когда непосредственными носителями этого утверждения были не исследователи, а исследуемые. Разве сторонники «русской версии» назвали этрусков русами, расами, расеной? Нет, они сами. Римляне же говорили в точности, как и мы – «русские», с тем исключением, что зачем-то прибавляли к этому слову союз «et» – «и». «Etruscans», «ирусские». Тут, кажется, что-то вроде истории с подпоручиком Киже. Очевидно, в каком-то давнем документе перечислялись народы Апеннин, в том числе, «et ruscans», без разбивки на слова, как это тогда было принято. А потом, по прошествии времени, кто-то, уже малознакомый с тамошними этносами, переписал название этого народа вместе с союзом «et». И пошло – «этруски». Они, кстати, и славянами себя называли – «cluveni», в Пиргийских табличках пятого века до нашей эры. Это вообще первое зафиксированное в истории упоминание о славянах. Переводы этрусских надписей, сделанные с использованием славянских и древнеславянских языков, по-моему, самые убедительные и отражают суть рисунков при надписях.

– Можете ли вы привести примеры?

– Ну, вот, скажем, часть надписи седьмого века до нашей эры, начертанной на спине змеи, обвивающей кувшин: «Е малу дике малу века ви сия жили». Нам с вами, пожалуй, тут незнакомо только слово «дике» – точнее, употребленное его значение. Между тем, на словенском и сербохорватском языках «дика» – доблесть, слава. Словенец Матей Бор совершенно справедливо переводит эту фразу на свой язык: «Je malo dike, malo veka v tem žitji». По-русски же будет: «Мало славы, мало времени в сей жизни». Для кого-то это удивительно, а вот знаменитый академик Марр считал, что в недрах русского языка существует огромное этрусское наследие, притом в составе наиболее коренных русских слов.

– Каких же?

– Рай, радуга, рок, рокот, тризна, луч, глаз, рот, рождать, расти, раб, отрок, ребёнок, река, ремесло, рыть, рушить, стричь, красный, румяный, рыжий, лайка, конь, лошадь, лось, – и это лишь малая часть слов.

– В чём же тогда проблема? «Русскую версию» не принимают западные этрускологи?

– Они её даже не обсуждают. Любопытно послушать, что они скажут на этой конференции. Хотя лично мне это заранее известно. Для западных учёных этрусски без приставки «эт» политически неприемлемы, ибо в обратном случае выходит, что протославяне стояли у истоков древнеримской цивилизации. А значит – европейской цивилизации вообще, ведь она строилась по римскому образцу. Тем не менее, не все сторонники «русской версии» русские или славяне. Например, Себастьяно Чампи, пионер «славянской этрускологии», итальянец. На родине его методы объявили ненаучными, хотя этрускологов такого уровня не было в тысяча восемьсот двадцать четвертом году не только в Италии, но и во всей Европе. Причём Чампи, в отличие от оппонентов, знал славянские языки. С тех пор картина не меняется: «славянский след» отвергают прежде всего те, кто не имеет никакого представления о славянской лингвистике. Таков, с позволения сказать, «истинно научный метод».

– Вы, как можно понять, сторонник именно «русской версии»? – уточнил давно тянувший руку человек с бритым интеллигентным лицом, выделяющийся среди остальных костюмом и галстуком.

– Я постарался её объективно изложить в главе своей книги о праславянах – скорее, в информативном, нежели в апологетическом ключе. И тому есть причины. Этрусков недаром считают самым загадочным народом. Откроешь у них одну тайну, и вылезет десять. Так и с «русским следом». Допустив, что этрусски – праславяне, мы вправе ожидать эволюцию их языка от праславянского к древнеславянскому. Практически же это означает, что поздние этрусские надписи должны быть нам понятнее, чем ранние.

– А это не так?

– Совсем не так. Как славянские довольно легко прочитываются как раз ранние надписи, а в поздних можно лишь отыскать славянские корни и следы славянского синтаксиса, но смысл понять невозможно. Такое ощущение, что язык этрусков после пятого века до нашей эры претерпел сильные изменения под влиянием другого языка.

– Какого же?

– Новая этрусская загадка. Ясно лишь, что ни к латыни, ни к языкам других итальянских народов он не имеет никакого отношения. И тут приходится вспомнить версию «отца истории»

Геродота о происхождении этрусков. Они якобы жили ещё до Троянской войны в малоазийском царстве Лидия и отплыли в Европу, сначала на Балканы, а потом на Апеннины, спасаясь от многолетнего голода, постигшего страну. Именем их предводителя, Тиррена или Тирсена, названо море, омывающее итальянский «сапог» с запада. Эта теория скептически воспринимается многими сторонниками как «славянского следа», так и «неславянского», ибо близкие ранним этрускам по языку и письменности альпийские реты пришли явно не из Малой Азии. Язык же лидийцев совершенно иной, нежели этрусский, и вряд ли он влиял на него в поздний период существования Этрурии. Но вот какая штука... В отличие от других античных историков, Геродот жил не в пору угасания или исчезновения этрусков, а тогда, когда они ещё были в силе, то есть в пятом веке до нашей эры. Как современник, он имел возможность общаться с настоящими этрусками, а не латинизированными. Поэтому просто взять и отмахнуться от версии Геродота невозможно.

– Получается какой-то заколдованный круг.

– Ещё какой заколдованный! Оттого усилия исследователей, независимо от их отношения к «славянскому следу», направлены на устранение этого противоречия. Вспоминают, в частности, что было несколько волн миграции на Апеннины из Малой Азии. О первой нам говорят такие античные авторы, как Гомер и Цицерон. Речь идёт о царе Энее и его соотечественниках, союзников троянцев в войне с греками, покинувших Трою после её падения. Надо сказать, что имя царя и название его народа, энетов, звучат у Гомера так потому, что древние греки не знали звука «v». А поскольку нам известен народ «венеты», который многие исследователи считают праславянским, а финны, эстонцы и карелы до сих пор называют так нас, русских, то мы вправе спросить, не являлись ли энеы Гомера на самом деле венетами? Тем более, что римляне, имеющие букву «v», называли гомеровских энетов именно венетами. Точно так же они называли представителей атестинской или палеовенетской культуры, живших на северо-востоке Апеннин с начала первого тысячелетия до нашей эры. Это те, кому обязана своим названием Венеция. То есть, венеты из Малой Азии мигрировали не вслепую, а к европейским сородичам, причем двумя колоннами, если верить историкам древности. Первая во главе с Энеем, вторая – во главе с троянским старейшиной Антенором. А учитывая, что у атестинских венетов и этрусков была практически одна и та

же письменность и схожий, хотя и не одинаковый язык, мы можем предположить, что малоазийские венеты и были предками ранних этрусков, надписи которых читаются с помощью древнеславянского языка. Допустим далее, что история, рассказанная Геродотом, верна. Только лидийцы во главе с Тирреном являлись не праотцами этрусков, а прибывшей к ним новой миграционной волной. Встроившись в этруское сообщество, тиррены постепенно возобладали над праславянским элементом в нём. И надписи этрусков этого периода нами уже почти не читаются. Всё вроде бы логично, только непонятно, зачем лидийцам потребовалось перенимать письменность этрусков, если у них была своя, схожая с древнегреческой.

– Говорят ещё о пеласагах как предках этрусков.

– Собственно, пеласги, по мнению многих историков, и есть тиррены. Говорят также, что и гомеровские энеты – суть пеласги и тиррены, потому что местопребывание этих трёх народов и маршруты миграций пересекаются. К тому же, на острове Лемнос в Средиземном море, являющемся перевалочным пунктом для мореплавателей-пеласгов, обнаружены две надписи седьмого-шестого веков до нашей эры, выполненные схожим с этрусским алфавитом и языком. Причём одну из них, Эфестийскую, ничего не стоит перевести на русский даже мне, неспециалисту.

– И что же там написано?

– “Hktaonosi heloke soromš aslaš”. «Сором», как известно, на древнерусском – «стыд», «позор», «срам». «Хтонический» по-гречески – «подземный». Слов “heloke” и “aslaš” я не знал и запросил перевод с разных языков у «Гугла». Он выдал, что по-турецки helak – это смерть, ад, проклятие, что соответствует греческому «коласи» – ад, геенна. Слово aslaš нашлось в литовском и латышском языках и означает «разделять». Такой лингвистический разброс не должен нас удивлять, ибо и древнерусский, и древнелитовский, и древнелатышский восходят к одному балто-славянскому праязыку. В нашем языке это “aslaš” сохранилось в виде слова «слоиться». Заимствования в турецком из греческого – тоже не редкость. Таким образом, есть все основания предполагать, что легендарные пеласги писали на некой смеси древнегреческого и праславянского, и означает Эфестийская надпись примерно следующее: «Подземный ад, позор разделяющим». Но, если я, не будучи лингвистом, так легко перевел её, то не пеласги были таинственным «народом X», сделавшим этрусский язык из читаемого нечитаемым.

– Тогда кто же? Есть предположения на этот счёт?

– Лично у меня не было, пока я не обратил внимания на одну этрусскую надпись с кувшина, переведенную Матеем Бором. В ней осуждаются «русы», пьющие “с jeme cu hetie”. Что за “hetie”? Первое, что приходит в голову – это хетты. Или, скорее, хеттиты, то есть потомки древнего индоевропейского народа хетты, во времена этрусков уже не существовавшего. Так может быть, это они были геродотовыми «лидийцами», а никакие не пеласги, обосновавшиеся на Апеннинах уже давно? Геродот едва ли знал разницу между лидийцами и хеттитами, жившими в Лидийском царстве. Да и хронология у него хромает: Тиррен сотоварищи никак не могли отплыть в Европу из Лидии за столетие до Троянской войны, потому что никакой Лидии тогда ещё не было. А при Геродоте её уже не было, так что он излагал легенду о происхождении этрусков с чужого голоса. Естественно, при таких обстоятельствах весьма возможны анахронизмы и неточности. Описанный Геродотом голод случился, вероятно, после разрушения Лидийского царства персидским царем Киrom в пятьсот сорок шестом году до нашей эры. Тогда всё сходится, и лидийские хеттиты вставляются в схему этрусской истории. Ведь не сразу же они превратились в этрусков, был какой-то период взаимной притирки, едва ли короткий. Фрагмент из него и зафиксировала переведенная Бором надпись на кувшине, что само по себе весьма ценно. Только вот незадача с «хеттским следом»: поздние этрусские надписи не удаётся прочесть и с помощью хеттского языка, который полностью реконструирован.

– Новый тупик?

– Да, и, похоже, не последний. Предполагается ещё, что на индоевропейский язык этрусков оказал сильное влияние какой-то неиндоевропейский, отчего и получился сложнейший субстрат, ключ к которому мы подобрать не можем. Так ли это? Возможно: лет за двести до Первой Пунической войны некоторые этрусские города задружились с карфагенянами или финикийцами, семитским народом, проживавшим в Северной Африке. Известные Пиргийские таблички пятого века до нашей эры выполнены на двух языках – этрусском и финикийском. Когда их обнаружили, этрускологи всего мира праздновали победу, думая, что это билингва, и теперь нет препятствий для расшифровки этрусских слов посредством финикийских. Но не тут-то было: финикийская версия оказалась не переводом, а отдельным текстом, хотя и повествующим о том же событии. Однако показателен сам факт появления двуязычных табличек и то,

что в своём тексте этруски выказывали почитание финикийской богини Астарты наряду со своей Уни-Юноной (этот фрагмент прочитывается всеми переводчиками). Такое произошло с этрусками впервые после признания ими греческих богов. И, стало быть, более тесные контакты с финикийцами, включая широкие языковые заимствования, вероятны. Между тем, карфагенская религия была далеко не безобидной: там считалось обычным делом сжигать живьём детей-первенцев в качестве жертвы Валу и Астарте. Едва ли этруски об этом не знали. Но они, очевидно, искали сближения с финикийцами для укрепления своих позиций в противостоянии с римлянами, а финикийцы хотели от этрусков того же. Эти надежды оказались напрасны: ни карфагеняне не помогли Этрурии против римлян, ни этруски Карфагену, когда Ганнибал вторгся в Италию.

– Этруски поняли, что финикийцы эти никогда не помогают славянам! – сказал доселе молчавший мужчина с рублеными чертами лица и бородой. Народ заулыбался – видимо, бородастый не раз веселил их подобными «приколами».

– Вот и решайте теперь, славяне этруски или русские, даже если они сами себя так называли. И на каком языке говорили те, кто предположительно оказался в Карпатах.

– Русские те, кто говорил на древнерусском. Остальные – этрусские, – предложил простое решение русопят.

– Другими словами, вы предполагаете ввести разделение на “ruscans” и “etruscans”, где “et” означало бы отступничество от русского? Остроумно.

– А то, – охотно согласился бородастый.

Кто-то пошутил:

– Наверное, теперь конференцию можно вообще не проводить, вы уже поработали за всех.

Я очнулся. Повышенное внимание к моей скромной персоне убавило меня. Между тем, за полчаса этого импровизированного интервью ни один мой коллега в зале не появился. Что там этруски – они исчезли давно, а вот где этрускологи? Я что – вот так и буду один целый день вещать журналистам? Нет, поеду в гостиницу. Скажу девушке на регистрации, пусть меня вызовут, когда они, наконец, соберутся.

Я встал и попрощался с прессой:

– Извините, друзья. Но мне действительно неловко заменять здесь всех. Давайте сделаем перерыв, что ли.

– Напишите, пожалуйста, как точно звучат надписи, переводы которых вы привели, – попросил, протянув мне свой блокнот,

интеллигентный мужчина в костюме. – А то с голоса можно напечатать с ошибками.

– Вам как написать: кириллицей, латиницей или «этрускицей»? – пошутил я. – Я, знаете, могу и этрускицей – немного изучил её, когда писал главу об этрусках для своей книги.

– Давайте лучше латиницей, – серьёзно ответил тот. – А то, боюсь, в компьютерной программе нет этрускицы. – Профессионал, сразу видно.

Я написал и пошёл на выход. Журналисты мне похлопали. О, слава, как ядовита твоя сладость! Как лишняя ложка сахару в кофе.

* * *

Стеклянная громада отеля была видна издали. Он и впрямь напоминал аквариум, только не один, а два, соединенные понизу перемычкой-вестибюлем. Я возвращался на такси, поскольку мне не улыбалось ехать назад в пустом автобусе и со злым водителем. В пронизанном светом «Аквариуме» было по-прежнему пусто, только давешний портье нервно тыкал в кнопки телефона. На меня он посмотрел затравленно. Не сказав ему ни слова, я пошёл к лифту.

– Могу ли я вас пригласить на чашечку кофе? – услышал я за спиной.

Я обернулся. У стенда с газетами и журналами стоял кривоногий молодой человек в усах, который зачем-то натянул на себя узкие по моде брюки, делающие эту кривизну какой-то особо подчеркнутой и, даже не побоюсь сказать, развратной. Подстать брюкам был и его модный пиджачишко, который держался на одной пуговице, едва сходясь на уже обозначившемся брюшке.

– Простите?

– Капитан ФСБ Ротов Сергей Павлович, – он развернул красную книжцу. – Хотелось бы обсудить возникшую эээ... неординарную ситуацию.

Та-ак. Значит, дело не в опоздании или каких-то организационных нестыковках – всё серьезнее. Что за напасть на меня такая: постоянно попадать в истории! Я молча кивнул, и мы прошли в бар отеля, совершенно пустой об эту пору.

– Судя по вашему появлению, – предположил я, когда мы уселись за столик и заказали кофе, – мои коллеги так и не объявились.

Он покачал головой.

– Тогда при чём здесь ФСБ? Пропавшими людьми занимается полиция.

– Мы не можем игнорировать озабоченность властей города, что срывается важное мероприятие международного значения. К тому же, среди участников есть иностранцы, а это уже по нашей части. Скажите, нет ли оснований предполагать в поведении делегатов какую-то форму бойкота?

Я пожал плечами:

– Да я их не знаю, этих делегатов. Я писатель, они ученые. Сошлись мы вместе только у автобуса в вашем аэропорту. Лишь тогда я понял, что кого-то уже видел в самолёте. Пока ехали, ни о каком бойкоте ничего не слышал.

– А что вообще слышали?

– Я не особенно прислушивался. Некоторые из них были хорошо знакомы друг с другом и болтали о каких-то им известных обстоятельствах и людях. А по пути ещё говорил по внутренней трансляции координатор.

– О чём?

– Ну, например, что сегодня день заезда и питание в отеле для нас не запланировано, поэтому нам выдадут деньги на ужин в городе.

– А сами вы ни с кем не перемолвились словечком? Не завели знакомства, пока ехали в автобусе?

– В автобусе – нет. А в самолёте разговорился с соседом с такой героической фамилией... ммм... как же его? Ворошилов? Нет – Киров! Доцент Киров, точно. Причем внешность фамилии решительно не соответствовала: ухоженная борода, золочённые очки.

– И о чём вы говорили?

– Собственно, это он говорил. Я бы к человеку, сидевшему даже не рядом, а через проход, не стал обращаться. Дело в том, что он очень боялся летать и поинтересовался у меня, поскольку соседкой справа была женщина, будут ли в салоне разносить алкоголь. Ну, слово за слово, познакомились, поняли, что летим на одно мероприятие. Киров этот всё хотел довести до моего понимания, что в воздухе под нами будет пропасть в десять километров. «Это же уму непостижимо! Это же уму непостижимо!» – без конца повторял он. А на взлете попросил взять меня за руку. Через проход, представляете! Я машинально взял, и полсалона на нас оглянулись. Не знаю, что они подумали, но я после взлета постарался от его влажной ладони побыстрее освободиться.

Ну, а дальше ему спиртного принесли, он немного успокоился. Когда стали снижаться, я прикинулся спящим, чтобы больше не держаться с ним за руки. Ну, вот и всё.

– Н-да, понятно. – Ротов был явно разочарован. – Хорошо, вот вы приехали... Ваши коллеги, что, не пошли в отель?

– Как это – не пошли? Все пошли.

– Почему же они не зарегистрировались?

– Позвольте?..

– Зарегистрированы в «Аквариуме» только вы.

Я не верил своим ушам.

– Да что вы! Передо мной у стойки стояло человека три и за мной невесть сколько. Как они могли не зарегистрироваться?

– А вы видели это?

– Что – это?

– Ну, как их регистрировали.

– Естественно, я не следил за действиями портье. Все брали карточки и шли их заполнять. Я тоже. А что уж он там с ними делал... Полагаю, вам лучше спросить у него самого.

– А видели ли вы, чтобы кто-то из ваших людей заселялся?

– В лифте со мной поднимались несколько человек – наши, не наши, сказать точно не могу. Но они вышли на других этажах, ниже. Так что я не могу знать, как конкретно и куда они заселялись. На моем этаже никого из них не было – во всяком случае, тогда.

– Вы, насколько я понял, сразу по заселении отправились в город. Когда вы спустились холл, там кто-то ещё был?

– Полным-полно этрускологов. Я ведь только оставил в номере вещи. Кто-то ещё стоял у стойки, а кто-то получал деньги на ужин у координатора. А вы говорили с портье?

Ротов замялся.

– Видите ли, он тоже куда-то исчез, – буркнул после паузы он.

Я закашлялся, поперхнувшись глотком кофе. Что? И портье исчез? Это дурной сон? Или какой-то дешёвый детектив с элементами театра абсурда, в который я умудрился вляпаться? Спрашивается, за каким чёртом я вообще поперся сюда? Что мне эта конференция? Разве я не знал, что не услышу здесь ничего нового? Покрасоваться, что ли, захотел? Ну, что ж, теперь ты можешь проявить себя: найди капитану Ротову полсотни этрускологов и одного гостиничного портье.

– А наш координатор? И он, что ли, исчез?

– Да, – кивнул он.

Воцарилось молчание. Кофе потерял вкус, мне нестерпимо захотелось в аэропорт, на самолёт, домой.

– Да, вспомнил! За стойкой была ещё девушка, она занималась футболистами. Неужели и она?..

– Увы, и она.

– А футболисты?

– Знаете, мне не шуток.

– Простите, я и не думал шутить. Но, согласитесь, исчезновение футболистов было бы не более непостижимо, чем исчезновение этрускологов.

– Футболисты в порядке. Хотя, лучше бы это их похитили: плетутся в конце турнирной таблицы, позорят город... И ими бы точно занималась полиция. Вот что я ещё хотел спросить у вас... Мне, конечно, доводилось читать об этрусках, и общее представление о них я имею. Но тонкости мне неизвестны. Скажите, насколько резонансна тема конференции?

– Интерес к ней достаточно устойчивый, особенно учитывая загадочный характер этрусов. Что до остального... Вокруг этрусов, на мой взгляд, всегда есть какой-то налёт чертовщины – вроде как у Проспера Меримэ в рассказе «Этруская ваза». Но мне не доводилось слышать, чтобы похитили хотя бы одного этрусколога, не говоря уже о полусотне. Вот если бы темой конференции была коррупция власть имущих... или что-то в этом роде...

– А каких-нибудь научных сенсаций на конференции не предвиделось?

– Судя по темам докладов в программе, вроде бы нет. Ну, а содержания их, как вы понимаете, я не знаю.

– А ваш доклад? Вы ведь выдвинули в нём какую-то альтернативную версию?

– А вы откуда знаете?

– Из информации о вашем общении с прессой.

– Хм... оперативные у вас информаторы. Но я не понимаю вопроса. Вы намекаете на то, что я мог устроить похищение делегатов, дабы на конференции прозвучала только моя гипотеза?

– Не знаю, как насчёт похищения, но хочется, согласитесь, понять, почему все куда-то пропали, а вы нет.

– Версия первая: я слишком быстро уехал из отеля и не попал на вечерний банкет, который делегаты себе организовали или кто-то им организовал, что вернее всего. И с этого банкета, затянувшегося за полночь, они почему-то в отель не вернулись.

- Но они, напомню, ни в какой отель не заселились.
- Это ещё неизвестно. Надо найти портъё, чтобы выяснить, почему он их не зарегистрировал.
- Согласен. Однако он не только их не зарегистрировал, но и не выдал им карты-ключи. Куда бы они возвращались? Они пропали с вещами! А вторая версия?
- Они решили поехать на какую-нибудь экскурсию за город, чтобы с пользой провести свободное время, а там сломался автобус. Не знаю, правда, зачем бы им потребовалось брать вещи.
- Далеко же они должны были уехать, чтобы не вернуться к утру!
- Отсюда версия третья: за время моего отсутствия произошло нечто такое, что заставило их сменить отель. В итоге произошла путаница, и автобус послали не туда.
- Это правдоподобней. Тогда с минуты на минуту они должны появиться: не в соседней же области этот отель!
- Вероятно, но они всё не появляются. А у вас есть их телефоны? У меня лично – только координатора, который недоступен.
- Да, нам дали в оргкомитете. Они тоже недоступны. ВСЕ.
- Четвертая версия. Сменив отель, они отправились ужинать и отравились некачественными продуктами, и были доставлены в инфекционную больницу. Телефоны у них забрали вместе с одеждой и документами. Вы уже обзванивали больницы?
- Занимаемся. И моргами тоже, простите. Отрабатываем также версию с ограблением делегатов, в частности, иностранцев – они обычно с деньгами. Только всё это напрасно, думаю. Об отравлении, ограблении или смерти полусотни людей мы бы давно уже знали. Это даже для Москвы круто.
- Знаете, в молодости я писал детективные романы и немного понимаю, как именно причины превращаются в следствия. С этой точки зрения все мои четыре версии не имеют особого значения. Ни предполагаемый банкет, ни экскурсия, ни переезд в другой отель, ни гипотетическое отравление не могли быть причиной происшедшего. Ход событий изменился именно здесь, в «Аквариуме», когда делегаты регистрировались, но необъяснимым образом не регистрировались. Копать нужно здесь!
- Согласен. И вы пока наш единственный свидетель. Поэтому просьба к вам не уезжать до выяснения обстоятельств.

– Вот это здорово! За что же мне такое наказание?

– Почему – наказание? Вы же всё равно сюда приехали на три дня. За это время, думаю, разберёмся. Пятьдесят человек не иголка. А за вами будет присматривать ваш сотрудник. Так, неназойливо, вы его и не увидите.

– Час от часу не легче! Это ещё зачем? Что же – если я не исчез, стало быть, я обвиняемый? Что у вас за практика такая?

– Вы не с той стороны смотрите на ситуацию. Надо так: все исчезли, а вы нет.

– И что?

– А то, что, если здесь имеется криминал, и вы лишь случайно не исчезли со всеми, то вы в опасности.

Я задумался. Хм, в самом деле...

– Хорошо, но через три дня – точнее, уже через два, – если, не дай бог, ничего не выяснится, я уеду. Чтобы задержать меня подольше, вам придётся предъявить мне обвинение.

– Ну, что вы. Я, думаю, до этого не дойдёт. Будем надеяться, что всё выяснится сегодня. Да, вот ещё просьба... При всей нашей озабоченности инцидентом, мы бы не хотели пока лишней огласки. А то мы поднимем гам-тарарам на весь свет, а потом окажется, что причиной этого странного события явилась какая-нибудь нелепость. Понимаете? Мы станем посмешищами и вы, кстати, тоже. Воздержитесь, пожалуйста, сегодня от звонков или э-мэйлов в Москву по этому поводу. Даже жене.

– Ладно, – вяло согласился я.

На том и расстались. Я поднялся в свой номер и от нечего делать стал смотреть в окно. Отель отхватил у города немаленький кусок пляжа. Для него уже привезли три кучи мелко-белого песка. Высокий забор оцетинился у воды круглыми решетками с пиками, не дающими зайти со стороны моря. Для постояльцев отеля строился отдельный пирс и небольшой аквапарк. Подразумевалась и некая ландшафтная эстетика – японский сад камней на заднем дворе, с косой рощицей бамбука. «Если бы это всё было бесплатно, люди сказали бы: «О-о-о!», а когда за деньги, то они говорят: «А-а-а...», – подумалось мне. Я не испытывал никакого желания посетить японский сад и постоять на пирсе, хотя мог это сделать на законных основаниях. Я не пошёл бы кувыркаться в аквапарке, будь он достроен. Всё это было дорогостоящей дешёвкой, исполненной скуки и тоски. В те редкие минуты жизни, когда тебе хочется развлекаться, нет наготове ни пляжа, ни аквапарка, ни сада камней, идёшь себе в кафешку какую-нибудь. Когда же не надо, тебя окружают

омертвевшие развлечения, почему-то наводящие мысли о смерти. Я не представляю себя медитирующим в саду камней. Мне не о чем там медитировать. Если это метафора миропорядка, то дайте мне свидригайловскую баню с пауками: может быть, в ней ещё удастся попариться.

Несмотря на впечатляющий метраж номера, было душно-вато. Однако, поискав глазами оконную ручку, я её не нашел. И форточки тоже. Просто огромные глухие рамы до потолка. Так, первый конструктивный изъян «новодела». Вместо свежего воздуха – «кондёр», гоняющий воздух несвежий. Я постучал по стеклу. Звук тупой, как по броне – что-то пуленепробиваемое. Что ж, придётся охлаждаться кондиционером.

Покопавшись в пульте, я прилёг на кровать размером с боксерский ринг. Подремлю, пока не позвонят. Слишком много событий за один день. Точнее, пугающее отсутствие событий и людей. Я не любил всякой чертовщины и того, чего не понимаю. Не понимаешь, значит, понимает кто-то другой – и тебе в ущерб. Мой приезд сюда не был обязательным и всё остальное тоже. Но теперь я почему-то должен отвечать за всех. Мораль: не занимайся не своим делом. Я не историк, а полез в историю, как и многие самонадеянные писатели. И вот итог: «Сегодня вечером на Патриарших прудах будет интересная история». Жажда разгадывать тайны, мы часто, сами того не понимая, оказываемся внутри этой тайны. Так с Булгаковым всю жизнь и было. Характер описываемого мира он определил довольно рано – «дьяволиада». Но отчего же он удивлялся, когда она вторгалась в его жизнь? Незаметно перейдя от яви ко сну, увидел я в нём Булгакова – с моноклем, как на знаменитом фото. Михаил Афанасьевич разлепил узкие губы и сказал: “Hktaonosi heloke soromš aslaš”, и иронически покосился на меня, поблёскивая стеклышком в глазу. Польщённый, я возразил: «Думаю, это надо говорить с другой интонацией, на манер: «Слава Украине! – Героям слава!» – ну, вы знаете. То есть: “Hktaonosi heloke!” – “Soromš aslaš!”» «Вот как? – улыбнулся классик. – А может быть, если мы перешли на мову, то имеем дело с двумя сторонами одного умозаключения, вроде: «Гэрои нэ вмырають. Боягузы нэ живуть»? Хотя на самом-то деле и гэрои вмырають, и боягузы живуть. А версия пароль – отзыв вас не устраивает?» «Пароль для чего?» «Ну, для этого, “hktaonosi heloke”. Очевидная эта мысль поразила меня. «Вы имеете ввиду пропуск в ад?» Булгаков внимательно посмотрел на меня и ответил: «Туда не надобно пропуска. Их требуют

в другом месте. Однако нужен пароль, если хочешь попасть раньше времени».

На этих словах его я проснулся. Господи, приснится же такое!

Я сел на кровати. Девушка из оргкомитета не звонила, значит, делегаты так и не нашлись. Поеду в местное управление культуры и науки, проводящее конференцию, решил я. Пусть они скажут, чем мне здесь заниматься. А то местные чекисты заставят меня искать вместе с ними совершенно незнакомых мне людей.

В лифте я столкнулся с парнем-вратарём, которого не признавали игроком. Обрадовавшись, я спросил у него:

– Вы меня помните? Мы вчера стояли рядом на ресепшене.

Парень странно дёрнулся. Может, ему было неприятно, что я стал свидетелем его статусной дискриминации?

– Там ещё были учёные, целая толпа. Помните их?

Вратарь что-то буркнул, отводя глаза.

– Сегодня мне говорят, что они не регистрировались в отеле. Но ведь они регистрировались, не правда ли, вы видели?

– Ничего я не видел! – вдруг выпалил он.

– Как же так? – поразился я. – Невозможно не видеть – я ведь вас видел и запомнил. Неужели у вас, такого молодого человека, память слабее моей?

Парень покраснел и отвернулся.

– Слушайте, – выдал из себя, – не путайте меня в это дело, а?

– Да что за дело-то? И дела никакого нет. Просто...

– Не знаю. Приходил капитан и сказал не сообщать никому ничего про вчера. А то будут неприятности. Мне оно надо?

Лифт остановился, двери распахнулись. Вратарь-неигрок быстренько смылся. Я стоял в холле в задумчивости, неприятно поражённый. Хотя «неприятно» – не то слово. Капитан Ротов заставляет молчать свидетелей? Что это? Тут открылись двери соседнего лифта, и из него выскочил мужчина, бросивший на меня быстрый взгляд. Был он в таком же обтягивающем костюмчике не по размеру, как Ротов, только не так кривоног и без усов. Ага, это «присматривающий сотрудник», которого я якобы не увижу. Они что, все в одинаковом «прикиде», словно команда агента Смита из «Матрицы»?

Попросив на ресепшене вызвать мне такси, я вышел на улицу. В какой переплёт я попал? Неужели ФСБ на самом деле известно, что случилось с этрускологами, но они всеми силами

пытаются это скрыть? Отсюда – «исчезновение» вчерашних портье, координатора, угрозы футболистам? Но что такое совершенно невообразимое могло случиться, чтобы маскировать пропажу пятидесяти человек? Я стал припоминать своих соседей по автобусу, помимо героического Кирова. Все они категорически не походили на людей, с которыми «что-то случается». Обычные благонамеренные научные клерки. Даже какой-то творческой сумасшедшинки я ни в ком не заметил. Другое дело писатели – вечно подданные, склонные поскандалить. А эти? Может быть, они «слишком много знали», как говорят в детективах? Но что, скажите на милость? Какой такой «инфой» могут владеть этрускологи? О чём? Как бы там ни было, ситуация диаметрально поменялась: из необходимого свидетеля я превращался в нежелательного. И ещё неизвестно, насколько нежелательного. Мне бы, по-хорошему, после разговора с запасным вратарём линять отсюда надо, напрямиком в аэропорт, но тогда, если меня сцапают, я точно окажусь крайним. Бежал – значит, виноват.

Когда я подошёл к дверце прибывшего такси, сзади меня вдруг материализовался «смотрящий».

– Вы не возьмёте меня? – тихо поинтересовался он, дотронувшись до моей спины.

Я даже рот разинул от удивления.

– Всё равно ведь цена будет одинаковая – что за одного, что за двоих, – примирительно сказал он.

Я начал кое-что понимать.

– Денег вам на такси, я вижу, не выделяют. О служебном автотранспорте уже не упоминаю.

Тот развел руками.

– Ну, садитесь. Вас как зовут хоть?

– Зовите Григорием.

– Ну, а я Борис.

– Да я знаю.

– Ну, конечно, вам положено. Только учтите, всё время я вас на такси катать не буду. Не из вредности, а потому что мне-то на такси тоже денег не выделяли. И, хоть оно здесь дёшево, не наездишься.

– На общественном транспорте будем ездить, – жизнерадостно сказал курносый Григорий.

«И снова за мой счет?» – хотел спросить я, но сдержался. Нет, это не местные чекисты похитили ученых. Они не смогли бы арендовать для них отдельный автобус. Пришлось бы везти

в тайное узилище в муниципальном. И заставить их купить билеты. Я с неудовольствием отметил, что, начав шутить сам с собой, никак не могу остановиться. Ничем кроме полной растерянности это было объяснить нельзя. До шуток ли тут? Один знакомый директор издательства начинал смеяться и почёсывать в паху, как только речь заходила о самом для него чувствительном – деньгах. Так и из меня бьёт фонтан сомнительного остроумия, как вспомню о пропавших этрускологах.

Управление науки и культуры (и почему-то спорта) находилось неподалеку от городской библиотеки, в сталинском Эрехтейоне, где роль кариатид, поддерживающих портик, выполняли побитые временем рабочие и крестьяне. Парадную лестницу покрывал вытертый ковер. В сводчатом коридоре Григорий молча указал мне налево, а сам сел на банкетку. Никакого оживления в связи со случившимся ЧП здесь не наблюдалось, только пара чиновников устало брела вдоль стен с бумагами. В помпезной приёмной начальника было пусто. Я постучал в массивные двери кабинета с табличкой «Здолбунович Семен Брониславович», заглянул. Спиной ко мне у противоположной стены стоял сутуловатый человек, изучавший то ли бронзовый бюст президента на подставке, то ли грамоты по соседству. Когда он обернулся, я его сразу узнал: этот очкастый, с залысынами, не глядящий в глаза мужчина был на моей так называемой пресс-конференции, правда, вопросов не задавал.

– А-а, – тихо, я бы даже сказал шелестом, молвил он, – проходите.

Я уселся на указанный мне стул. Начальник же сел на своё место, за просторный рабочий стол, и посмотрел в сторону. Я невольно глянул туда же – это был погасший монитор компьютера.

Мы молчали. Он глядел на мёртвый экран, а я – на него. Так прошло несколько минут. Наконец, я откашлялся и произнёс:

– Есть какие-нибудь новости?

– Простите? – Здолбунович нехотя отвел взгляд от монитора, но остановил его не на мне, а на телефонном аппарате.

– Ну, новости об этрускологах.

– Ах, да, – прошелестел он. – Знаете, на конференцию никто из них кроме вас не явился.

Он что, издевается?

– Но эта новость десяти часов утра. Я её знал, еще когда общался с прессой – в вашем присутствии, кстати. Что-нибудь выяснилось с тех пор?

– Да, – кивнул он – но не мне, а телефону.

Ну, наконец-то! Начальник, между тем, снова замолчал. Я хотел уже его спросить, почему из него нужно каждое слово вытягивать клещами, как он выдал свою «новость»:

– Оказалось, что в гостиницу «Аквариум» они так и не приехали.

– И это вы говорите мне? Да ведь я туда приехал вместе с ними! И координатор ваш там был, которого теперь тоже ищут!

Здолбунович слегка наморщил лоб, подумал и сказал, кажется, с облегчением:

– Нет, не наш – он от университета. А откуда вы знаете, что приехали именно с этрускологами?

– С одним я познакомился ещё в самолёте. Все прочие подошли в аэропорту к табличке с надписью «Конференция этрускологов», которую держал координатор Хачериди. Затем он произвёл перекличку по списку. Отсутствующих, между прочим, не было. Как я понял, люди лишь до Москвы добирались разными самолётами и поездами, а оттуда все вылетели одним рейсом.

– А вы видели документы этих людей?

Чаша моего терпения переполнилась.

– Послушайте, я же не полицейский, чтобы требовать документы! И ещё: очень трудно разговаривать с человеком, который не смотрит на собеседника. Извините, я вам так неприятен?

Бесцветные щеки Здолбуновича порозовели. Он с видимым усилием перевёл глаза на меня, и я увидел, что он совершенно косой.

– Могу смотреть, если угодно, – пробормотал он. – Учтите только, что у меня сильный астигматизм.

– О, простите, не знал! Можете смотреть, как вам удобно. Так что же будем делать?

Снова воцарилось молчание. Я выругался про себя матом и грубо сказал:

– Послушайте, Здолбунович, у вас проблемы. Срывается международная конференция, за которую вы отвечаете. Вас ведь не погладят за это по головке. Может, пора проснуться?

Семен Брониславович собрал глаза в кучку – точнее, попытался, криво улыбнулся.

– Вообще-то, непосредственно отвечает за конференцию наш университет. Мы лишь курировали это направление и обеспечили поступление средств из федерального бюджета на её проведение.

– А, знакомая тема – власть и ответственность! Ты сюда не ходи, уважаемый, ходи университет! Так, что ли? И вам всё равно, что федеральные средства могут улететь в трубу? Вы не забыли, что вы – руководитель оргкомитета конференции? Мне, например, приглашение пришло за вашей подписью. Дружим, я полагаю, тоже.

– Не надо передёргивать, – голос Здолбуновича окреп. – Я лишь хотел сказать, что мы занимались общими вопросами, а не деталями организации, предоставив это университету, выдвинувшему идею конференции. Мы помогли изыскать отсутствующие у университета средства, но мы никак не предполагали, что нам придётся искать участников мероприятия. Да, я руководитель оргкомитета, но их всегда выбирают из числа тех, кто обладает большими возможностями в смысле полномочий и финансов. А конкретно вопросами проведения занимался ректор и обращался за помощью ко мне, когда требовалось. Скажем, пишет он мне, что актовый зал университета не соответствует стандартам проведения международной конференции и просит помочь найти другой зал. Я связываюсь с директором городской библиотеки, где у нас приличный конференц-зал, с возможностями синхронного перевода, и решаю проблему. И так во всём.

– Ну наконец-то вы разговорились! Как только дело коснулось вас лично, отметим. Стало быть, главное действующее лицо у вас – ректор. А разве он был на несостоявшемся открытии конференции? Я что-то никого похожего не заметил.

Глаза Здолбуновича снова расфокусировались и стали грустными.

– Нет, он заболел.

– Ушам своим не верю! Глава администрации приехал, а ректор, пусть и больной, не приезжает хотя бы на открытие! Да бывает ли такое?

– Увы, бывает, если человек заболел серьезно.

– Ну, дай бог ему здоровья. Прошу понять меня правильно, но мне бросилась в глаза одна странность. Дело не только в ректоре. Формально вроде бы ни к чему не придерёшься, но на фоне произошедшего, не побоюсь сказать, сверхъестественного события все, в частности, в вашем учреждении, как-то удивительно пассивны и равнодушны. Я думал, у вас здесь, простите, народ на ушах стоит, а на самом деле – тишина и безлюдье, как будто период отпусков наступил.

Семен Брониславович поджал губы.

– Да что же нам на ухах стоять? – пожал плечами он. – Мы ведь в розыске не сильны и не должны им заниматься. На это есть специальные службы.

– Да-да, но всё же... Не скрою, когда я получил приглашение, то был приятно удивлен, что научная общественность именно вашего города проявляет такой интерес к этрускам. Стало быть, в зале следовало ожидать не только мэра, вас, ректора и прессу, но и местную интеллигенцию. Однако её не было. Похоже, в Н. вовсе нет повышенного внимания к теме. Даже в университете. Как вы объясните это противоречие?

– Ну, у нас же не Москва. Где нам взять столько интеллигенции? Пресса и есть наша интеллигенция, – многие, кстати, выпускники университета. Между прочим, директор библиотеки тоже была в зале во время вашего интервью.

– Это приятно. А другие работники библиотеки? А преподаватели и студенты универа? Историки, учителя, наконец? Нет, сколь ни было мало по сравнению с Москвой у вас интеллигенции, она могла забить до отказа тот не очень большой зал. Однако почти никто пришёл, из чего я делаю простой вывод, что этруски для вашей элиты... ммм... не очень актуальны. Тогда я спрашиваю себя: почему именно Н. взял на себя инициативу проведения форума?

– Как я говорил, она зародилась в университете...

– Это я уже понял. Я хочу понять, что для вашего города этруски. У вас жил и работал какой-то известный этрусолог?

– Простите, не имею сведений.

– Может быть, ваши археологи сотворили сенсацию и нашли здесь следы пребывания этрусков?

– Не доводилось слышать.

– Что же – вы лично фанат этой темы?

– Как вам сказать... – замялся Здолбунович.

– Так и скажите: не фанат. Что же тогда вас заставило подержать идею конференции?

– Прежде всего, международная научная значимость темы...

– Но здесь у вас некогда жили народы, упоминаемые еще Геродотом. Почему не они, а этруски?

– Вероятно, они не столь востребованы у историков. Научным обоснованием занимался университет...

– Между тем, сотрудниками вашего университета не написано ни одной работы об этрусках. Это я выяснил ещё до приезда сюда. В программе от вас – один доклад, заболевшего ректора. Наверное, он и есть ваш главный этрусолог. Тема доклада:

«Этрусские цари в истории Древнего Рима». Ну, в общем, это для средней школы. Нет ли других причин, побудивших город принять форум этрускологов?

– Я их не знаю.

– Тогда скажите мне как руководитель оргкомитета: чем я должен здесь заниматься, если мои коллеги, не дай бог, так и не объявятся?

– Ну... всё же будем надеяться на лучшее.

– Сколько лично мне надеяться на лучшее? Те два дня, что я ещё должен находиться на конференции?

– Думаю, не меньше. Ведь к вам ещё могут быть вопросы у правоохранительных органов...

– Я уже ответил на них сегодня. Других ответов у меня нет.

– Я поколебался, стоит ли рассказывать Здолбуновичу о Ротове и его странных угрозах футболистам, и решил, что не стоит – уж больно неосновательной фигурой оказался начальник управления. – Хорошо, и что же я делаю эти два дня – просто жду?

– Да, как и все мы. Что же касается корректив в вашей научной программе, то, наверное, вам об этом скажут в университете.

– Весьма сомневаюсь. Я сегодня никого ещё не видел отсюда. Телефончик ваш мобильный мне можно для связи?

– Да, пожалуйста, вот возьмите визитку.

Когда мы прощались, Здолбунович вдруг свистящим шёпотом сообщил мне на ухо, кося уже не просто сильно, а страшно:

– Я тоже не понимаю, что происходит. Все разбежались. Включая мою секретаршу.

– А при чём здесь...

Он приложил палец к губам.

Я вышел от него, как пьяный. Что за чертовщина здесь творится? Неведомым образом исчезли учёные – это не то, что бы понятно, но, на крайний случай, логически возможно, если не считать истории с заселением. Но по какой причине могли разбежаться сотрудники Здолбуновича? Он бы и сам, судя по его поведению, не прочь сбежать. Один я, как дурак, продолжаю из себя изображать делегата.

Григория в коридоре не было. Тоже сбежал, что ли? Ну, и хрен с ним – сомнительная он охрана. Да и охрана ли? Но мне-то куда теперь идти? Если следовать общей, хотя и непонятной тенденции, моя первая реакция после разговора с вратарём была правильной: вернуться в номер, взять в вещи и – ноги в руки, в аэропорт. А уж задержат там меня, не задержат...

Если задержат, то, по крайней мере, появится цель – освободиться, выбраться отсюда. Какова же сейчас моя цель в становящейся всё более кафкианской ситуации, непонятно. Я завис в каком-то пустом, но цепком студенистом пространстве. Мне нужно вновь ощутить почву под ногами. Не отправиться ли прямо сейчас в аэропорт, воспользовавшись отсутствием Григория? Вещи? Бог с ними, с вещами. Когда ты видишь, что твоя жизнь превращается в дурдом, надо немедленно покинуть этот дурдом. Даже без вещей.

Но, размышляя так, я стоял на улице без движения. Рождение нового чувства я ощутил в себе: его ещё называют словом «ретивое». «Взыграло ретивое». Да, мы все живём именно так – бежим при первом намеке на опасность. Полчеловечества бежит от страха, даже те, кто не двигается с места. Бегут не только физически, но и мысленно, приказывая себе «не вступать». Да разве нормальному, не заражённому вирусом общественной трусости человеку не интересно разобраться, как растворились в воздухе полсотни людей? Та трусость, что подсказывает мне «правильные решения», сродни слепоте к мистической стороне жизни. Непонятно – значит, надо бежать. Мы, писатели, любим только выдумывать непонятные вещи. Но в жизни бежим от них, как зайцы, при первой возможности. Чувство самосохранения развито в нас сильнее, чем ощущение присутствия Бога. А ведь всё необъяснимое – как раз свидетельства Божьего бытия, ибо понятное потому и понятно, что объяснимо. Не жалок ли я, человек с поседевшими висками, стоящий посреди улицы и думающий, как бы смыться подальше от тайны? Как будто, если краешек её мне был явлен в чужом городе, она меня не настигнет в своём! А если и нет никакой тайны, а просто фантастическое стечение обстоятельств, то как потом избежать позора? Кто-то ведь обязательно спросит: «И что было дальше после того, как ты узнал, что исчезло пятьдесят человек?» – «Я уехал». – «Как, почему?» – «Ну, там было всё как-то странно, абсурдно...» – «И ты не попытался ничего выяснить?» – «Старик, оно мне надо?» – «А-а-а». Вот она – тень позора, в этом коротеньком «а-а-а». Мне её не избежать и в том случае, если этрускологи столь же необъяснимо вернуться, как и пропали. «А где господин Лосев?» – «А он в тот же день уехал». – «Как – в тот же день? Отчего же не попытался найти нас, ведь он же видел нас в автобусе и гостинице?» – и так далее. Да, меня будут втайне презирать те, кто и сам бы немедленно сбежал, но разве ничтожеству легче от мысли, что остальные – тоже ничтожества?

Ничуть не бывало, здесь лишь жалкое самооправдание и ничего больше. Ощущение, что «мы – ничтожества», на самом деле ничем не лучше ощущения, что «я – ничтожество».

Итак, остаюсь. Но просто ждать чуда или, напротив, какой-то страшной развязки я тоже не могу. Нужно что-то делать. В разговоре со Здолбуновичем я почувствовал, что исчезновение делегатов как-то (хотя и совершенно неясно, как) связано с самой идеей конференции, никому в Н., по-видимому, не нужной. Идея же зародилась в университете. Что ж, пойду туда.

Вдруг кто-то подёргал меня за рукав, я обернулся и увидел большеглазую, конопатую девочку с костром рыжих волос на голове.

– Дядя, – сказала она, – а у вас на спине такая ба-альшая божья коровка сидит!

– Да? – рассеянно спросил я. – А где?

– Да вот здесь, слева.

Я оглянулся налево, насколько смог, но ничего на коричневой поверхности пиджака не узрел.

– Да вот же, здесь, ниже! Хотите, я её сниму?

– Ну, сними, отпустим её на небко: там, как известно, её детки кушают конфетки.

– А у нас говорят: котлетки! Ой, что-то не снимается! Как будто зацепилась! Ага, вот.

Она держала в пальцах божью коровку, поблёскивающую алыми, отлакированными бочками и вертела из стороны в сторону.

– Какая-то странная... Тяжёлая и вроде неживая.

– Тяжёлая? Ну-ка, дай посмотреть.

Я осторожно взял у неё из рук насекомое: оно и, впрямь, не проявляло признаков жизни и вообще казалось железным. Я постучал ногтем по крылышку божьей коровки. Точно, из железа! Я перевернул её на спинку и увидел, как внутри неё, в переплетении сложенных на животе лапок мигает что-то оранжевое. Это же «жучок» – причем в прямом смысле слова! И в переносном тоже. Григорий, гад, мне его прицепил – видимо, когда дотронулся до моей спины у такси. «Вы не возьмёте меня?» Сирота казанская с «прослушкой»! Вот и делай добро таким! Я зажал «жучка» в кулаке и тихо сказал девочке:

– Это не настоящая божья коровка, а значок – дорогой, наверное. Я не знаю, как он попал ко мне, но, думаю, тебе будет нужнее. Давай-ка, я нацеплю его тебе. Видишь, он как на липучке. Покажешь подружкам.

- Ой, спасибо!
- Если придёт какой-нибудь дядя и скажет, что это его значок, отдай, но скажи, чтобы больше не терял.
- Ладно, – неохотно согласилась она.

* * *

Для начала я отправился в приёмную ректора, чтобы узнать, кто, кроме него самого, был ответственным за проведение конференции.

Эффектная молодая секретарша с губами в лиловой помаде была мрачнее тучи.

– Павел Трофимович болен, – всё твердила она.

– Да, слышал, здоровья ему, но не могу ли я с ним поговорить хотя бы по телефону? Я ведь не для того приехал из Москвы – по вашему приглашению, кстати, – чтобы торчать здесь в неведении.

– Да не может он поговорить с вами! – Она отвернулась. – У него инсульт.

– Вот как... – Я уже ничему не удивлялся, но снова неприятно засосало под ложечкой. – Гхм... очень надеюсь, что он оправится. Извините, но с кем же мне тогда контактировать? Кто, кроме ректора, занимался практической работой по конференции?

– Кафедра истории и археологии.

– Ага. Свяжите меня, пожалуйста, с заведующим.

– Павел Трофимович сам возглавлял эту кафедру.

Да что ж такое! Специально, что ли, в этом Н. всё устроено так, что концов не найдёшь?

– Понятно... Но не он же выполнял всю черновую работу.

– Лаборант кафедры Райская находится в библиотеке, ей поручена регистрация.

– Ну, её я видел. Я имею ввиду, кто из научных сотрудников кафедры осуществлял практическую работу?

– Доцент Хачериди, координатор. Но его не могут найти.

– Даже странно, – невольно съязвил я. – И всё? Больше никто не был задействован?

Секретарша наморщила лоб.

– Наверное, доцент Колюбакин. Да, конечно, Колюбакин. Поговорите с ним.

– А где его найти?

– Сейчас посмотрю расписание лекций. Он в двести восьмой аудитории, лекция как раз заканчивается.

– Очень надеюсь, что он пришёл на лекцию.

Она ничего не сказала и скривила лиловые губы.

Я пошёл в указанном ею направлении по затейливому лабиринту старого господского дома, в котором размещался административный корпус университета. Лесенка вверх, через десять метров – снова вниз, поворот налево, направо... Пахнет какой-то сладковатой плесенью, как обычно в старых домах, и немного канализацией. Окна в конце коридора давно не мыты, рамы гнилые. Так, теперь вниз по лестнице во внутренний двор, пересечь его, найти строение четыре. Наверное, это вон тот двухэтажный флигель с осыпающейся штукатуркой. В стороне от входа стояла кучка студентов с выстриженными затылками и длинными чубами до носа, на запорожский лад. Они преувеличенно вежливо со мной поздоровались, держа почему-то руки за спиной. Курят, что ли, в непопозволенном месте? Однако, проходя мимо, я уловил запах не табачного дыма, а какой-то анаши или марихуаны – в тонкостях не разбираюсь. Значит, борьба с «лёгкими» наркотиками здесь не ведётся. Может быть, с «тяжёлыми» тоже.

Без труда найдя на втором этаже 208-ю аудиторию, я остановился перед не притворенной дверью. Доносился голос лектора – стало быть, Коллюбакин на месте. Это обнадеживало. Я прислушался.

– ... так говорит нам официальная хронология. Но кто считал эти тысячелетия до новой эры? Летописцы? Писатели? Астролог Скалигер? Например, благодаря Гомеру мы знаем о Троянской войне. Но в это же время, по традиционной хронологии, некие «народы моря» сокрушили могущественную Хеттскую империю, причём до сих пор неизвестно, до или после падения Трои. Вот это, надо полагать, была война так война! Не вялая десятилетняя осада Трои, столицы маленького государства! Но почему же мы так хорошо знаем о ней и почти ничего – о катастрофе хеттской цивилизации? А хетты и троянцы, на минуточку, были соседями! И гомеровские ахейцы входили в число загадочных «народов моря», по мнению историков. Только у Хеттской войны не нашлось своего Гомера. Он расписал одну войну, а что же другая, куда более существенная? Мы судим о ключевых событиях в древней истории по тем источникам, что до нас дошли. Но означает ли это, что других событий не было, и что они были не столь важны? Нет, конечно. Другой вопрос: если рейтинг значимости исторических событий столь выборочен, не выборочна ли и официальная хронология? Точно ли Троянская и Хеттская

войны произошли в одно и то же столетие? Или даже в одно тысячелетие? И было ли их так много, этих тысячелетий, как нам внушила традиционная историография и пресловутый радиоуглеродный анализ, в достоверности которого давно уже сомневаются?..

Эге, да он фоменковец! «Новую хронологию» пропагандирует, причём в государственном вузе! Однако, когда лекция закончилась и студенты повалили из аудитории, я увидел в ушах многих из них наушники – так что едва ли пропаганда была эффективной. Вслед за студентами появился и сам Колобакин. Этого мужчину лет тридцати пяти с круглыми розовыми щеками и рыжеватой бородкой-эспаньолкой я уже видел в холле городской библиотеки: он сидел в сторонке на банкетке с отсутствующим видом, подпирая стену. Не припомню, правда, присутствовал ли он потом в зале, где меня интервьюировали.

– Невольно услышал финал вашей лекции, – сказал я, поздоровавшись с ним. – А почему бы не завершить вашу мысль в полном соответствии с «новой хронологией»: что Троянская и Хеттская войны на самом деле – одно и то же событие и произошло оно во времена Александра Македонского? А Агамемнон и Александр Македонский – один и тот же человек?

– Это не столь уж и абсурдно, как может показаться, – нисколько не смутившись, отвечал он. – Я полагаю, что «народы моря» сокрушили хеттов после того, как получили ключ к Дарданеллам, а не наоборот, то есть не до падения Трои, а после. Так что это был единый процесс, только растянувшийся во времени. Насчет Агамемнона и Александра Македонского интересно, надо запомнить. А вам никогда не казалось, что Александр Македонский столь же мифологичен, как, скажем, и Геракл? Уж больно он много подвигов совершал, в его-то возрасте.

– Вы знаете, я в детстве вообще не верил в так называемые судьбоносные исторические события. В моём дворе ничего похожего не наблюдалось, а взрослые с авоськами категорически не напоминали людей, способных совершать подвиги.

– Вы, вероятно, намекаете, что подобные мысли могли зародиться только в таком глухом провинциальном дворе, как Н., – ухмыльнулся он.

– Провинциальность – не всегда территориальный признак. Мысли о том, что никакой истории на самом деле не существовало, приходят в голову многим людям и в Москве, и в Питере. Но я хотел бы поговорить не об этом. Я так понял, что после

исчезновения Хачериди и внезапной болезни ректора именно вы – то лицо, что отвечает в университете за конференцию.

– Хм, – несколько покривился Колюбакин, – вообще-то, никто меня пока на это не уполномочивал.

– А сами вы не напрашиваетесь. Понятно. Но всё же, кроме вас, никто на мои вопросы не ответит.

– Пожалуйста, но, наверное, лучше у нас на кафедре. Она вон там, в конце коридора.

Прошли на кафедру. Она представляла собой пеналообразную комнату, всю уставленную по периметру глухими шкафами и поцарапанными столами. На них пылились здоровенные компьютерные мониторы эпохи 90-х – как некие утесы, о которые разбивались волны пожелтевших методичек и прочего бумажного хлама. Здесь не пахло ни историей, ни археологией, лишь прошлогодний настенный календарь с фото столпов у Дворца дождей в Венеции напоминал о них.

Колюбакин очистил стул от каких-то расписаний и приказов и предложил мне сесть. Сам он пристроился на краешке соседнего стола, развязно покачивая ногой.

– Косячок марихуаны, коллега? – вдруг предложил он.

– Благодарствуйте, не употребляю, – ответил я, ошарашенный.

– А я думал, в Москве все теперь продвинутые.

– В каком смысле – продвинутые? Наркоманы, что ли?

Доцент поморщился.

– Бросьте. Весь Амстердам, говорят, пропах марихуаной, так что же – там все наркоманы? Передовая общественность нашего города ведёт борьбу за легализацию марихуаны как психотонизирующего средства.

– А, скажем, кокаина?

Колюбакин погрозил пальцем:

– Вы, я вижу, шутник. По кокаину вопрос остаётся открытым.

– Это обнадеживает. Но неужели вы прямо здесь хотели забить косячок?

– Ну да. Не во двор же идти к студентам? В туалет мне вас приглашать неудобно. А что до запаха, то потом проветрили бы.

– А если бы кто-нибудь зашёл?

– Никто сегодня уже не зайдёт. Только уборщица часа через два. Однако закроем тему: вы, кажется, ещё находитесь в плену у предрассудков. Я, на всякий случай, ничего вам не предлагал и буду это отрицать, если вы захотите...

– Оставьте, у меня другие проблемы. Скажите мне: почему этрусски стали темой конференции?

– Это надо у ректора и Хачериди спросить. Нам, татарам, всё равно – этрусски или не этрусски. Видимо, на этрусков был спрос: вот и финансирование под них удалось выбить. Из Москвы, заметьте! Иностранцев выписали, дорогу оплатили!

– А лично вас этрусски, как я понял, не интересуют?

– Не то чтобы не интересуют... Видите ли, я не верю в их существование.

– Ого! Что ж, по-вашему, их не было?

– Почему не было? Просто это те же римляне.

– Вот как? А отчего же этрусски имели другой язык и письменность?

– Я не уверен, что другой. Мало, что ли, народов, использовавших два вида письменности? Скажем, хорваты ещё в начале двадцатого века писали и латиницей, и глаголицей.

– С помощью глаголицы, однако, можно читать по-сербско-хорватски. А этрусскими буквами по-латыни – нет.

– Ну, это если воспринимать этрусский алфавит как буквенно-звуковой. А если он слоговой – по типу иероглифического? Все мучаются, расшифровывают... А может, надо посредством латыни кодифицировать эту слоговую азбуку?

– Вы пробовали?

– Я не знаю латыни. Но считаю весьма возможным, что римляне сначала писали слоговым письмом, а потом буквенным, как и древние греки в своё время.

– Не могу спорить, поскольку тоже не знаю латыни. Но небезызвестный Гриневич, который читает этрусские надписи с помощью праславянского слогового письма, наверное, поспорил бы.

– Гриневич – шарлатан.

– Может быть. Только у него есть переводы с этрусского, пусть порой и диковатые, а у нешарлатанов их нет. Латыни не знают или чего-то еще...

– Намёк понял. Но мне это, честно говоря, по барабану. Не вижу ничего хорошего, если этрусски действительно существовали. Какая-то тоска от них, безысходность... Заражаешься... Может, неслучайно название Тоскана – этрусского корня? А у нас в городе, знаете, и без всякой «тосканы» невесело.

– Я заметил. Однако вернёмся к конференции. Как формировался список приглашённых? Из чего вы исходили, выбирая того или другого?

– Я-то не из чего не исходил. Выбирали ректор и Хачериди. Но вас, между прочим, нашёл именно я. Павел Трофимович поручил мне выловить из Сети имена всех, кто пишет об этрусках.

Интернет выдал мне и вас как автора главы об этрусках из книги о праславянах. Ректор вашу кандидатуру утвердил. Вот и всё.

– А были и такие, которых он не утвердил?

– Были, конечно.

– И кто, если не секрет?

– Ну... Гриневич этот ваш. Фоменко, Носовский.

– А, они ведь теперь этрускологи! Ну, вы, наверное, их сами предложили, без всяких поисков в интернете?

– В общем, да. Но я их не лоббировал, как не лоббировал и вас. Я всех, кого надыбал, включил в алфавитном порядке в один аннотированный список, а ректор с Хачериди над ним колдовали. Кого-то вычеркивали, кого-то добавляли от себя. По какому принципу, не знаю. Отсекали так называемые крайности, наверное.

– Значит, душой идеи были ректор и Хачериди. Они действительно интересовались этрусками?

– Хачериди интересовался тем, чем интересовался ректор. А вот Павел Трофимович интересовался этрусками сам по себе. Кажется, кое-что понимал в них. Но проект его доклада всё равно писал я.

Я покачал головой:

– Странная картина: выясняется, что никому, кроме вашего ректора, этруски не были нужны. Конференцию, как я понял, задумали исключительно из соображений престижа. Затем, словно в назидание, все исчезли. Остался лишь я, вовсе не этрусколог, а так, историк-любитель. Может, оттого и остался. Что же мне теперь прикажете делать в вашем И.?

– Не знаю, спросите у проректора, который замещает Павла Трофимовича.

– А он имеет отношение к конференции?

– Совершенно никакого.

– Ну, тогда он пошлёт меня снова к вам, как это сделала секретарша. Вы же один теперь представляете кафедру-организатора.

– Ну, у нас есть ещё преподаватели...

– Все преподаватели мне не нужны, нужен старший. Ведь старший сейчас получаете вы?

– Как-то так, вроде того. – Это признание далось Колюбакину неохотно.

– Тогда я в вашем распоряжении до официальной даты закрытия конференции. Мне, знаете, тяжело всё время быть в неведении. Хочу ощущать чьё-то руководство, пока я здесь. Вот мой телефон, направляйте мои действия, если нужно.

– Нашли руководителя! Я корабль в пустоте! Как в песне из фильма «Ботинки мертвеца»: «Я не могу быть в ответе за происходящее, потому что я не более чем корабль в пустоте».

Это вырвалось у него вполне искренне. А ведь я и сам ощутил нечто подобное, когда вышел от Здолбуновича. Корабль в пустоте... Довольно точно.

– Уезжайте отсюда немедленно, – шепнул доцент. – Я бы сам уехал, только некуда. Этруски эти притягивают несчастья. Хачериди исчез, ректора разбил инсульт... О делегатах я уже не говорю. Чья теперь очередь, подумайте?

Я сразу вспомнил слова косоного Здолбуновича, что все разбежались, включая его секретаршу. Может, на них внезапно, как ветер, налетела та же паника – необъяснимая, тёмная, неподвластная разуму? Мистическое начало не сильно развито в чиновниках, а вот инстинкт самосохранения – как у пресловутых крыс, первыми бегущих с тонущего корабля. А может... нечто подобное случилось вчера и с этрускологами? И они все побежали сломя голову, сами не зная куда?

– Что у вас тут происходит? – наконец, спросил я. – Нечто похожее уже случалось?

– Случалось, – серьёзно ответил Колюбакин. – Я исчез, а сюда вернулся кто-то другой. С вами такого не бывало?

– Это метафора?

– Конечно. Ведь метафора переводится с греческого как «перенос». Перенос души с одного места на другое. Моя душа сейчас где-то в другом месте. А ваша?

Я поднялся.

– Что ж, спасибо за интересную беседу. Узнал я, правда, немного, да видно, на большее у вас рассчитывать нельзя.

– Это город метафор, сэр. Или метаморфоз – как кому больше нравится. Познать их невозможно – можно лишь принять или не принять. Советую не принимать. А то, знаете, так перенесёшься, что потом костей не соберёшь.

Я не знал, что на это сказать. На том и расстались.

* * *

Я постоял под университетским портиком с колоннами, потом бесцельно побрёл по городу. Вчера я уже был в этих местах, когда шёл с раскопок древнего городища. Я прочитал о нём в интернете ещё дома и решил начать осмотр города именно отсюда, чтобы успеть до закрытия экспозиции. Раскопали не-

сколько улочек с фундаментами домов и часть оборонительной стены. Кладка была грубоватой по сравнению, скажем, с херсонесской. Найденные черепки кувшинов и мисок тоже. Одни предполагали, что городище относится к Боспорскому царству, другие (преимущественно последователи Гумилева-младшего) – к Хазарскому каганату, хотя ни городов, ни даже городищ хазар до сего времени обнаружить не удалось, – может быть, их и вовсе не существовало. А всякие эти баснословные Саркелы и Белые Вежи представляли собой стойбища грабителей, или, по-нынешнему, таможенные терминалы.

Развалины находились неподалеку от центра Н., на берегу бухты. Люди всегда селились в одних и тех же местах – не одни, так другие. Скажем, город лестригонов Ламоса у Гомера – прообраз современной Балаклавы. Наверняка Боспорское царство, если его щупальца дотянулись до будущего Н., исходило, закладывая здесь крепость, примерно из тех же соображений, что впоследствии русские князья и цари, обосновавшиеся здесь же. Не исключено даже, что использовались те же строительные материалы. Меня позабавила жалоба экскурсовода о том, что местные по ночам растаскивают древние каменюки для строительства своих дач. Варварство, конечно, да ведь предшественники нынешних горожан делали то же самое – и в античные времена, и в средневековье, и в новое время. И не только они. Рачительные римляне обдирали мрамор с дворцов и храмов в захваченных странах, потом варвары сбивали этот же мрамор уже с римских построек, а то, что не доделали варвары, подчистил Ватикан для своих немаленьких нужд. Круговорот камня в истории. Находчивые дачники из местных всего лишь его часть.

С территорией раскопок соседствовал городской рынок. Он был удивительно похож на городище планировкой тесных, неотличимых одна от другой улочек-рядов (милетский архетип – прямоугольная решётка, вписанная в овал). Один муравейник умер, да здравствует другой! История историей, а на рынке испокон веку всё подчиняется одному желанию: выжить, добыть кусок хлеба на грядущий день. Как это по-человечески понятно, но как душно, уныло, неприкаянно в этой галдящей тесноте на фоне весёлого и вольного блеска моря внизу!

Жизнь неотделима от рынка, но является ли рынок законом жизни? Разве спас он хотя бы одну гибнущую цивилизацию? Цивилизации умирали, рынок оставался. Он живуч, спору нет, но мы почему-то до сих пор изучаем историю государств и на-

родов, а не рынков. Когда империя слабеет, рынок не поддерживает её — он её убивает. Сюда, в торжище, уходят и здесь перемалываются в костную муку творческие силы, вера, талант, изобретательность, воля народа. Уже и рынок окружён кольцом огня, а люди продолжают тупо думать о том, что можно купить и продать там, внутри. Это ли свобода, о которой нам талдычили обслуживающие лавочников мыслители? Отчего же художники веками воспринимали рынок как бессмысленную и враждебную стихию?

*Сегодня снова я пойду
Туда, на жизнь, на торг, на рынок,
И войско песен поведу
С прибоем рынка в поединок!*

Скольких таких певцов накрыл этот прибой! Что там полсотни этрускологов... Я один, в чужом загадочном городе, и вроде бы ещё не исчез, но как бы уже не живу, потому жизнь в этом Н. течёт мимо меня параллельными курсами, никак со мной не пересекаясь. Корабль в пустоте, как сказал фигляр Колюбакин.

Впереди оказался плечистый кафедральный собор под круглым византийским куполом. Я в него заходил вчера. В небесах раскатисто ударил колокол. Ко всеобщей, что ли, звонят? Ну да, 16.45. А не поговорить ли мне с кем-нибудь из священников о мистических странностях этого места? Может, тогда прояснится хоть что-то?

Я пошёл к боковым вратам храма, через которые обычно проходят в алтарь священники, и стал ждать. Вскоре, действительно, появился круглолицый батюшка в сером подряснике.

— Христос воскрес! — приветствовал я его (недавно отпраздновали Пасху). — Здравствуйте, благословите! Не уделите ли приезжему человеку минуту?

— Воистину воскрес! Бог благословит! Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! Но только минуту: скоро служба начинается, а я ещё не облачался.

— Я Борис Лосев, писатель, приехал сюда на конференцию этрускологов.

— На конференцию кого, простите?

— Ну, тех, кто занимается этрусками.

— А, это народ из Италии, который ушёл в небытие некрещённым. Да-да, припоминаю, слышал что-то об этой конференции. Отец Константин, очень приятно.

– Я всего сутки в вашем городе, но мне хватило, чтобы почувствовать какую-то странную духовную атмосферу. Вы больше, нежели другие, имеете отношение к вещам... так скажем, сверхъестественным...

Он улыбнулся:

– Можно сказать и так.

– Общаясь с прихожанами, не слышали ли вы от них о чем-то избыточно сверхъестественном?

Отец Константин посмотрел на меня внимательными серыми глазами.

– Это как?

– Люди у вас не пропадают внезапно? – спросил я прямо.

Он пожал плечами:

– Люди везде пропадают. А Н. – город только с виду тихий. Здесь, как положено на юге, есть свои мафии, которые чем только не занимаются – наркотиками, водкой, торговлей женским телом... И мужским, кстати, тоже. А в притонах всегда кто-то исчезает, не правда ли? Так что ничего сверхъестественного.

– А если исчезли не в притоне, а бесследно из холла гостиницы?

– Мистическим образом, вы хотите сказать?

– Да.

– Что ж, и такое бывает. Рядом с миром зримым всегда живёт мир незримый, только большинство не верит в его существование. А он есть, и кто-то всё время переходит из одного мира в другой.

– Из бытия в небытие? Или из бытия в некое иное бытие?

– Кабы знать, как! Может быть, это одно и то же. Нам сие неведомо. Вот Андрей Белый писал о своей подруге, известной оккультистке Минцловой: она однажды поведала ему, что некие «они», её неведомые мистические руководители, удаляют её от людей и общений. Дескать, скоро она исчезнет навсегда и просит друзей молчать об этом. И что же вы думаете? Она действительно в тысяча девятьсот десятом году исчезла, и никто *до сих пор* не знает, куда. А поскольку предупреждённые ею оккультисты в полицию не пошли, то Минцлова как бы растворилась. Была и нету.

Мне припомнилось белое, опухшее, как у покойницы, лицо этой Минцловой с фотографии. Снова противно заныло в животе. Одновременно отметил: а батюшка-то эрудированный, Белого читал!

– Даа... Но эта Минцлова хотя бы предупредила о своём исчезновении. И она была одна. Мой случай хуже: вчера пропадают одновременно пятьдесят человек, с которыми я ехал в гостиницу, а потом мне говорят, что их там не было. А я с ними стоял у стойки. Каково?

Батюшка поднял брови, глянул на меня уже настороженно, помял ладонью жидкую русую бородку.

– Что тут сказать?.. А вы, как бы это деликатно выразиться, не...

– Именно «не», – перебил я его, поняв, куда он клонит. – Не пью, во всяком случае, много, не употребляю наркотиков, на учете у психиатра не состою. Полсотни этрускологов, которых я видел, как вижу вас, как сквозь землю провалились, это факт!

– Да, о таком мне слышать ещё не доводилось... Пятьдесят человек... Помнится, говорили о пропаже какой-то секты в джунглях, но это дело давнее и нездешнее. Но, может быть, они ещё найдутся, и причина их исчезновения какая-то простая и вовсе не мистическая?

– Все так говорят, и я сам на это надеялся. Но уже сутки, как они не объявляются. Значит, простых объяснений не будет. А потом... странно не только их исчезновение, но и то, как к нему относятся местные – ФСБ, МВД, власти, университет...

– А как?

– Ну, примерно так же, как друзья Минцловой. Словно что-то знают, но не хотят говорить. Надо подождать, твердят они в один голос, а из управления науки и культуры все уже разбежались, включая секретаршу начальника. Почему? И почему вслед за учёными исчезли свидетели их пребывания в гостинице – уже три человека, а ректора университета, задумавшего конференцию, разбил инсульт?

Отец Константин задумался.

– Да, признаться, и мне уже как-то не по себе... И, честно говоря, всегда было не по себе в этом Н. – я ведь тоже не местный. Вы правы: какая-то чертовщина тут ощущается, хотя, конечно, столько людей за раз никогда не пропадало. Но вот вопрос, естественно возникающий после услышанного: а почему, извините, вы не исчезли вслед за другими?

Я развёл руками:

– Не знаю, что и сказать. Человек из ФСБ меня уже спрашивал об этом. Первое, что приходит в голову: потому что я не этрусколог.

– А кто вы? Ах, да, вы говорили – писатель... Что же вы делаете на этой конференции?

– Я написал историческую книгу с главой об этрусках – вот и пригласили.

– Стало быть, если причины происшедшего мистические, кому-то нужно было, чтобы остался именно писатель.

– Об этом я как-то не подумал...

Колокол, всю нашу беседу бивший у нас над головой с равными промежутками, умолк.

– Простите, мне пора, – поклонился отец Константин. – Одно я знаю точно по поводу рассказанного вами: надо бы вам, не откладывая, исповедаться и причаститься. Вы крещёный?

– Крещёный.

– Где-то у меня была карточка с телефоном... вот... Звоните, как надумаете. И вообще держите меня в курсе.

За церковной оградой я вдруг снова увидел Григория, покуривающего с праздным якобы видом. Где он шатался? Или незаметно ходил за мной от ведомства Здолбуновича? Я направился прямо к нему, отчего он занервничал и стал усиленно мне подмигивать. Конспирация, что ли? А как на такси за мой счёт кататься? Не дойдя до него метра (а то снова прицепит что-нибудь), я тихо сказал:

– Прекратите моргать, а то подумают, что у вас нервный тик. Есть новости?

Он слегка покачал головой.

Я повернулся и пошёл прочь, не заботясь о том, следует за мной Григорий или нет. Как сказано в фильме «Бриллиантовая рука»: «Вам поручена эта операция, так что действуйте». Вот пусть он и действует, как ему поручено. Он, наверное, на обед ходил, пока я таскался по университету. Понадеялся на «божью коровку». Что ж, надо же и секретным сотрудникам обедать. Всё равно, случись что, этот ненадежный секьюрити меня не спасёт. Я уже устал от безрадостных впечатлений сегодняшнего дня и высматривал такси. Проходя мимо университета, я услышал за спиной негромкий женский голос:

– Не оглядывайтесь. За вами следят. Я сейчас вас обгоню, а вы идите за мной.

Голос был знакомым. Я не стал оглядываться, но, максимально скосив глаза налево, увидел каштановые локоны, лиловые губы, кончик напудренного носика и загнутые вверх кончики длинных ресниц – накладных, наверное. Понятно, секретарша ректора. Она вихляющей походкой манекенщиц – от бе-

дра – обогнала меня, покачивая амфорами ягодиц, обтянутых лиловой юбкой. Её туфли на шпильке тоже были лиловыми. Вспомнились слова недавно слышанной дурацкой песенки: «Цвет настроения синий, внутри мартини, а в руках бикини», которые я никак не мог понять, потому что мартини, по моему разумению, должно быть в руках этой девушки, а бикини – на её теле. Чего она – голая, что ли, сидит, наклюкавшись мартини? Сгорбленная девушка с синими титьками, Пикассо отдыхает. А у этой, стало быть – цвет настроения лиловый? Чего ей надо? То из неё слова не вытянешь, то... Пугать будет, как остальные?

Она, между тем, зашла в магазинчик с вывеской «Мини-маркет». Помедлив, я двинулся за ней. Сейчас купим мартини и будем пить его в «Аквариуме» без бикини. Тьфу, привязалось! И всегда так со мной, когда нервничаю. Лилу (как я уже про себя её назвал) свернула между стеллажей налево, я за ней, и через несколько шагов мы оказались у кассы, за которой был выход – на другую сторону здания. А, вот в чём дело: это, как в детективах – чтобы уйти от слежки, нужен дом со сквозным проходом.

Когда мы оказались на параллельной улочке, она указала мне длинным пальцем с лиловым ноготком на припаркованный к обочине жёлто-чёрный автомобильчик «Смарт». Пропищал электронный ключ, мы уселись. Внутри эта двухместная каретка оказалась довольно просторной. Как водится при посадке в автомобиль, юбка Лилу задралась, оголив гладкие с исподу ляжки, и я невольно уставился на них. Она одёрнула подол, глянула на меня исподлобья. В общем, ничего, с удлинённым лицом и высокими скулами, ещё бы не так сильно намазана. Хотя им, секретаршам, иначе как?

– А почему машина не лиловая? – спросил я.

– Что?

– Ну, на вас всё лиловое, а что же машина?

– Лиловых не было, – отрезала она и потянулась к зажиганию.

Я посмотрел в боковое зеркало: Григорий не появлялся, ждёт, наверное, служивый, у противоположного входа.

Автомобильчик тронулся.

– А как вы узнали, что за мной следят? Вы что – имеете специальные навыки?

– Этот человек зашёл в приёмную вскоре после вас и поинтересовался, куда вы пошли. Потом я увидела на улице, что он идёт за вами.

– А вы-то зачем за мной следили?

- На то есть причины.
- Хотелось бы их узнать. Простите, как вас величать?
- Ольгой.
- А в чем, собственно, Ольга, дело? Куда мы едем и зачем вся эта конспирация?
- А зачем этот человек за вами следит, вам неинтересно?
- Он меня охраняет. А вы, кстати, меня этой охраны лишили.
- Он вам не поможет. И вообще никто, случись что. Особенно с сегодняшнего дня.

Я уставился на неё.

– Да что вы меня всё пугаете и водите за нос? Считайте, я уже напуган. Вам что-то известно об исчезновении учёных? Говорите прямо!

Она молчала, следя за дорогой.

– Ну, если так, я дальше с вами не поеду. Остановите, надоело.

Лилу не отреагировала, только прижалась к обочине. Нас обогнали, завывая, несколько полицейских машин. Похоже, началась какая-то движуха по поводу этрускологов – операция «Перехват» или как это у них называется. Только перехват чего? Воздуха? Если кого-то и можно было перехватить, то, наверное, вчера.

– Этого не объяснишь, – наконец, сказала она. – Вы должны увидеть сами. Павел Трофимович о чём-то таком догадывался, но не придавал значения. А я с детства слышала эти истории.

– Какие истории? – встрепенулся я.

– О невидимом болоте посреди города. Ты не чувствуешь, как оно тебя засасывает.

– Вот как... И кого же оно засосало?

– В каждом дворе кого-нибудь да засосало. Теперь этрускологов ваших, ректора, Хачериди. И вас засасывает. Может, и меня.

– Давайте по порядку. Люди и раньше здесь исчезали неведомым способом?

– И появлялись неведомым способом. Здесь место встречи попавших в болото. Сегодня мне стало окончательно ясно.

– Послушайте, в каждом месте есть свои поверья. Но не думаете же вы....

– Думать бесполезно. Лучше не думать: тогда, может быть, пронесёт. Так мне еще бабушка говорила.

– Так зачем же вы думаете?

– Меня не пронесло. Мы с Павлом Трофимовичем были не просто сослуживцы. Я не могу уже сделать вид, что меня

это не касается. Я чувствую, как где-то рядом со мной чавкает болото. А вы?

Я пожал плечами:

– Признаться, чувствую я здесь себя поганю, но меня угнетает неведение, а не чавканье какого-то виртуального болота.

Лилу стрельнула глазами в мою сторону.

– Может быть, с вами всё иначе. Ведь не зря же вы не пропали вместе с другими. А может, вы для них недоступны? Или у вас есть защита?

Я подался к ней:

– Для кого – для *них*? Выкладывайте!

Она невесело усмехнулась.

– Для *них*. Для духов из болота.

Что-то мне это напомнило.

– А вы с Колюбакиным на эту тему не разговаривали? – поинтересовался я.

– Я вообще с ним никогда толком не разговаривала. Урод в ж... ноги.

– А между тем, у него похожие мысли о вашем городе, только он выражался изящнее: город переселения душ.

– Он знает, что говорит, – сквозь зубы пробормотала она. – Откуда он сам появился? Никто не помнит в городе никакого Колюбакина. А он утверждает, что всегда жил здесь.

Вот как? И Колюбакин – «дух из болота»? Похоже, вообще-то. Но спрашивать ещё что-либо мне расхотелось. Мы покинули центр города и ехали по бесконечной улице, застроенной одноэтажными домами, с четырехскатными, на южный лад, крышами. Они были сложены из какого-то странного, высоко-го кирпича. Приглядевшись, я понял, что это обычный кирпич, только поставленный на ребро. Очевидно, так экономились стройматериалы, а особой толщины стен в этих тёплых широтах не требовалось. А вот мелькнул дом из дикого тёсаного камня – возможно, выломанного из древних стен, как рассказывала экскурсовод. Здесь было уже темновато, поскольку кроны деревьев с обочин, испещрённые мазками свежей зелени, образовывали над дорогой тенистый свод, а фонарей ещё не зажигали. На одном из перекрёстков я увидел полицейский пикет, не обративший, впрочем, на нас никакого внимания.

В конце этой по-станичному длинной улицы Лилу остановилась.

– Там, – указала она на смутно угадывающиеся ворота какого-то тёмного парка. – Идите, смотрите.

– Да чего смотреть-то? – недоумевал я, но любопытство перевесило, и я вышел из машины и сделал несколько шагов к воротам.

Сзади фыркнул двигатель, я отступил к обочине, полагая, что она следует за мной, но малютка «Смарт» быстро развернулась и умчалась прочь, только шины прошелестели. Я остался, как дурак, один на дороге. Ах, ты, лиловая дрянь! Завезла меня, чёрт знает куда, и бросила! А перед этим пугала всю дорогу, так что я, и без того уже напуганный, ощущал рождение холодных струек на спине. Сейчас меня здесь и пристукнут. Или утащат туда, куда утащили несчастных этрускологов. Но ведь за несколько кварталов отсюда стояли полицейские, может, мне по-быстрому вернуться к ним? Уже собравшись идти назад, я увидел над воротами парка какую-то вывеску, но разобрать ничего не смог, кроме «... № 2». Что за номер два? Парки не нумеруют. Я пересёк дорогу, перпендикулярную той, по которой мы приехали, и подошёл ближе. «Городское кладбище № 2», – вот что было написано над распахнутыми, несмотря на поздний час, воротами. Только теперь узрел я кресты и надгробья между разросшимися деревьями. «А вдоль дороги мёртвые с косами стоят», – вспомнилось невольно.

Как ни странно, но тут робость моя прошла. Дешёвый трюк, топорная метафора! Дескать, кладбище тебя ждёт, если будешь слишком любопытным? Какой-то Голливуд для бедных. Безвестность страшнее, начинаешь воображать Бог знает что. Однако, миновав ворота, я перекрестился. Так, а дальше что? Кладбище как кладбище. Вон купол часовенки виднеется. Даже, если я бесстрашен, аки лев, что мне здесь делать в эдакое время? Свежей братской могилы этрускологов, слава богу, не видно, а искать что-то подобное в сумерках на незначительном, как ясно, кладбище не с руки. Трудно даже прочесть имена усопших на табличках. Я пригляделся к ближайшей плите и – почувствовал, как останавливается сердце.

«Минцлова Анна Рудольфовна. 1865–1942», – было там написано.

* * *

До этого момента я воспринимал всё происходящее не то чтобы отвлечённо, но всё же как бы со стороны. А тут меня так проняло, что я не помню, как и выскочил за ворота кладбища, и как оказался на дальнем перекрестке, где дежурили полицей-

ские. Завидев их, я немного пришёл в себя. Мне захотелось, чтобы они меня задержали и отвезли в участок, потому что никаких такси на этой длинной окраинной улице, похоже, не предвиделось. Надежда на защиту полиции была, конечно, наивной, ибо она ничего не могла противопоставить той силе, что больше ста лет назад перенесла сюда Минцлову из Питера. Но нашему человеку свойственно уповать в опасности на людей в форме, вообще на государство, а государству, как правило, всё это фиолетово. Нарочито замедлив шаг, мрачно насупив брови (или так мне казалось), я пошёл на полицейских. Но они лишь безразлично посмотрели в мою сторону и отвернулись. Я лихорадочно размышлял, под каким же поводом к ним обратиться, и не нашёл ничего лучшего:

– Простите, вы не подскажете, где бы я мог взять такси? Я человек приезжий, не знаю.

Мент восточного вида оживился:

– А такое такси вас устроит? – указал он на служебный «жигуль» жовто-блакитного цвета. – Вам куда?

– Отель «Аквариум».

– «Аквариум»? Триста рублей. Пойдёт?

– Пойдёт.

– С мигалкой поедете, уважаемый, как олигарх! Вован, – повернулся он к одному из полицейских, – это тот «Аквариум», где пропавшие делегаты должны были жить. Поехали, человека подвезём, заодно и попатрулируем.

Двум другим ментам было предложено остаться дежурить. Те что-то проворчали в ответ, но возражать не стали.

Я сел на предложенное мне заднее сиденье «жигуля». Ну, ладно, пусть такое «такси», даже как-то спокойней. Дороже на сто рублей, чем в среднем по Н., зато с мигалкой, под госохраной. Я сохранил способность размышлять на привычный, бытовой лад, хотя внутри меня плескалось смятение, как вино в до краев налитом стакане. Значит, оккультистка Анна Минцлова вовсе не исчезла в 1910 году, а материализовалась в этом «городе переселения душ»? Или исчезновение в одном месте и появление здесь – синонимы? Как это сказала Лилу? Место встречи попавших в болото? Ладно, допустим, а если кто-то исчезает именно здесь, как этрускологи, то где он появляется? И появляется ли вообще? В эти вопросы стучался ещё один: как эта Ольга узнала про рассказ отца Константина о Минцловой? Ведь он просто физически не успел бы ей о нём сообщить. Но, может быть, ей и не надо ничего сообщать, она и так всё

знает, будучи существом не материальным, а одним из «духов болота», по её же выражению?

Мы ехали назад по знакомой уже дороге. За рулём сидел скуластый, с оттопыренными ушами сержант Вован. Он повернулся ко мне:

– А вы сами живёте в «Аквариуме»?

– Да.

– Про историю с учёными знаете?

– Слышал.

– И что слышали? – Вован явно был больше похож на полицейского, чем его сосед, которого интересовали только мои триста рублей.

– Они исчезли.

– Все?

– Нет, не все, один здесь.

– Где здесь?

– Ну, здесь, сзади вас.

От неожиданности он даже затормозил. Теперь они оба уставились на меня. Я не хотел произвести на них никакого эффекта, невольно получилось.

– А... что вы тут делаете?

– Ничего. Иду с кладбища.

В тёмном салоне это прозвучало зловеще. Я увидел, что им стало не по себе – словно детям, слушающим в потёмках «ужастики».

– Почему же с кладбища? – пролепетал тот, что предложил мне услуги «такси». – Ведь скоро ночь!

– Ладно, ладно, – постарался улыбнуться я. – Расслабьтесь, с покойниками я там не встречался. Одна ваша местная дура привезла меня туда и бросила.

– Какая ещё дура? Путана, что ли?

– Возможно. Я не спрашивал. Она хотела мне показать там что-то, я вышел из машины, а она развернулась и уехала.

– Деньги вы ей давали?

– Нет, она не просила.

– А что она вам хотела показать?

– Откуда я знаю – она же уехала.

– А кто она вообще? Как вы с ней познакомились?

– Секретарша ректора университета. Я был у неё по вопросам сорвавшейся конференции.

Теперь менты смотрели друг на друга: они явно не знали, что со мной делать.

– Сообщим, что один нашёлся? – спросил, наконец, напарник у Вована.

– А он терялся? Братан, ты чего-то не догоняешь. Мы же знаем, что один из них заселился в гостиницу. Этот, как его... Оленев. Вы Оленев?

– Я Лосев.

– Можно ваши документики?

– Пожалуйста.

Они включили свет в салоне и изучили паспорт.

– Вроде всё в порядке, – сказал Вован, возвращая документ. – А вас, вообще, допрашивали в связи с происшествием?

– Допрашивали, но не из вашего ведомства.

– А, понятно, смежники, значит. И они разрешили вам ходить одному по городу?

– Не запрещали.

– Те еще следаки! Вам бы лучше сидеть в гостинице, гражданин Лосев. А то и вы куда-нибудь, не ровен час, исчезнете. Ну, чего, – повернулся он к напарнику, – в «Аквариум»?

– Поехали. Только про триста рублей я вам не говорил, а вы не слышали.

– Ладно.

Всю последующую дорогу мы молчали. Менты, как мне показалось, испытали явное облегчение, когда их покинул у «Аквариума».

В здании отеля был ярко освещен только вход и стеклянный вестибюль, а выше горело не более полудюжины окон. Дремавший за стойкой портье встрепенулся при моем появлении. Когда я шёл мимо него к лифту, то услышал за спиной звук разъезжающихся створок входной двери. Я обернулся – в холл входил Григорий, имевший такой вид, словно неотступно следовал за мной сегодня по пятам. Лишь покосившись в мою сторону, он направился к портье и о чём-то стал его негромко спрашивать. Я воспользовался этим, чтобы заскочить в распахнувшийся свою пасть лифт и уехать. Меньше всего мне сейчас хотелось говорить с Григорием. Но интересно, случайно ли он меня здесь застал или всё же как-то, без «жучка», отслеживал всю дорогу, в том числе, и на кладбище? Я уже ничему не удивлялся и готов был поверить чему угодно – даже тому, что он тоже «дух болота» и следил за мной незримо.

Выйдя из лифта, я ощутил нечто необычное – точнее, непривычное, ибо что сегодня было обычным? Напротив лифтов имелось зеркало, в котором вы мельком отражались, когда вхо-

дили или выходили. Я уже миновал фойе, когда боковое зрение с опозданием на доли секунды доложило мне, что в зеркале... был вовсе не я. Постояв несколько секунд в нерешительности (услужливое слово «показалось» я отмёл как издевательское в моей ситуации), я вернулся к зеркалу. Из него на меня страшными глазами смотрел... доцент Киров, мой сосед по самолёту.

«Наверное, у меня такие же глаза», – как-то отстранённо подумал я, а губы сами собой спросили:

– Где вы?

– Я здесь, у лифта, – потусторонним голосом ответил он. Действительно, за его спиной были двери лифтов.

– Вы... живы?

– Я? – Он кривовато поправил золочёные очки на носу. – До этого момента считал, что жив, а сейчас сомневаюсь.

– Что с вами произошло?

– Все исчезли, и я остался один.

«Он остался один? – лихорадочно соображал я. – Как я? Выходит... с остальными произошло то же самое? И теперь каждый находится в своей реальности, где все исчезли, кроме них?»

– Я здесь, как в пустоте, – пожаловался взъерошенный Киров. – Весь день рядом со мной были какие-то люди, но они тоже пустота. Вокруг – километры пустоты, словно тогда, когда мы летели в десяти километрах над землёй.

Не зря он боялся высоты, ох, не зря! А я смеялся!

– Корабль в пустоте... – вырвалось у меня.

– Что?

– Так сказал один местный доцент, Колюбакин... Вы видели его?

– Возможно. Но я не знаю, кто это.

Стало быть, если наши с Кировым миры параллельные, и все остальные тоже, то происходящее в них вовсе не параллельно, во всяком случае, не строго параллельно.

– А что с вами? – спросил Киров из синеватой глубины зеркала. – Что с этрускологами в вашем... мире?

– То же самое, что и в вашем. Я здесь один.

– Понятно. – Он опустил голову. – А я-то, увидев вас в зеркале, надеялся... Ненавижу этих этрусков! Не стоило ими заниматься, они не приносят счастья.

– Вы полагаете?... Вот и Колюбакин...

– Не знаю, что там Колюбакин, а всё вокруг этрусков пропитано обречённостью, унынием, пресыщенностью... Эти их

гадания на внутренностях... этот гипертрофированный культ изысканных зеркал... Язык их нечеловеческий... Немудрено, что они внезапно все исчезли... А теперь – мы. Мы заразились от них.

– Да-да... – я задумался. – Вы говорите – зеркала? А ведь они, наверное, тоже были ритуальными. И мы вот встретились у зеркала. А если это дверь из одного мира в другой? И мы можем объединиться? Вдвоём-то будет полегче. А потом увидим в этом портале ещё кого-нибудь из наших, перетащим к себе. И так – каждого, пока не станет нас снова пятьдесят.

– Боюсь, это было бы слишком просто, – уныло сказал Киров. – Не для того нас разбросали по разным ходам во времени и пространстве, чтобы мы взяли и воссоединились в зеркале.

– Вы и впрямь, кажется, заразились. Но ведь можно легко проверить. Чего нам терять? – Я протянул к нему руку, но мой средний палец со стуком ударился о гладкую и твёрдую поверхность стекла. Киров исчез, и в зеркале появился я, будто здоровяющийся со своим оригиналом. Привет, терпила! Тебя снова надули!

В номер я зашёл крадучись и осторожно вставил карту в пластиковый карманчик на стене. Вспыхнул свет. Пусто. С опаской поглядев на зеркала, я подумал, а не снять ли шторы с окон и не завесить их, чтобы не заглядывал сюда кто ни попадя из зазеркалья, но потом решил, что не сто́ит – не похороны всё же.

Явление Кирова в зеркале кардинально меняло картину происходящего. До сего момента существовало два мира: тот, в котором я сейчас нахожусь, и тот, в котором исчезли остальные. Теперь же появились основания подозревать, что этих миров пять десятков, если не больше (ещё оба портье, Хачериди), а я могу повлиять в лучшем случае на один. В других, скорее всего, от этого ровным счётом ничего не изменится. Я свалился, не раздеваясь, на необъятную кровать. Сил не было не только что-то делать, но и думать, и я уснул.

Наутро я долго лежал без движения и глядел в высокий потолок, усеянный круглыми дырочками-светильниками. Я затерялся здесь в одном из пятидесяти миров и не знал, как выбраться обратно. Какая из дырочек моя? И всё же мой ум отказывался верить во всё, с чем я столкнулся вчера вечером. Я нащупал на тумбочке пульт и включил огромный телевизор напротив кровати. Что там говорят в утренних новостях про исчезновение полусотни человек в Н.? Я нетерпеливо щёлкал с канала на канал, везде сидели улыбающиеся до дёсен, точно негры, ведущие

и несли какую-то хрень. Ни слова об Н. На одном из каналов я увидел бегущую понизу новостную строку, стал читать. «Президент США Трамп заявил в твиттере...» «ВКС России нанесли удар в провинции Идлиб...» «Парламент Тосканы признал Крым частью РФ...» «В Большом театре премьера...» «Скандално известный актер Алексей Панин попытался выйти из летящего самолёта...» «Сборная России по хоккею вышла в четвертьфинал ЧМ...» «Курс доллара...» «Погода...» Потом заново: «Президент США Трамп...» И всё. Так, где мой телефон? А ведь вчера не было ни звоночка, даже от жены! Так не бывает: всегда за день кто-нибудь да позвонит. В «контактах» у меня были номера нескольких редакций, с которыми доводилось сотрудничать, в том числе, и ТВ. Я стал звонить. «Номер не обслуживается, поскольку вы находитесь вне пределов досягаемости сети...» По другому телефону: «Номер не обслуживается...», «Номер не обслуживается...», «Номер не обслуживается...» Я вспомнил шутку одного покойного писателя: «Чтобы позвонить в ад, нужно набрать код 666». Может, тогда обслужится? Я снял трубку гостиничного телефона – он не работал.

Что ж, понятно: в моей реальности связи нет. И тут телефон зазвонил. Двумя пальцами, словно боясь заразиться, я поднял трубку:

– Алло!

– Борис Сергеевич?

– С кем имею?..

– Вы завтракали?

– Нет. – Я вдруг почувствовал, что ужасно голоден: завтракал я последний раз вчера, но после этого не обедал и не ужинал.

– Завтракайте и спускайтесь, пожалуйста, в холл. У нас к вам есть вопросы.

– У кого – «у нас»?

– У нас. У полиции и прокуратуры.

– Вы обнаружили людей?

– Спускайтесь и поговорим.

Значит, не обнаружили. Нажав несколько раз на рычаг телефона, я проверил, работает ли он теперь – нет, быстренько снова умер. Чудеса! Всё было бессмысленно. Хотелось исчезнуть куда-нибудь, чтобы не переливать из пустого в порожнее с проснувшимися, наконец, «следаками». Ведь это всего лишь одна из пятидесяти следственных групп, действующих в мистическом Н-ском болоте. Поодиночке они никого не найдут, а вме-

сте им никогда не сойтись. Но куда тут исчезнешь? Я и так сорок девять раз исчез в других Н-ских мирах...

Я махнул на всё рукой, умылся и пошёл завтракать. В небольшом угловом лобби на моем этаже сидел Григорий и ещё один субъект, набыченный. Охраны прибавилось. Или это был сменщик – Григорий, похоже, тут ночь провёл.

В столовой на этот раз я увидел двух буржуев, жрущих свой буржуйский завтрак – овсяные хлопья с молоком.

– А что – футболисты еще не завтракали? – спросил я у давшей неприветливой девушки.

– Футболисты уже уехали, – скривилась она.

Ну, да, конечно, среди них же есть свидетели, как же их оставлять в отеле? Моя реальность по-прежнему была безрадостной.

Ничего хорошего я не ждал и от тех, кто позвал меня в холл, и мои предположения оправдались. Там сидели шесть типов в тёмных костюмах с неприязненными физиономиями, включая известного мне Ротова. Они сразу же препроводили меня в пустующий бар – видимо, помещение двойного назначения. Особенно несимпатичным казался лысый, узкогубый, с каким-то вдавленным внутрь носом человек, начавший меня допрашивать – причём «по-взрослому», под протокол, который писал его коллега за соседним столиком. Третий снимал меня на камеру. А передо мной узкогубый положил ещё и диктофон.

– Ваша фамилия, имя, отчество?

– Хотелось бы сначала узнать, с кем имею дело.

– Румянов Валентин Игоревич, следователь по особо важным делам Генпрокуратуры. – Он достал и развернул удостоверение.

– Неужели из Москвы?

– Из Москвы.

Ага, значит, всё-таки всполошились. Я представился, а Румянов пошёл по протокольным пунктам: дата и место рождения, адрес по прописке, судимость – в общем, как положено. Но первый же вопрос по существу меня огорошил:

– С какой целью распространяете сведения о прибытии в отель «Аквариум» этрускологов?

Помолчав, я спросил:

– Неужели вы для этого прилетели из Москвы? Чтобы искать подтверждения местным бредням? А поиском ученых вы, pardon, не хотите заняться?

– Сейчас вопросы задаю я. Прошу вас отвечать по сути, ведётся запись. Повторяю: с какой целью...

– С той целью, что я сам был среди этих этрускологов.

– Кто это может подтвердить?

– Не знаю. Мне кажется, этих людей должны именно вы найти. Но ни дежуривших в тот день портье, ни координатора Хачериди, судя по вашим вопросам, так и не нашли. А футболистов, оформлявшихся параллельно с нами, заставил молчать, по имеющимся у меня сведениям, присутствующий здесь господин Ротов.

– Позвольте! – запротестовал побагровевший капитан. – Кого это я заставлял молчать?

– А местного вратаря, молодого такого парня. Он стоял тогда рядом со мной у стойки. А теперь отказывается говорить, что видел, поскольку, по его словам, приходил капитан и сказал не сообщать никому ничего про вчера, а то будут неприятности. И быстренько убежал от меня.

На лице у Румянова проступила некоторая растерянность. Он переводил глаза с меня на Ротова.

– Так я и вам такое говорил: во избежание слухов не распространять до выяснения обстоятельств информацию! – воскликнул Ротов.

– Если так, то чего вы добились? Вратарь молчит, как рыба. А вам он сказал, кого видел на ресепшене?

– И он, и другие футболисты видели каких-то людей в холле, но не знают, кто они были.

– Ну один-то из них имеется! Устройте нам очную ставку! Покажите остальным фотографии учёных!

– Пока не могу: после домашнего матча они вылетели на игру в другой город.

– Вот так сразу? Не отдохнув и денёк?

– Их расписание составляю не я.

– Хорошо, но водителя автобуса, который привёз нас всех из аэропорта в «Аквариум», вы можете допросить?

Ротов насупился.

– Нет, не можем.

– Отчего же?

– Он вчера умер.

Несмотря на то, что я, как мне казалось, понял условный и необязательный характер реальности, в которой оказался, холодок ужаса пробежал по моей спине.

– Как – умер? – пролепетал я. – От чего?

– Тромб в голову отлетел.

Я не знал, что сказать, тупо уставившись на Ротова.

– И вам... это не кажется подозрительным?

– Выясняем, – скупое отозвался тот.

– Вернёмся, однако, к допросу, – откашлявшись, предложил Румянов. – Получается, что ваши слова о прибытии в «Аквариум» этрускологов некому подтвердить?

– Естественно, некому, если все свидетели умирают и исчезают. Причём в течение суток. Я не знаю, кто ещё мог их видеть. Опросите постояльцев отеля – благо их немного, а также людей, что работают напротив «Аквариума». Пятьдесят человек – это немало, кто-то ещё обязательно должен был нас видеть. А аэропорт? А списки пассажиров самолета? Неужели вместо того, чтобы искать пропавших ученых, вы намерены доказывать, что я их придумал?

– Свидетельств, что кто-то прилетел в Н. помимо вас, пока не обнаружено.

– Даже так?! А вы запрашивали авиакомпанию?

– Авиакомпания «Южный ветер», самолетом которой вы прилетели, вчера объявлена банкротом, – встрял молчавший до сего времени мужчина с седоватым бобриком. – Рейсы отменены, федералы ведут выемку документов, и доступа к ним, в том числе, и к спискам пассажиров, не имеется.

Я почувствовал, что ветерок ужаса, гулявший вдоль моей спины, пробирается внутрь – куда-то туда, где желудок и сердце. Обратное-то я тоже должен был лететь этим «Зюйтвиндом». Теперь мой билет недействителен. И я не знал, хватит ли мне денег улететь «Аэрофлотом» – билеты там были куда дороже. Конечно, есть ещё железная дорога, междугородний автобус – но здесь, как видно, прямых путей нет.

– Можно узнать, кто вы? – обратился я к седоватому.

– Да, подполковник Земский Николай Андреевич, замначальника ГУВД.

– О, тогда возникший у меня вопрос прямо по адресу. Допустим, это я придумал приезд к вам этрускологов. Тогда, может быть, и конференцию я придумал? И к вам никто не должен был прилететь?

– Должны, по нашим сведениям. Но, если все где-то исчезли – у гостиницы или в аэропорту, то почему вы не исчезли? – повторил Земский вчерашний вопрос Ротова.

– Ну, потому, наверное, что я их всех убил и в землю закопал.

– Осторожнее, – проворчал Румянов. – Не забывайте, что ведётся протокол. А в нём ваши шутки могут быть расценены как признание.

– О, я чувствую, вам это необходимо. Только с одним мной вы свою следственную кашу не сварите. Меня маловато будет.

– Мы вас пока ни в чём не обвиняем. Но ваше поведение в сложившейся ситуации кажется странноватым.

– Чем же?

– Явившись один на конференцию, вы дали журналистам длинное интервью.

– Не я им дал, а они у меня его взяли, узнав, что я делегат. Почему бы мне не ответить на вопросы прессы в ожидании остальных? Разве это криминал?

– Нет, не криминал. Но сегодня в газетах фигурирует лишь ваша фамилия и ваши гипотезы. – Румянов достал из портфеля стопку свежих газет, развернул одну.

«РАСШИФРОВАНА ДРЕВНЕЙШАЯ НАДПИСЬ», – прочитал я над своим фото. И подзаголовок: «Открытие конференции этрускологов задерживается, но одна сенсация уже состоялась». Ясно: это, наверняка, дело рук того интеллигента с галстуком, который попросил меня записать “Hktaonosi heloke...” и другие надписи.

– А вот еще. – Следователь показал заголовки других газет: «Подпоручик Кижэ и этруски: что общего?», «След этрусков на Карпатах», «Русы не пьют с хеттами», «Коренные русские слова – этрусские?». В общем, раздёргали всё на цитаты, что бы, как они говорят, активной «пипл хавал».

– И что? Для того, чтобы всё это появилось в газетах города Н., я устранил в одиночку сорок девять других ораторов?

– Мы этого не утверждаем. Но, если бы вы захотели сделать нечто подобное, вам бы потребовались сообщники.

– Вы серьёзно полагаете, что в Н. у меня могут быть сообщники?

– Нет, вы же не обвиняемый, а свидетель. Кстати, с кем вы вчера встречались в городе?

– То есть, кто кандидаты в сообщники? Извольте: это господин Здолбунович, председатель оргкомитета конференции, Ольга, секретарь ректора университета, фамилии которой я не знаю, доцент Колюбакин оттуда же и отец Константин из кафедрального собора.

– А что, если не секрет, вы хотели узнать у отца Константина?

– Часто ли в городе случается такая чертовщина, как с этрускологами.

Румянов покосился на своих коллег, а те на меня.

– А почему вам это кажется чертовщиной?

– Странно, что вам не кажется. Рациональных объяснений исчезновению учёных вы, как я понимаю, не имеете. Но ведь исчезли-то не только они. Почему-то исчезают, умирают или разбиты параличом все, кто имел непосредственное отношение к ним. Или, может быть, случайно именно вчера обанкротилась авиакомпания?

– Гм... это, по-вашему, вмешательство нечистой силы?

– Вот это я и хотел узнать у отца Константина.

– И что он вам сказал?

– Он не исключил такой возможности.

– А что вы делали вчера вечером на втором городском кладбище?

Ага, менты уже доложили. Мне не хотелось говорить Румянову про Лилу, но он, похоже, и так знает.

– Я думаю, вам всё сообщили полицейские.

– Они сообщили, что задержали вас по пути с кладбища. Но они не знают, что вы там делали.

Ах, они меня задержали! Какие бдительные! Ну, понятно, не скажут же они о предложенных услугах частного извоза. Получается, и поведанную мной историю о Лилу менты не пересказывали.

– Я посетил находящуюся на этом кладбище могилу известной теософки Анны Рудольфовны Минцловой. – Я внимательно посмотрел на Румянова и остальных, стараясь прочитать на лицах – знакомо ли им это имя.

Следователь слегка наморщил бугристый лоб: он, очевидно, не знал, ни кто такая Минцлова, ни значения слова «теософка», но уточнять не стал. Остальные тоже молчали. Что ж, может, хоть они – не «духи из болота».

– Позвольте задать свидетелю вопрос? – спросил Ротов.

– Прошу вас.

– А почему вы скрылись от выделенного мной сопровождающего?

Я изобразил удивление:

– Простите, вы мне сказали, что я его даже не увижу. А теперь получается, что я должен был следить, ходит ли он за мной. Но я, конечно, посматривал. Это не я от него скрывался, а он исчезал куда-то время от времени.

Ротов отвел глаза и недовольно прикусил ус.

– Разберёмся, – буркнул он.

Достанется теперь Грише на орехи! И поделом: приказали тебе следить, так следи, а не ходи обедать или пить пиво. А то припёрся к секретарше спрашивать, где я нахожусь! Телохрани-тель, называется!

– Капитан Ротов деликатно не упоминает о микрофоне с маячком, от которого вы избавились. Зачем вы это сделали? – поинтересовался Румянов. – Складывается впечатление, что вас не очень заботит своя безопасность и благополучный исход поисков.

– Ах, там ещё маячок был! А ведь я не давал согласия ни на жучок, ни на маячок. И не дам. В общем, я подарил эту божью коровку одной девочке, которая и сняла с меня её.

– Какую божью коровку? – не понял следователь.

– Ну, жучок-маячок этот был в виде божьей коровки. А дети обращают на такие вещи внимание.

– Правда, что ли? – повернулся Румянов к Ротову.

Тот развёл руками, натянуто улыбаясь.

– Кто же это у вас такой... сообразительный?

Капитан нахмурился и снова отвёл глаза.

– У товарища Лосева коричневый, даже красноватый пиджак, вот агент и посчитал, что устройство в виде божьей коровки будет на нём не слишком заметно.

– Ну да, до первой наблюдательной девочки. Впрочем, это ваше дело. А теперь, – обратился ко мне Румянов, – мне хотелось бы послушать вашу версию событий, начиная с прилета в Н.

Я рассказал ему то, что поведал вчера Ротову. Выслушав, следователь поинтересовался.

– Вы кому-нибудь еще сообщали, что делегаты якобы регистрировались в гостинице?

– Да, Здолбуновичу, – ответил я с заминкой. Отца Константина мне подводить не хотелось. Слишком много народу здесь исчезает. А то и умирает.

– У товарища Рождественского из министерства культуры, с которым мы прилетели из Москвы, – Румянов указал на доселе молчавшего, но внимательно слушавшего меня щекастого мужчину, похожего на бобра, – есть просьба к вам.

– Вы, безусловно, имеете право на свое видение случившегося, – откашлявшись, начал Рождественский. – Но только вы говорите, что этрускологи прибыли в отель, больше никто.

Скоро, очевидно, здесь появятся московские и иностранные журналисты. Мы были бы вам очень признательны, если бы вы не пересказывали им версию, что ученые исчезли здесь, в «Аквариуме». Тем более, как я понимаю, вы не знаете, где именно они исчезли, вы просто последний раз видели их здесь.

– Нет, – категорически отказался я. – Это страусиная политика. Вы просто боитесь признать серьезность проблемы. На день-два вы облегчите себе жизнь, а дальше? Зачем уводить людей с настоящего следа? Ведь сюда не только журналисты, но и родственники пропавших могут приехать. Вы об этом подумали? Кстати, – я повернулся к «силовикам», – а догадался ли кто-нибудь позвонить родственникам: может быть, они выходили с этрускологами на связь?

– Вы как-то пренебрежительно о нас судите, – пробормотал Земский. – Сразу видно – москвич. Конечно, звонили под разными предлогами, не имеющими отношения к произошедшему. Везде был ответ, что они улетели в Н., но на телефонные звонки не отвечают и сами не звонят. Никто пока по этому поводу особо не волнуется: думают, неполадки со связью.

– А вы и рады? Когда же вы собираетесь сказать родственникам правду? Впрочем, делайте, что хотите, а меня не втягивайте в эту сомнительную авантюру. Пусть органы, если не могут найти делегатов, ищут портье и Хачериди, а не занимаются ерундой.

– Что вы называете ерундой? – обиделся Румянов.

– Ну, ваше это расследование относительно меня, просьбы эти молчать о прибытии этрускологов в «Аквариум». Вас его хозяин из Минэкономразвития, что ли, надоумил?

– Мне неизвестно, кто хозяин отеля. А вам откуда известно?

– Мир слухом полнится. Хачериди о чем-то таком говорил по дороге из аэропорта.

– Всё же, Борис Сергеевич, в интересах следствия мы просим вас не разглашать информацию, которая, по вашим утверждениям, у вас имеется.

– Не дождётесь. Я понимаю, что местным властям, – я кивнул на Земского, – удобней считать, что учёные вообще не появлялись в городе. Но я не знаю, зачем это нужно вам, если на вас действительно не оказывает давление высокопоставленный хозяин отеля.

– Просто мы не можем брать за основу ваш «настоящий след», потому что в гостиничных документах зарегистрированы только вы. Что же, по-вашему, мы должны сказать общественности, что ученые растворились в холле «Аквариума»?

– А, очевидно, вам легче сказать, что они растворились где-то на просторах Руси между Москвой и Н.! Знаете что: я предлагаю удобный для всех выход. Говорите общественности, что хотите, а мне выдайте новый билет на самолёт, и я сегодня же улечу. Таким образом вы уберёте от журналистов и родственников источник нежелательной для вас информации. Допрашивать же меня можно и в Москве.

Команда дознания переглянулась, а потом все уставились на Румянова. Не исключено, что кому-то моё предложение показалось заманчивым. Несколько секунд они молчали. Наивно, конечно, было рассчитывать, что, продвинувшись в пространстве по своему зеркальному коридору до Москвы, я смогу покинуть его пределы во времени, но очень уж тяготило меня пребывание в Н.

– Видите ли, – наконец сказал Румянов, – вы не только свидетель, вы единственный из имеющихся в наличии участников конференции. Каким-то образом тайна их исчезновения связана с тем, что лично вы не исчезли. Каким, мы ещё не знаем, но вряд ли было бы разумно лишаться на этой стадии расследования ещё и вас.

– Понятно – я нужен вам для ловли на живца. С жучком и маячком. Однако я ни на что подобное не подписывался и сразу по истечении срока моей командировки уеду. Чтобы помешать мне, вам придётся меня арестовать. А чтобы арестовать, вам придётся предъявить обвинение. Надеюсь, ни один в мир судья не согласится, что я как-то причастен к пропаже такого количества людей. А если и согласится, то не думаю, что в местном СИЗО я окажусь вам нужнее, чем в Москве.

– И всё же сейчас вы нужны здесь. Будем надеяться, что это продлится недолго. Подпишите, пожалуйста, протокол: «С моих слов записано верно», на каждой странице.

Я подписал, лишь бегло просмотрев листки: какая разница, что написано в одном из пятидесяти таких протоколов? Где-то там, в зазеркалье, и Киров подобный подписывает или уже подписал.

– Что ж, Борис Сергеевич, до новых встреч, – сказал следователь, поднимаясь. – Но, прежде чем покинуть вас, снова попрошу, чтобы вы прислушались к словам товарища Рождественского. Ведь вы действительно *не видели*, что делегаты исчезли здесь, – вы, придя утром на завтрак, их здесь *не застали*. И вы ни на капельку не погрешите против истины, если не будете настаивать на том, что ученые зарегистрировались в «Аквариуме».

– Но они регистрировались.
– Однако всё же не сделали этого, если записей нет, не правда ли?

– Не знаю. Ищите портье, чтобы узнать причину отсутствия записей.

– Ищем. Но, пока не нашли, воздержитесь, пожалуйста, от распространения сведений, способных вызвать панику и нездоровый ажиотаж.

Я ничего не ответил. Плевать мне на ваш ажиотаж – что он значит в этом городе переселения душ? Румянов некоторое время смотрел мне в глаза, но я не отвёл свои. Явно недовольный мной, он повернулся и пошёл к выходу, остальные молча последовали за ним.

Я же направился к стойке с прессой напротив ресепшена, чтобы просмотреть газеты, которые мне показывал следователь. В сами статьи я вчитываться особенно не стал, чтобы лишний раз не раздражаться тем, как избирательным цитированием и варварскими сокращениями перевирают твои слова. Всё это делается авторами и редакторами одинаково – что в Москве, что в провинции. Меня интересовало, что написано об исчезновении этрускологов. Но, как и следовало ожидать – почти ничего. В основном, на разный лад муссировались слова «открытие конференции задерживается» из газеты, показанной Румяновым. «По причине организационных накладок первое заседание не состоялось...»; «Первый день вышел комом из-за того, что большинство участников не смогли прибыть к началу работы...»; «К организаторам конференции есть вопросы: они не сумели обеспечить своевременное присутствие всех делегатов...» и т. п. И ни полслова о том, где же, собственно, могут быть делегаты, если им куплены билеты до Н. на определённый день и час. Особенно мне понравилось это «большинство», тогда как «меньшинство», то есть я, составляло ровно 0,5 процента! Вот поэтому-то я терпеть не могу газет – ни бумажных, ни электронных. В ирреальном мире они оказались столь же неискренними и двусмысленными, как и в реальном.

Я поймал себя на мысли, что, определив свой нынешний мир как «ирреальный», я, однако, не вполне ощущаю соприкосновение его границ с реальным, который должен же находиться где-то. Допустим, он за пределами Н. Но встретился ведь здесь мне и нормально реагирующий человек – отец Константин. Он – часть реальности в моём «коридоре», или же тот границы церкви огибает, не в силах пройти по освящённому месту?

Я поднялся с дивана и подошёл к портье.

– Телефон в моём номере не работает.

– Понял, пошлю к вам нашего специалиста по связи.

– А могу я пока воспользоваться вашим телефоном?

– Да, конечно, вот он, на столике – специально для таких случаев.

Хороший сервис – учитывая, что я и по мобильному не могу никому дозвониться! Хотя не факт, что дозвонюсь и по этому. Однако после набора номера пошли длинные гудки, и голос отца Константина ответил:

– Слушаю!

– Батюшка, это Борис Лосев, который вчера подошёл к вам у церкви. Знаете, рассказанный вами сюжет из Белого получил совершенно неожиданное продолжение. Я бы хотел показать вам кое-что, если, конечно, у вас есть время.

– Я сейчас свободен, пожалуйста.

– А где мы можем встретиться?

– Да хоть в храме, я здесь, подходите.

– Тогда через полчаса.

Положив трубку, я некоторое время смотрел на неё. Если отец Константин существует в обычной реальности и отвечает мне по телефону, то, стало быть, и телефон реален? А почему тогда мой отключен? Нет, для меня всё это слишком сложно. Я вспомнил фильм аргентинских студентов «Мёбиус» о том, как в метро Буэнос-Айреса, после запуска кольцевой линии, исчез целый поезд в месте, где начинался один кольцевой маршрут и кончался другой. Топология пространства и времени искривилась при увеличении скорости состава в точке «нулевого» поворота – примерно так же, как изменяется поверхность перекрученной ленты Мёбиуса при соединении её концов. Реальность в такой непрерывной конфигурации не противоречит ирреальности – они переходят друг в друга на витке. С этой точки зрения Румянов и Рождественский, скажем, действительно могли прибыть из реальности Москвы в мою псевдореальность – просто они на одном витке, а я на другом. А всем этрускологам, включая меня, выпало оказаться в нулевой точке пространства-времени города переселения душ. Только эта лента, в отличие от ленты Мёбиуса, перекручена не один раз, а пятьдесят, и на каждом её витке – по этрускологу. Научная фантастика, словом! Я любил её читать в детстве, но ни тогда, ни позже не мечтал сам оказаться в ней.

Поздоровавшись с отцом Константином, я не стал ходить вокруг да около:

– Батюшка, моя просьба покажется вам странной, но я хотел бы, чтобы мы вместе поехали на второе городское кладбище. Поверьте, проще показать вам то, что я вчера увидел, чем рассказывать.

Священник был явно озадачен, но виду не подал, только поинтересовался:

– Вы вчера были на кладбище?

– Да, после встречи с вами.

– Что же, простите, привело вас туда?

– Не что, а кто. Встретил напротив университета секретаршу ректора, и она сказала, что хочет кое-что показать мне там – вроде, как я сейчас вам. Вы, кстати, с ней знакомы?

– Не имел удовольствия.

– Тем загадочней выглядит ситуация. Она как будто слышала наш с вами разговор.

– Даже так? Ну, а главное: ученые-то нашлись?

– По-прежнему нет.

– М-да... А то, что вы хотите мне показать, как-то связано с этим?

– Полагаю, да.

– Ну, тогда поехали, поглядим.

– Я поймаю такси.

– Не надо, я на машине.

Мы обошли храм, и отец Константин указал на стоящую во внутреннем дворе «ладу-весту»:

– Сюда.

В салоне пахло ладаном и восковыми свечами, а над лобовым стеклом разместился рядком иконостас в миниатюре – Спас в Силах, Божия Матерь, Николай Угодник, святые равноапостольные Константин и Елена. Только мы выехали за ворота, как за нами двинулась «реношка» с обычным парнем из «Аквариума» за рулём и другим мужчиной, мне неизвестным. Они «приклеились» ко мне сразу после того, как я сел в такси возле отеля. Статус наблюдения за мной был явно повышен: тут тебе и второй агент, и «тачка» нашлась. Я не стал говорить батюшке о «хвосте», чтобы он не нервничал.

– Может, всё-таки расскажете, зачем мы едем на кладбище? – спросил отец Константин, следя за дорогой. – А то невольно какие-то мысли о покойниках в голову лезут.

– Да ведь раз уж поехали, недолго ждать осталось. Потерпите уж, пожалуйста.

– Что ж, потерплю, Господь терпел и нам велел. А я читал в газетах о вас и об этрусках. Интересно. Вот вы там говорили, что этруски были родственны венетам и ретам. Но этруски, я слышал, верили в древнегреческих богов?

– Да, только называли их по-другому.

– А в кого верили венеты и реты?

– Ну, у них были свои боги – Великий Отец и Великая Мать. Называли их тоже по-разному: Велинь, Белин, Матрея, Рейтия. Всё зависело от племени. Реты и адриатические венеты предпочитали Рейтию. В сохранившихся надписях она упоминается чаще Белина. Кстати, слово Рейтия, или Реция, вполне может означать то же самое, что и Россия.

– Как это?

– Вам, наверное, известно, что европейцы в средневековье называли нас рутенами, а Русь – Ruthenia. Не исключено, что и римское Raetia, на самом деле, калька с венетско-этрусского Routia или Rousia, поскольку римлянам было свойственно превращать звук «с» в иностранных словах в «ц» или «т».

– Я примерно представляю, где жили этруски. А где жили венеты?

– На адриатическом побережье Балкан и северной Италии, а также в Норике, на территории современной Австрии.

– Ага. А Венеция, конечно, это от венетов?

– Конечно. И Вена тоже.

– Я вот более-менее понял из ваших интервью, чем язык ранних этрусков схож с русским. А что представлял собой венетский язык?

– Он был еще более схож. Возьмем стихотворную надпись на атестинской погребальной урне, нацарапанную латиницей: “V ougon taj o stinaj, V ougon taj tot i onaj”. Думаю, вы, зная церковнославянский, без труда переведете это.

– Ну, наверное, так: «В огне тай, о, стенай, В огне тай тот и оный».

– Почти так. «Тай» или «та» по-венетски будет «этот». «Стинай» же пишется через «и», а не через «е», как «стенай», и начинается «истлей». Получается: «В огне этом, о, истлей, В огне этом тот и оный». То есть, речь идёт о кремации покойников, которые, естественно, в огне не стенают. Но основной смысл вы сходу перевели верно. Нет, по-моему, никаких сомнений, что перед нами – праславянский язык, а не один из древнеиталий-

ских, как утверждают итальянцы, не умея при этом перевести ни этрусских, ни венецких надписей.

– Ладно, допустим, эти этруски, вены и реты – наши давние предки. Но почему у нас, в «Рутении», языческие боги назывались по-другому? Даже «России» не было!

– Думаю, именно потому, что реты, скажем, верили в Рейтию, а норрики – в Норейю, то есть олицетворяли богинь со своей землей или страной. А нет страны, то нет, получается, и божеств. Но, вообще-то, в языке следы доперуновых богов можно обнаружить – даже там, где не ждёшь. Откуда, по-вашему, слово «блин»? Оно с большой вероятностью восходит именно к богу Белину и означает ритуальное угощение, испеченное в форме солнца. Вообще, имя венецкого бога «Белин», «Белен» – исконно славянское, потому что происходит от древнейшего корня «бель» в значении «блестящий», «светлый». Старая праславянская форма этого имени – Белбог, Белобог. Распространенное мнение о том, что имена Белобог, Белин, Велинь почти не встречаются у восточных славян, неправильное, поскольку опирается на анализ только фольклорных источников, а не топонимов. Почему, скажем, Белая Русь – «белая», а не «зелёная», что больше бы соответствовало цветовой гамме этого края? Или возьмём древнее, ещё дохристианское название волынской столицы – Велинь. Скорее всего, оно имело прямое отношение к богу Белину-Велиню. Многие лингвисты, кстати, выводят известного нам Велеса именно из Велиня. Не будем забывать и о том, что имена одних и тех же богов у язычников всё время менялись. Этруского Зевса звали Тин или Дин, что означает «день», а День – это уже близко к Белобогу. Восточные славяне чаще называли Белобога древнейшим синонимом Доля, – и, соответственно, Чернобога – Недоля, Лихо.

– Ну да, не буди Лиха, пока оно тихо.

На этих его словах вдали зловеще замаячили ворота кладбища № 2.

– А вы знаете, как моя фамилия? – повернулся ко мне бабюшка. – Недолин.

Я захохотал – по свойственной мне нервной смешливости, но тут же осекся:

– Извините.

– Ничего, – улыбнулся отец Константин. – Не я же верил в Недолю, а какой-то мой дальний предок.

– Да ведь вера в Долю подразумевала и веру в Недолю. Жертвы, небось, приносились и тому, и другому.

– Ну, это уж как водится у язычников. Знаете, я всегда с недоверием относился к активным поискам наших корней в далёкой древности, а вот почитал, послушал вас и вижу – не так всё просто.

– Самое пикантное, что вовсе не мы начали поиски этих корней! Такова была европейская историография вплоть до появления «норманистов»! Помню, на одном «круглом столе» по истории немецкий профессор, злобный такой дяденька, говорит: «Вы фальсифицировали свою историю ещё в семнадцатом веке, когда архимандрит Иннокентий Гизель написал о могильнице Римской империи Одоакре: «князь некий славеноросский Одоацер»! Славеноросский! В пятом веке! Как вам это нравится?» «Позвольте, – возразил ему я, – Иннокентий Гизель всего лишь перевёл то, что написали *вь!*» «Как это?» «А кто выбил на плите: “*Odoacer rex rhtenorum*”, «Одоакр, царь рутенов», в древней пещерной церкви в Зальцбурге, на том месте, где Одоакр сбросил со скалы полсотни священников и монахов? Архимандрит Иннокентий? И разве мы писали, начиная с десятого века, что русы – потомки библейского народа росс? А теперь нам об этом и вспоминать нельзя?». Сразу заткнулся, побагровел, сидит, моргает.

– А кто это написал – о народе росс?

– Византийский хронист Лев Диакон в своей «Истории».

– Вы думаете, это правда?

– Не знаю, – но более поздние историки, например, немец Моземан-Фаброниус и курляндец Рейтенфельс, утверждали, что правда.

Батюшка припарковался у кладбищенских ворот, покачал головой.

– Наша история – это бездна. Лучше не заглядывать, а то голова закружится. Знаете, некоторые начитанные прихожане спрашивают у меня: батюшка, если, по Нестору-летописцу, пра-родителем славян является сын Ноя Иафет, то мы, получается, произошли от евреев? И смех, и грех. Я отвечаю: считайте, как хотите: в любом случае все произошли от Адама.

– Да, но ведь, согласно Библии, ещё не было ни евреев, ни других народов, когда родились Сим, Хам и Иафет, а был «на всей земле... один народ, и один у всех язык».

– Книга Бытие, глава одиннадцать, стих первый – шестой.

– Совершенно верно. Завидую такой памяти! Я ещё могу вспомнить цитату, а уж номер главы и стиха – дудки. Родоначальником евреев всегда считался праправнук Симеон Евер. «Сыны Еверовы» – сказано о евреях в той же Книге Бытие...

– Глава десятая, стих двадцать первый...

– ... а Евер появился на свет через несколько поколений после Иафета. Стало быть, евреи – отдельная ветвь потомков Ноя.

Мы вышли из машины. «Рено» остановился в метрах двадцати от нас. Я был рад, что отец Константин затеял этот разговор об этрусках и венецах, а не стал, например, спрашивать, что случилось со мной вчера, после нашего разговора. Лучше показать ему сначала могилу Минцловой, а потом поведать о Лилу и Кирове в зеркале.

Кладбище не казалось таким мрачным, как вчера в сумерках. В свежей, не запылённой ещё листве наперебой цвирикали птицы. На могильных цветниках сияли, как пасхальные яйца, красные, белые, жёлтые головки тюльпанов. Золотой купол часовни весело блистал в омытой солнцем синеве. Над ротондой здания слева от ворот столь же весело, белыми буквами по синему, входящих приветствовала вывеска «Колумбарий», которую вчера я не заметил впотьмах.

– «В огне этом, о, истлей, В огне этом тот и оный», – саркастически процитировал священник, отвернулся от колумбария и положил поклон на часовенный крест. – Христос пришёл в мир более двух тысяч лет назад, а язычников, похоже, меньше не стало. Куда дальше? Имейте ввиду, что мне здесь находиться долго нежелательно, а то батюшка, что служит панихиды в этой часовне, подумает, что я пришёл у него хлеб отбивать.

– Как-то у вас всё непросто.

– Зато у вас всё просто: чтобы здесь похоронить кого-то, нужно выложить целое состояние. Помереть выходит дороже, чем жить. Вот люди и жгут своих близких.

– Собственно, мы пришли, вот нужная нам могила. Почитайте, что написано на плите, – я указал подрагивающим перстом на надгробье Минцловой.

Отец Константин подошёл и прочитал:

– «Минская Анна Родионовна». А кто это? Да упокоится с миром, если крещёная.

– Какая Минская? Минцова Анна Рудольфовна! – Я подошёл ближе и прочитал на плите вслед за батюшкой: «Минская Анна Родионовна. 1865 – 1942». – Позвольте, как же это?.. – Я был совершенно ошеломлён.

– Минцова? Это та, о которой я вчера рассказывал? С чего вы взяли, что она здесь похоронена?

– Я прочитал вчера на плите, – упавшим голосом сказал я. – Правда, было уже темновато...

– А кто вам сказал, что это её могила? Та женщина, с которой вы приехали?

– Нет, она хотела показать мне нечто, связанное, как я понял, с загадкой исчезновения этрускологов. Но не сообщила, что. А когда я вышел из её машины, она вдруг развернулась и уехала. Я пошёл сюда и...

Я чувствовал, что объясняюсь на манер булгаковского Бездомного в психбольнице и понимал, что отец Константин имеет все основания считать точно так же. Но он, к моему удивлению, сделал другой вывод:

– Очень похоже на бесовское наваждение. Это они так с нами играют. Я-то уж знаю, слышался подобных вещей на исповеди. – Он задумался. – Тут важно понять, что лукавому нужно от всех вас. Он ведь не просто так цепляется, а за какое-то ваше слабое место.

Тем временем в воротах замаячили Набыченный и его напарник – высокий худой мужчина в солнцезащитных очках. Бросив на нас быстрые взгляды, они с таким деланным вниманием стали изучать прейскурант колумбария, будто подумывали стать его клиентами.

– Батюшка, давайте поговорим в машине, – шепнул я. – Вон те двое – посмотрите, пожалуйста, не оборачиваясь, – из ФСБ, следят за мной от самой гостиницы. Думаю, не нужно им слышать, о чём мы говорим.

– Вот как? Да они, небось, давно прицепили вам «жучка», – тоже шепотом, покосившись на агентов, предположил отец Константин.

– Прицепили, конечно, да я отцепил.

– О, я вижу, вас голыми руками не возьмёшь.

Мы вернулись к «ладе». В воротах я оглянулся на «хвост»: Худой снимал на смартфон надгробную плиту г-жи Минской, а Набыченный что-то высматривал внизу – наверное, на предмет тайника. Прежде чем сесть в машину, я обошёл её кругом, внимательно исследовав окна: именно на них, я слышал, крепят «жучки» в расчете на голосовую вибрацию внутри салона. И точно – в уголке лобового стекла скромно пристроился зеленый древесный клоп. Я снял его, на что он, обычно лёгкий на подъём, совершенно не отреагировал, зато в пузе замигало оранжевым. Я осмотрелся и посадил железного клопа на пятнистый ствол платана у ворот.

– Неужели снова «жучок»? – нахмурился батюшка, когда я сел к нему.

– Да, теперь в виде древесного клопа. Прошлый раз была божья коровка. Видимо, у них на вооружении сейчас энтомологическая серия.

Агенты, между тем, боясь нас потерять, быстрым шагом вышли из ворот и поспешили мимо к своей «реношке».

– А у вас что – есть опыт обнаружения этих устройств? – с подозрением посмотрел на меня священник.

– Никакого, я даже раньше никогда их не видел. Просто первый «жучок» они прицепили неудачно, и я стал бдительней.

– Когда же они его сюда присобачили?

– Как когда? Когда мы вышли из машины и пошли на кладбище.

– Думаете, не раньше?

– Теоретически могли и раньше: я же звонил вам, договаривался о встрече. Только откуда им знать, что мы поедем на вашей машине? А потом, даже если и раньше, что они слышали? Учёный разговор об этрусках и венетах? На здоровье.

– Да, но всё же неприятно... Следующий раз засунут в такое место, что нипочём не догадаешься.

– Увы, нельзя исключить такого. Простите великодушно, что я втянул вас во всё это...

– Бог простит, и я прощаю. Куда мы теперь?

– Поехали, не торопясь, обратно, поговорим по пути. Вы меня очень укрепили тем, что не посчитали сумасшедшим после истории с мнимой Минцловой, поэтому я без боязни расскажу вам, что со мной случилось вчера, начиная со встречи в городе с этой странной женщиной – секретаршей ректора.

И я всё рассказал, упомянув и свои научно-фантастические соображения о пятидесяти витках пространства-времени по Мёбиусу. Напрасно, наверное.

Выслушав, отец Константин некоторое время молчал, сосредоточившись на дороге.

– Вы считаете, всё это мои галлюцинации? – осторожно спросил я.

– Галлюцинации тоже не бывают ни с того ни с сего. Как и в случае с Минцловой. Ведь до этого мы о ней говорили. А скажите, не увлекались ли вы в детстве или отрочестве гаданием в зеркалах?

– Со свечкой, что ли? Пару раз было, как и у всех, наверное. «Раз в Крещенский вечерок...» и так далее. Но чтобы увлекать-

ся – нет. Это ведь девчоночья забава. Девчонки меня на неё и подбивали.

– А что подразумевал этот ваш Киров, когда говорил о культуре зеркал у этрусков?

– О, они были непревзойденные мастера изготовления зеркал из бронзы, наверное, первые в античном мире. Но использовали ли они их в гаданиях, я не знаю. Сцены ворожбы на зеркалах имеются, с обратной стороны. А вообще, этруски гадали по полёту птиц, по печени животных, по ударам молний. Увлекались они этим делом сильно. В переведённой Гриневичем этрусской надписи на камне из города Перуджа есть такие слова: «Ворожат, яростно воя, до изнурения. Дивно: имея природное богатство, возле бездны толкутся в сущей рже её и погибают напрасно».

– Неплохо сказано.

– Переводы Гриневича много критикуют, но этот верен по сути: даже древние греки с их культом прорицаний ворожили меньше, чем этруски.

– Я вас не случайно расспрашивал об их вере. Какая-то есть связь между ней, гаданиями этими и тем, что произошло. Вот ваш коллега из зеркала интересно сказал: «Мы заразились от них». Что бы это значило? Вы просто подцепили некий нездоровый этрусский дух? Тогда все должны хворать, кто изучает язычников древности. Но вы говорите, что среди ведунов этруски были самые отъявленные ведуны. А что такое ведовство? Это, как правило, не только попытка узнать будущее, но и повлиять на него с помощью потусторонних сил.

– Вы хотите сказать, что нам аукнулись этрусские гадания?

– Очень может быть.

– А почему – нам, мы же не этруски?

Батюшка засмеялся:

– Разве? Если верить вашему интервью, не исключено, что мы их потомки. Мы, когда докапываемся до разных древних корней, забываем о том, что они языческие.

– Да ведь те, кто гадал, давно уже померли!

– Они-то померли, а как быть с их ворожбой? Это ведь духовное действие, а не физическое. Исчезают ли в духовном мире заговоры, заклинания, проклятья? Или кружат чёрными тенями где-то в безвоздушном эфире над преисподней, пока кто-то ненароком не вызовет их на себя, заговорив об этрусских гаданиях? Вот вы приводили разные надписи – а я, дурак, их повторял, – а вы уверены, что это не заклинания? «Огонь» этот или «Подземный ад», прости, Господи?

– То есть, вы полагаете, что исчезли те, кто оказался в зоне действия этрусской магии? Иными словами, активировали её из пассивного состояния?

– Не полагаю, а предполагаю. Что я, простой смертный, могу полагать о потустороннем мире? Но я всё думаю о том, за какое именно слабое место зацепил вас и ваших коллег диавол. Не отдельно каждого, а вообще. Слабость у всех вас одна: желание узнать о тайнах этрусков больше, чем известно сегодня.

– Допустим. И что же делать?

– Лично вам – причаститься Святых Таин. Другой духовной защиты, помимо молитвы, не знаю. Поедем сейчас в храм, я вас исповедую и причащу запасными Дарами.

– Да ведь я позавтракал! Не говоря уже о том, что не готовился...

– Боюсь, готовиться у вас времени здесь не будет. Ну, а завтрак... Возьму на себя смелость отпустить вам этот грех. Вы, почитай, как на войне. Духовная брань – та же война. Вы кресто на себе имеете?

– Имею.

– Ну, и хорошо.

* * *

В пустом гулком храме, у аналая в боковом приделе, я исповедался отцу Константину, а потом он причастил меня.

– Вот вам молитва против бесов «Да воскреснет Бог...», – сказал он мне, протягивая листок. – Читайте её всякий раз, как почувствуете искушение или опасность. А я буду молиться за вас. Если потребуется помощь, приходите, звоните. Сделаю всё, что смогу.

– Спасибо, батюшка.

Причастие и впрямь придало мне душевных сил. Я шёл по улице, не испытывая вчерашней подавленности, а, напротив, ощущая стремление что-то изменить, исправить, хотя по-прежнему не понимал, что. Давешний «хвост» всё тянулся за мной, на что я уже не обращал внимания.

Но в проклятом «Аквариуме» мой подъём стал улетучиваться. Начать с того, что теперь двое полицейских проверяли документы у входа в отель, а прямо за дверями была установлена рамка металлоискателя. Характерные типы в штатском торчали у стойки, лифтов и пожарной лестницы. Пройдя через все эти фильтры, до лифта я добрался лишь

минут через пять, а в лифте обнаружился еще один мордочорот. Как всё это могло способствовать поиску этрускологов, я не понимал. Да и никто, наверное, не понимал: просто власть по привычке изображала кипучую деятельность там, где её уже не требовалось.

В номере меня ждала новая неприятность. В мое отсутствие его хорошенечко обшмонали: все вещи были не на тех местах, куда я их накануне положил, а кровать заправляла явно не горничная. С отвращением я заглянул в перерытый чужими лапами чемодан. Господи, зачем это? Что они могли найти здесь полезного для себя? План подземелья, в которое я отвёл делегатов, как Гамельнский крысолов? Или что? Я прошёлся по номеру. Теперь-то наверняка меня не только слушают, но и снимают, а камеры и «жучки» на этот раз хорошо замаскированы. Находиться мне здесь было противно. Пойду в библиотеку, где мне, собственно, и положено быть как делегату, решил я, почитаю там что-нибудь, потом пообедаю, а потом как бог даст. В номер вернусь только ночевать.

Однако, когда я направлялся к лифту, меня остановил Набыченный, сидевший, как и давеча, в лобби на диванчике.

– Гражданин Лосев, в интересах следственных мероприятий вы не должны покидать отель, – зло сообщил он. Вероятно, переживал потерю второго уже микрофончика. Они ведь, небось, расписываются в ведомости, получая на руки этот реквизит. И я уже, что характерно, «гражданин»! Ну, естественно, никого кроме меня у них в этом деле до сих пор нет, так что будут пресовать по полной. Скоро и в камеру с уголовниками посадят.

– А у вас что – есть постановление о моём домашнем аресте? – вежливо осведомился я.

– А вы не под арестом. Но, если вы не хотите под него попасть, то должны сотрудничать со следствием в качестве свидетеля. Мы не можем гоняться за вами по всему городу, когда вы нам срочно понадобится.

– И что же: я должен сидеть в этом непроветриваемом номере, и даже не могу спуститься в бар? А как мне обедать?

– В бар, ресторан – можете, и даже во внутреннем саду погулять, но под нашим наблюдением.

– Вот спасибо, уважили! А скажите: если у вас нет ордера на меня, то на основании чего вы произвели обыск в номере?

– Я ничего не производил.

Возразить мне было нечего – ведь он и впрямь таскался за мной в собор, а потом на кладбище.

Я пошёл дальше. Мне не нужен был ни бар, ни бамбуковая роща в саду камней, но я не знал, куда ещё деваться. Набыченный, между тем, кого-то вызывал по рации: докладывал, очевидно, что я иду.

И тут произошло нечто похожее на вчерашнее. Зеркало в лифтовом фойе не отразило ничего, когда я миновал его. Я кинулся к нему. Там, в глубине, не было ни Кирова, ни вообще никого – то же самое фойе, только без меня. Поверхность зеркала как бы слегка ходила волнами. Сердце забилося чаще. А ну как я смогу пройти на этот раз? Собственно, есть ли у меня другой шанс что-то изменить, не попытавшись попасть в один из соседних миров? Этот-то ведь тоже ненастоящий, для меня, по крайней мере, но я тут один, а там хоть есть Киров. Здесь меня скоро посадят под замок, лишив всяких шансов вернуться в подлинную реальность, а там я буду *нашедшимся* делегатом. Но всё равно страшновато. Я вынул из кармана листок отца Константина и стал шёпотом читать:

– Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его...

В коридоре послышались шаги. Наверное, Набыченный идёт – посмотреть, поехал ли я вниз. Я ткнул пальцем в зеркало, и он провалился в пустоту. Путь свободен! Я занёс ногу и без препятствий перешагнул раму. Теперь одна моя половина стояла на земле, а другая пребывала в каком-то космосе. Или на том свете. Шаги приблизились к фойе, ручка двери пошла вниз... Я перекинул в зазеркалье и другую ногу. Ничего не произошло. Я стоял в точно таком же лифтовом фойе, какое только что покинул. Оглянувшись посмотреть, чьи же это были шаги в коридоре, я увидел только свою растерянную физиономию в зеркале. Портал уже затянуло амальгамой. И теперь бесполезно размышлять: зря, не зря. Нужно принимать то, что есть.

Однако куда же мне теперь? На лифте вниз или обратно в номер? Если *здесь* он мой. Впрочем, можно проверить. Я шагнул в коридор и оторопел. Никакого коридора не было. Я стоял в огромном, светлом, теряющемся над головой зале, сплошь увешанном зеркальными рамами разных форм. Точнее, трудно было сказать, что они на чём-то висели, ибо стен как таковых тоже не было. Рамы выступали из светящейся пустоты, напоминая аквариумы с электрической подсветкой. Из ближайшего ко мне зеркала доносился шум разговора, звенели бокалы. Я подошёл, отметив про себя, что пол или некая твердь имелись. В зеркале показывали цветное кино: раззолоченный кремлёв-

ский зал, длинный стол под белоснежной скатертью, сияющий хрусталём и фарфором, и заставленный обильными угощениями, а за столом – Сталин, Молотов, Ворошилов, Микоян, Каганович, Берия и ещё какие-то деятели. Что это – «Пирсы Валтасара» Искандера? Мои ноздри защекотали запахи вкуснейшей еды. Осетрина, жареный молочный поросёнок, шашлык, цыплята табака... Обонятельное кино, 10 или сколько там D? Или это не кино?

Сталин, между тем, разгладив большим и указательным пальцем усы, обратился к своему соседу, курносому улыбочивому мужчине лет сорока с зачесанными назад жидкими волосами.

– Каковы происхождение и язык вашего народа? И не близок ли ваш народ с басками? Не верю, чтобы албанский народ был выходцем из Центральной Азии; он и не турецкого происхождения, ведь албанцы древнее турок. Быть может, у вашего народа общие корни с теми этрусками, которые остались в ваших горах, потому что другие, которые уехали в Италию, частично были ассимилированы римлянами, а частично перебрались на Иберийский полуостров?

И здесь – этруски! Я наострил уши.

Курносый подождал, когда сидящий рядом толмач переведёт слова Сталина, и ответил – через своего переводчика:

– Происхождение нашего народа, товарищ Сталин, очень древнее, а язык его – индоевропейский. Имеется много теорий об этом вопросе, однако правда такова, что мы исходим от иллирийцев. Мы – народ иллирийского происхождения. Имеется ещё теория, выдвигающая положение о том, что албанский народ является самым древним народом Балкан и что древними, догомеровскими предками албанцев являются пеласги. Теория о пеласагах развивалась многими учёными, особенно немецкими. Они ссылаются на некоторые слова, употреблённые в «Илиаде» и «Одиссее», и употребляемые и поныне албанским народом, как, например, слово «гур», что по-русски означает «камень». Гомер это слово ставит перед греческим словом и говорит «гури-петра». Значит, можно предположить, что нашими древними предками были пеласги, которые еще до греков заселяли Балканский полуостров. Во всяком случае, товарищ Сталин, я не слыхал, чтобы албанцы были одного и того же происхождения с басками. Может, существует и такая теория, наподобие той, о которой вы говорили, что часть этрусков осталась в Албании, другая переселилась в Италию, а третья оттуда

перебралась на Иберийский полуостров, в Испанию. Быть может, у этой теории также есть свои сторонники, однако я не в курсе нее.

Я понял, кто этот улыбчивый мужчина – знаменитый Энвер Ходжа, вождь албанских коммунистов. Значит, они ещё при Сталине активно продвигали свою «иллирийскую теорию»! И «пеласгийскую», оказывается, тоже! Что характерно: доказательств обеих теорий с тех пор имеется ровно столько же, сколько в словах Ходжи, человека с неоконченным высшим образованием, но об «иллирийской» теперь на Западе размышляют, как о чем-то вполне допустимом. А вот праславянская теория происхождения венетов и этрусков, хоть и разработана куда более основательно и подкреплена лингвистическими исследованиями, сходу отвергается как «ненаучная». Всё это я отметил чисто автоматически, по привычке, не вспомнив о том, где я нахожусь и что люди, которых я вижу, давно лежат в могиле.

– У нас на Кавказе, в Азербайджане, имеется местность, которая называется Албания, – сказал Сталин. – Имеет ли это отношение к вашей Албании?

– Я этого не знаю, товарищ Сталин. Но это факт, что многие албанцы в течение веков, вследствие жестокого оттоманского ига, войн и походов османских султанов и падишахов, часто были вынуждены покинуть свои родные края и переселиться на чужбину, образуя целые деревни – в Южной Италии, Греции, Турции, Румынии, Болгарии, Америке. Однако о вашей местности, которая называется «Албания», ничего конкретного не знаю.

– Сейчас выясним.

Сталин нажал кнопку в столешнице, и в зал вошёл высокий подтянутый генерал.

– Мы с товарищем Энвером Ходжа бьёмся решить задачу, но не можем её решить, – улыбаясь, обратился Сталин к генералу. – Свяжись, пожалуйста, с профессором Державиным и спроси его от меня, имеется ли какая-нибудь связь между кавказскими албанцами и Албанией.

– Слушаюсь, товарищ Сталин. – Не выказав никакого удивления поручению, генерал щёлкнул каблуками и бесшумно удалился.

Сталин, между тем, взял из вазы апельсин, высоко поднял его и сказал Ходже:

– По-русски называется – «апельсин». А по-албански?

– Портокал, – сразу, не дожидаясь перевода, ответил Ходжа.

Сталин засмеялся. Жёлтые глаза его стали хитрыми.

– И по-грузински, товарищ Ходжа – «портокал»! Точнее, «портокали»! – Он был явно доволен собой, что так угадал с апельсином. – Анастас Иванович, – повернулся Сталин к Микояну, – ты знаешь азербайджанский. Как у них называют апельсин?

Микоян поднял свой длинный нос от тарелки.

– Портагал. А турки – портакал.

Тут удивился уже Сталин:

– У всех – «портокал»?! Еще три народа называют так апельсин, и все они живут на Кавказе! Это что – турецкое влияние или и впрямь близость языков? А как, товарищ Ходжа, по-албански звучит «народ»?

– Ньерёзит.

– А «человек»?

– Персонин.

– Чем-то итальянским отдаёт, – заметил Сталин.

– Ещё у нас говорят: «нё ньери».

– А как «хлеб»?

– Бука.

– Почти что булка. А «жена»?

– Груа.

– А «муж»?

– Бурри.

Микоян пошевелил щёткой чаплинских усов:

– По-азербайджански «муж» будет – «бир-эр».

– Похоже, – кивнул Сталин.

– А «земля»? – продолжал допытываться он.

– Токэ.

– А у нас говорят «ток» про место, куда свозят скирды жита, а потом обмолачивают, – заметил седой, с коротко подстриженными висками Ворошилов.

– Тоже ведь земля, – согласился вождь. – А «дар»?

– Пешкеш.

– Нет, – покачал головой Сталин. – Нет! «Пешкеш» – это не по-албански, а по-турецки! – Он снова засмеялся, широко раздвинув улыбкой усы. – Кажется, товарищ Энвер, всё же не исключена связь между кавказскими албанцами и вами! Но вот какая – вопрос!

Тут снова вошел генерал, отправленный звонить профессору Державину.

– Разрешите доложить, товарищ Сталин? Я получил ответ от профессора. Он сказал, что нет каких-либо данных, которые

говорили бы о связях между кавказскими албанцами и Албанией. Но, добавил он, на Украине, в Одесской области, имеется несколько деревень, около семи, заселённых албанцами. Об этом у профессора точные данные.

Для Ходжи, только что благополучно отделавшегося от неведомых и совершенно ненужных ему азербайджанских сородичей, обнаружение новых земляков на Одесчине явно стало неожиданностью. Поначалу он, видимо, не знал, что сказать по этому поводу, а потом нашёлся:

– Здесь присутствует наш посол, и я, товарищи, не откладывая, поручаю ему позаботиться о том, чтобы те из наших студентов, которые учатся в Советском Союзе на историков, проводили практику в этих деревнях и изучили, как и когда эти албанцы переехали в Одессу, сохраняют ли они язык и обычаи своих предков, и так далее.

Сталин едва заметно шевельнул бровью, опустил глаза. Вероятно, у него были несколько иные взгляды на свободное перемещение иностранных студентов по стране, да ещё без его санкции. Однако возражать он не стал:

– Очень хорошо. Пусть ваши студенты проведут практику там, причём вместе с нашими. Не возражаете?

– Что вы, что вы, товарищ Сталин! Албанские студенты будут счастливы!

Сталин вытащил трубку и набил её табаком из лежавшей перед ним коробки папирос «Казбек». Он отрывал от папиросы длинный полый мундштук, а гильзу перетирал между пальцами, ссылая в трубку желтоватые волокна.

– Ученым предстоит ещё выяснить историю происхождения албанцев, – закурив, объявил он. – Вы особый народ, как и персы, и арабы, у которых одинаковая с турками религия. Но ваши предки, по-видимому, существовали еще до римлян и турок. Вопрос о религии не имеет отношения к национальности и подданству. Скажите, а каков национальный состав албанского народа? Имеются ли сербские и хорватские меньшинства в Албании?

– Подавляющее большинство нашего народа, – сообщил Ходжа, – составляют албанцы, но имеется и греческое национальное меньшинство, приблизительно двадцать восемь тысяч человек, и совсем мало македонцев, всего пять небольших деревень, а сербов и хорват нет.

– Но албанцы живут, насколько я знаю, в Сербии и Хорватии?

– Больше всего их в Косово, около миллиона. Однако Косово и другие заселённые албанцами края Югославии – это албанские земли, которые великие державы несправедливо отняли у Албании; они принадлежат Албании и должны быть нам возвращены. Теперь, когда и мы, и Югославия – социалистические страны, существуют условия для правильного разрешения этого вопроса. Я говорил об этом Тито при встрече, и он ответил: «Я согласен, мы этого хотим, но до поры до времени ничего не можем сделать, ибо сербам это трудно понять». «Если они не понимают этого сегодня, – сказал я, – то они должны понять завтра».

«Вот и причина проталкивания «иллирийской теории» происхождения албанцев! – усмехнулся я. – Дескать, мы здесь жили ещё задолго до вас, а значит, это наша земля!»

Выслушав, Сталин внимательно посмотрел на Ходжу.

– Мы марксисты-ленинцы, товарищ Энвер, и никак не должны вмешиваться во внутренние дела Югославии. Это было бы не по-марксистски. Вопрос этот следует рассмотреть югославским коммунистам и югославскому народу; им решать дела сегодняшнего и будущего своей страны. В этих же рамках рассматриваю я и вопрос Косово, как и остального проживающего в Югославии албанского населения. Мы ни в коем случае не должны дать повод обвинять нас в том, будто мы стремимся к распаду Югославской федерации. Это щекотливый момент, и к нему нужно подойти очень осторожно.

– Да, товарищ Сталин, – согласился Ходжа, но уже без привычной своей улыбки. – Однако мы, со своей стороны, никак не вмешиваясь во внутренние дела Югославии, никогда не перестанем поддерживать права своих кровных братьев, проживающих там.

– Это ваше право. Но – в рамках существующего между нашими партиями и странами пролетарского интернационализма.

«Если Сталин говорит «наши партии» и не ругает Тито, – отметил я, – значит, это всё происходит до разрыва отношений в 1948 году».

Ходжа выглядел несколько разочарованным: вероятно, ожидал от Сталина бóльшей поддержки своей позиции по Косово. Сталин слегка улыбнулся в усы и поменял тему:

– Сколько вероисповеданий в Албании? – поинтересовался он. – И на каких языках у вас говорят?

– В Албании три вероисповедания – мусульманское, православное и католическое. Все верующие принадлежат к одной

нации – албанской, поэтому и единственный язык, на котором у нас говорят – албанский, за исключением греческого, на котором говорят их национальное меньшинство.

Сталин поглядел на стоявшее перед ним блюдо с молочным поросёнком и задал неожиданный вопрос:

– Вы, товарищ Энвер, кушаете свинину?

– Да, – несколько замямвшись, ответил удивлённый Ходжа.

– Мусульманская религия запрещает это своим верующим, – сказал Сталин таким тоном, как будто Ходжа этого не знал. – Старинный обычай, который отжил свой век. Тем не менее, надо иметь ввиду вопрос о вероисповедании и вести себя очень осмотрительно, ведь нельзя пренебрегать религиозными чувствами народа. Эти чувства насаждались веками среди людей, так что нужно действовать очень трезво, ибо отношение к этому вопросу важно для сплочённости и единства народа.

Сталин оглядел собравшихся и, сверкнув золотом широких генералиссимусских погон, поднялся с фужером вина в руке:

– Предлагаю тост за героический албанский народ! За доблестные Албанскую и Советскую армии! Передайте, товарищ Ходжа, мой сердечный привет героическому албанскому народу, которому желаю успехов!

Под высокими сводами зазвенел содвинутый хрусталь, а Ворошилов воскликнул: «Ура!»

– А теперь, товарищи, – сказал Сталин, – приглашаю вас пойти в кино. Сегодня нам покажут художественную картину «Богатая невеста». Я попросил также подготовить для вас несколько цветных документальных фильмов о жизни в Советском Союзе.

Загremели стулья, народ стал подниматься. В это время я поймал на себе змеиный взгляд зобастого Берии. Я вспомнил, что стою в раме зеркала, которое, как и давешнее зеркало в фойе, ничего не отражает, зато я в нём виден, как если бы стоял у простого окна. Узрели же мы друг друга с Кировым. Берия, поблёскивая очками, посмотрел направо и налево от себя – ища, видимо, странно одетого человека, отразившегося в зеркале. «Нет, – сказал я себе, – если я не хотел связываться с господином Румяновым в покинутой реальности, то тем более не хочу связываться с товарищем Берией в этой», – и отступил за пределы рамы.

Снова надо мной распахнулись своды висящего в пустоте зала. В каждом зеркале, как на экранах телевизоров в магазине электроники, мелькало какое-то движение, цветная чехарда. Я

понимал уже, что могу войти в любое, но не знал, зачем мне это нужно. В нерешительности я подошёл к «окну» по соседству с кремлёвским и увидел длинный узкий коридор, по которому уходили от меня люди с сумками и портфелями. Стенки коридора были из стекла, я пригляделся: там самолёты... лётное поле, окаймлённое взвихренными южными тополями... Ага, это труба-гармошка, по которой идут из аэропорта в самолёт, а аэропорт, судя по тополям и невеликим размерам взлётного поля, – Н-ский, на который я прилетел три дня назад. А какой, интересно, это рейс и куда он прибывает? Может, московский? Вдруг в кадр всплыла сутуловатая спина Кирова. Так это что – этрускологи? Точно – этрускологи! Вот дама, из МГУ, кажется, сидевшая позади меня в автобусе в день прилёта. Вот делегат-итальянец в отличном костюме в полоску. Этот коридор, надо полагать – окно в ту реальность, где конференция уже закончилась и никто не исчезал. То, что мне надо! «Ни в одном из этих зеркал нет того, чего тебе надо», – сказал кто-то внутри меня голосом доцента Колюбакина. «Да, – ответил ему я, – но я же зашёл в это зазеркалье, и было бы странно в нём просто зависнуть. Тогда нужно возвращаться назад, а что там меня ждёт? И насколько эта реальность ирреальнее той, в которой я оказался в «Аквариуме?»» В «рамку» вошли двое мужчин, которые вспоминали о банкете: «... А после банкета меня ещё позвали в ресторан, мы там хорошо добавили, и сегодня, сами понимаете...» – донеслось до меня. Банкет! Точно, конференция у них там прошла! Они возвращаются в Москву! И я могу к ним присоединиться! А посадочный талон? Но ведь здесь, в «гармошке», он уже не нужен, стюардессы на него смотрят только затем, чтобы направить пассажира на его место. Разве можно не использовать такую возможность? Ведь, если бы «окно» находилось перед стойкой проверки билетов, в «накопителе», тогда бы ты ни за что не прошёл! А оно находится за стойкой! Это ли не знак? Вперёд!

И я вошёл в «трубу». В этот раз я даже ничего не перешагивал: когда я приблизился к «зеркалу» вплотную, оно разом словно всосало меня в себя, как мы пьём кисель, только что не чавкнуло. Один миг – и я уже шёл со всеми по «гармошке». Впереди зияла распахнутая дверь «эйрбаса». “Southwind Airlines” – было написано на ней. Понятно, здесь ещё «Зюйтвинд» не обанкротился. А вдруг не будет свободных мест? Да нет, на таких рейсах всегда бывают, сезон отпусков ещё не наступил. Во всяком случае, когда летели в Н., пустые кресла сзади имелись. Вот туда-то,

назад, я и пойду. «Мне в конец», – улыбнулся я стоявшей в тамбуре стюардессе, и та согласно кивнула. Я медленно двинулся по проходу, пережидая, когда пассажиры впереди устроят свою ручную кладь.

– Борис! – вдруг окликнули меня слева.

Я повернулся на голос – это был Киров, уже сидящий в среднем кресле. Вид он имел не очень весёлый – как и во время первого полета.

– А мы вас потеряли! Думали уже, без вас полетим! Вас объявляли по трансляции в аэропорту! Куда вы исчезли после своего доклада?

Я остановился, озадаченный. Вот как? Значит, есть и такой вариант, где исчез только я? Сколько же их, этих вариантов?

– Я не исчезал, – наконец, ответил я, – просто решил всё-таки посмотреть город, немного заплутал.

– А почему же ваш телефон молчал?

«Потому что в этом лабиринте нечистая сила не обеспечила ещё мобильную связь», – подмывало меня сказать, но я лишь пожал плечами:

– Наверное, батарейка села.

– Уважаемый, вы будете проходить? – толкнул меня сзади чемоданчиком мужчина, опознанный мной как этрусколог. – Из-за вас вылет чуть не задержали, а теперь вы в проходе стоите.

– Да-да, извините. – Я двинулся дальше.

– А не хотите рядом со мной? – предложил вслед мне Киров. – Какое у вас место? Можем попросить поменяться.

– Да ничего, не беспокойтесь, посижу на своём, – буркнул я, ускорившись. Покорнейше благодарю, держать тебя весь полёт за потную руку! А потом – как меняться, если нет посадочного талона с местом? То есть, место-то, наверное, для меня забронировано, но вот где оно?

В последнем ряду, справа, аккуратно у туалета, имелись только два кресла и оба пустые. Там-то я и устроился, у окошка. «Будут выгонять, пересяду на другое, ещё раз выгонят, снова пересяду – и так до тех пор, пока не окажусь на своём месте. А если подойдёт стюардесса и спросит посадочный талон? Скажу, что обронил где-то. Меня по трансляции вызывали, и, стало быть, я не заяц».

Глядя в иллюминатор на неспешную аэропортовскую жизнь, я задумался. А ведь, на самом деле, мне не мешало бы сесть рядом с кем-то из этрускологов и косвенными вопросами осторожно выведать, была ли в этой реальности ситуация, когда

портье почему-то не зарегистрировал делегатов, и они покинули отель. Или, напротив, там не зарегистрировали только меня? Нет, я делал доклад, судя по словам Кирова, а значит, хотя бы первую ночь провёл в «Аквариуме». А почему ты думаешь, что именно в «Аквариуме»?

Ко мне на задний ряд никто не приходил, кроме стюардессы, которая, дежурно улыбнувшись, проверила, надёжно ли закрыта крышка багажной полки и попросила меня пристегнуть ремень. Потом в проходе начался театр кислородных масок и спасательных жилетов в исполнении стюардесс. Мои мысли приняли неожиданный оборот: «Что-то не так. Я чужой в этом мире. Согласно подобным сюжетам, я должен, оказавшись в новом измерении, разом забыть то, что было со мной в параллельном, но «вспомнить всё», что происходило со мной в здешнем до посадки в самолет. Эта реальность, конечно, сложнее книжной, однако и то правда, что для каждого потока времени требуется своё пространство. Здесь же, в этом самолёте, сошлись два автономных потока. Один неизбежно должен вытеснить другой – и, скорее всего, именно мой, ведь он не поток даже, а ручеёк по сравнению с рекой, что влилась в этот «эйрбас». Однако как это будет происходить на практике? Меня всё-таки выставят из самолёта?»

Между тем уже запустили двигатели для выруливания на взлётную полосу, а меня по-прежнему никто не трогал. «А что, собственно, мне известно о свойствах времени в таком искривлённом пространстве? Да ничего. Амнезия пресловутая – это что такое? Только утрата памяти или попадание из одного потока времени в другой?»

«Эйрбас» не спеша катил по рулёжной дорожке, потом остановился. Несколько минут ожидания... и вот, наконец, турбины взвыли, засвистал снаружи ветер, побежала назад серая полоса асфальта наперегонки с зелёной полосой травы, замелькали вышки, будки, самолёты, ангары, топливозаправщики... Тополя замахали руками, прощаясь. Нарастало томительное ощущение потери соприкосновения с землёй. «Эйрбас», разгоняясь, словно наливался её тяжестью, пока под днищем что-то не оборвалось, и пронеслась пустота. Мир качнулся и пошёл вниз. Косой макет аэропорта остался лежать в зелёном поле, разлинованном взлётными полосами, его разом обступила степь с ветвящимися по ней балками, слева набежала толпа домов, хаотичная в предместье и выстраивающаяся в шеренги ближе к центру. Аэропорт с диспетчерской вышкой пропал, как

будто его не бывало, внизу лежал город Н., разрезанный узкой тёмной щелью бухты, которая светлела, расширяясь к морю. Мгновение – и оно уже заполнило собой весь горизонт, навалилось молодой грудью на старый, морщинистый берег. Вдруг над обрывом сверкнули на солнце два стеклянных кубика. Что-то помстилось в них знакомое... Да это же «Аквариум»! И то ли солнце превратило его крошечные грани в увеличительные линзы, то ли примерещилось мне на секунду, но увидел я, словно сквозь крышу, игрушечные коридоры, двери, комнаты, холлы, лестницы, лифты, фойе, зеркало, а в зеркале – теряющийся в бесконечности зал, в котором я стоял ещё недавно... Одно из «окон» его, казалось, светилось сильнее, и вдруг мелькнуло в нём серебристое крыло самолета.

Я даже не успел подумать: «Не нашего ли?», как всё пропало, и картинка, и кубики «Аквариума» внизу, и осталось только море, охваченное со всех сторон небом. Мы неуклонно поднимались ввысь, поверхность воды из платиновой стала оловянной, подернулась дымкой, в иллюминаторе запорхали раздёрганные пряди облаков, как первый снег, поначалу редкий и крупный, а потом начинающий валить стеной. Так и облачная вата становилась тем плотнее и гуще, чем выше «эйрбас» забирался в небо. Вскоре закрыла она и солнце, только золотистый ободок по краю туч напоминал о нём.

Самолёт начало потряхивать, как всегда в облаках. Дурацкие мысли о свойствах времени и пространства не покидали меня. «А вот, скажем, мой чемодан: он остался в том времени в отеле или в этом я сдал его в багаж и в Москве благополучно получу? Но, если так, то где мой посадочный талон? По всей видимости, мой двойник всё же не регистрировался на рейс – иначе его бы не вызывали по трансляции в аэропорту. В той реальности я исчез – сразу после доклада, а значит, в первый день конференции. И вместо пропавшего Лосева-2 в самолете появился Лосев-1 без чемодана и воспоминаний о последних двух днях второго. Бог с ним, с чемоданом, ничего в нём, кроме планшета, ценного не было, вопрос в другом. Я как личность в новой ипостаси существую, а существует ли в прежней чемодан? Он там лежит себе, как ни в чём не бывало, когда я сижу здесь? Я и мои вещи разбежались во времени?» Почему-то именно это казалось мне непостижимым, а не то, как раздвоились во времени и пространстве 49 этрускологов, а варианте один исчезнувших, а здесь имеющих в наличии.

За окошком было всё темнее и темнее, а тряска усилилась. К ней добавились тошнотворные зависания в воздушных ямах, когда сердце и желудок обрывались и падали вниз. Внезапно по сумеречному салону пробежал, как молния, голубой свет. Тотчас я понял, что это и была молния, потому что в иссиня-чёрном подбрюшьё облаков так же длинно сверкнуло – словно трещина по стеклу иллюминатора прошла.

Гроза! Взлетев ясным солнечным днем, мы сразу воткнулись наверху в кучевые облака, а потом в грозовой фронт. Раскаты грома здесь звучали, как отдалённая артиллерийская пальба, а вспышки молний в тучевых громадах казались разрывами рядов при беглом огне. «Эйрбас» еще выше задрал нос, стараясь перепрыгнуть через грозу. Самолет затрясло сразу во всех направлениях – и по вертикали, и по горизонтали. Может, и по диагонали. Мои руки на подлокотниках ходили ходуном, а зуб на зуб именно что не попадал – точно, как в поговорке про замерзающего человека. Вскоре и голову держать прямо мне стало трудно, она дёргалась, словно на меня налетела падучая. А со стороны, наверное, я напоминал человека на электрическом стуле. Впервые я осознал утлость этого «эйрбаса», столь монолитно смотревшегося на земле: он скрипел всеми своими переборками и заклёпками и вольно ходил во всех сочленениях. Чудилось – ещё немного, и они посыпятся. Спереди неслись испуганные возгласы. Очередная воздушная яма оказалась столь затяжной, что меня чуть не вывернуло. Когда же обратительное ощущение невесомости в кишках прошло, я, скорее, ощутил, нежели понял, что мы уже не летим вверх. Мне показалось даже, что нос лайнера пошёл вниз. И в этот самый миг кто-то крикнул: «Пожар! Пожар! Слева!» Я глянул в окошко: из подвешенной к крылу турбины вырывался мощный сноп огня, будто из сопла ракеты. И тут мои вялые размышления о непостижимом разделении во времени меня и моих вещей обрели, наконец, логический итог. Если один поток времени в самолёте должен был вытеснить другой, то вытеснить следовало меня. Лайнер просто не мог приземлиться со мной. А из-за меня обречены погибнуть остальные. Хотя в этой истории, во всех её вариантах, обречены исчезнуть все – и я, и ученые. Не мытьём, так катаньем, не на земле, так в воздухе. «Ни в одном из этих зеркал нет того, чего тебе надо».

Теперь самолёт не просто шёл носом вниз, а падал, как камень. Колоссальные снежные горы таяли, проносясь мимо иллюминатора, в плотной вате облаков появились разрывы,

сквозь которые победоносно прорывалось солнце. Салон выль и визжал на все голоса. Пляшущими чёртиками выпали из верхних панелей маски. Что-то кричал по трансляции командир, но я не разбирал из-за воплей. Мимо меня, разинув рот, пролетела по воздуху стюардесса с длинными красивыми ногами: видно, хотела выйти из кухни к пассажирам в салон, да утратила сцепление с полом. Где она там упала, я уже не видел – в глазах потемнело. Я схватился за уши – невыносимая боль пронзила их. «*Бесовское наваждение*», – отчётливо сказал кто-то внутри меня голосом отца Константина. Бесовское? Так он же мне молитву против бесов дал! Где молитва? В кармане где-то, да разве сейчас сыщешь? И я забормотал то, что помнил: «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его. Яко исчезает дым, да исчезнут...»

И всё исчезло.

* * *

Очнувшись, я увидел, что по-прежнему сижу в кресле самолета. Болтавшей перед лицом маски не было, двигатели ровно гудели. Уфф! Слава Богу! Проскочили! Помогла молитва! А что там с горевшим мотором? Я повернулся к иллюминатору, но вместо него обнаружил проход. Что-то было не так. Я теперь сидел в правом ряду, где было три кресла, а не два, как раньше, до обморока. И тогда я сидел один, а теперь имел справа двух соседей – девушку и дородного мужчину у окошка, причём девушка показалась мне знакомой. Приподнятые тонкие скулы, выщипанные брови, длинные накладные ресницы, сиреневая помада... Так это что – Лилу? С сиреневыми губами и ноготками вместо лиловых? Девушка почувствовала мой взгляд, повернула голову, длинно посмотрела мне в глаза. Ведьмины очи! Точно, Лилу. Я молчал, не в силах отвести взор.

– Вам что-нибудь нужно? – холодно осведомилась она.

Я пожал плечами. Что мне нужно? Мне нужно было выжить, и я выжил. Остальное – ерунда. Но откуда и, главное, зачем в самолете появилась роковая Лилу? При посадке я её не видел.

– Вы меня не узнаете?

– А мы знакомы?

– Виделись в Н., – уклончиво ответил я, понимая, что в этом зазеркалье мы могли и не видеться.

– А вы были в Н.?

«Как же не быть, если мы оттуда летим?» – хотел сказать я, но тут краснотлицый, щекастый, с короткой толстой выей мужчина потянулся ко мне через Лилу:

– Проснулись? Борис Сергеевич Лосев, если не ошибаюсь?

– Да.

– А я Павел Трофимович Стригунов, ректор Н-ского университета. А это – Ольга Витальевна Глазова, молодой ученый, моя помощница.

Я невольно разинул рот, а потом справился с собой и вяло ответил на рукопожатие Стригунова. Ректор! Почитай, вернулся с того света! С такой апоплексической шеей после инсульта не восстанавливаются! Впрочем, кто сказал, что в этом потоке времени у него был инсульт?

– А вам известно, Борис Сергеевич, что, когда ко мне обратились с просьбой порекомендовать кандидатуры на участие в конгрессе, я назвал и вас?

– Да, спасибо, – пробормотал я, кивнув. Пропади он пропадом, ваш конгресс! Меня сейчас больше занимала мысль, как я оказался в их ряду, а прямо спросить было неловко. Ведь я же не пьян, чтобы такое забыть.

– Ваша книга – серьезный вклад в венетологию, хотя вы, как я понял, не историк. Не знаю, что вы скажете о венецах в своем докладе, но, думаю, он вызовет на конгрессе если не сенсацию, то скандал.

Не знает? Но я же выступал, по словам Кирова! И как я могу ещё что-то сказать, если конференция завершилась? Да и тема моя – не венецы, а этруски. И почему он говорит «конгресс», а не «конференция»? Существенной разницы, конечно, нет, но... И тут я увидел слово «конгресс» на шапке какого-то документа, торчащего из пластиковой папки на коленях госпожи Глазовой.

– Это у вас программка, Ольга Витальевна? – поинтересовался я. – Не позволите взглянуть?

– Пожалуйста.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ВЕНЕТОЛОГОВ (Венеция, Италия), – прочитал я в заглавии, не веря своим глазам...

г. Москва

Юрий Татаренко

ЗАКЛАДКА В КНИГЕ СНОВ

ЗА ОКОЛИЦЕЙ

Облака в закатных блёстках.
 Стихли вопли пацанов.
 В чистом во поле берёзка –
 Как закладка в книге снов.

Одинокая берёзка –
 Лета светлая печаль.
 За свои пять лет Бориска
 Белоствольней не встречал!

В жарких сумерках берёзка
 С умным видом шелестит:
 «Ласкам не хватает лоска...
 Пастухи придут к шести...»

За телегою повозка –
 Прячутся в туман густой.
 Деревенская берёзка
 Одарила берестой.

Опустела у киоска
 Кривобокая скамья...
 Одинокая берёзка –
 В небо
 Лестница
 Моя.

Завязывать шнурки как можно туже
Учили нас на Кубе и в Афгане...
Сыграй мне осень, Сретенка – и тут же
Тебе я тихо подшуршу ногами.

Ну, что ж ты, ведь мелодия простая!
Ну, ладно, жги без аккомпанемента!..
Деревья сквозь предзимье прорастают –
И это днём особенно заметно.

И жалко, что игрушечную «Волгу»
На день рожденья мне уже не купят.
Я человек, контуженный тревогой,
О том, что осень завтра не наступит.

Отменно зашнурованы кроссовки...
И, как приказа ждал, я жду полгода
Автобус на трамвайной остановке,
Но, как назло, нелётная погода.

ПАСМУРНЫЙ ДЕНЬ

Нет, искрам куда-то в астрал –
Не выйти в потешном припадке!
Поправлю причёску костра
Небрежным движением палки –
И этой же палкой потом,
Присев, угольки подытожу...
Не страшен вселенский потоп!
Палатка – столица бездождья!
Подругу б сюда... Не срслось,
Да я и не сильно старался!
Воистину русский авось –
Последствие русских авралов...
А я ведь в душе – радикал,
Обучен различным приёмам:

Путёвку купил в Ватикан –
Пошляться по злочным районам...
В вопросах житъя-бытия
И сам ты, читатель, подкован
И знаешь: зазноба твоя
Живёт не в Москве, а в Коньково,
Где зонтик под туфли – успех,
Которому – рад, не лукавлю...
А дождь не пошёл – не успел
Назначить последнюю каплю.

МЁРТВЫЙ СЕЗОН

Слова вымерзают в слоги.
Метели взведён курок.
Деревья, что вдоль дороги,
Не ищут своих дорог.

Ты фотоальбом листаешь,
И я понимаю вдруг:
Сбиваются волны в стаи –
И всё ж не летят на юг.

Просроченные консервы
Плацкартный вагон взбудрят...
И кажется тридцать первым
Десятое декабря.

ЭТАПЫ МАЛОГО ПУТИ

Тра-та-та, тра-та-та, тра-та-тушки –
Пританцовывал поезд ночной,
И вжимались в Россию избушки
После слов: «Ну, ещё по одной!»
В полосатом пальто межсезонья
Щеголяет в моих полуснах
Неумытый, как будто спросонья,
Высоченный, но трезвый монах.

Опустеют плацкартные нары –
Загрустит засыхающий сыр.
И шепнёт проводница Гульнара,
Неприступная, как конвоир:
«Собирайтесь. На выход. С вещами».
Заскрипели ворота тюрьмы...
Листопад на свободе и счастлив.
Плачет вьюга в подушку зимы.

ГОРЬКОЕ ЛЕТО

Половина жизни этим летом
У меня прошла на берегу.
Счастья вкус остался мне неведом:
Познавал я грусть, печаль, тоску.
С удочкой на суточной рыбалке
Просидеть – отнюдь не чепуха.
Неспроста не кажется русалке
Вкусной ресторанная уха...
Сколько мыслей – образных, прекрасных –
Подцепить сумел я на крючок!
Есть ли Бог? Задам вопрос не праздный –
Поплавок кивает горячо...
И открыл я истину простую:
Спиннинг – продолжение руки,
Я рыбаку – значит, существую,
Горести мои – на дне реки.
И навеки там бы им остаться!
Забери тоску, водоворот!
Но волна вдруг с мудрым видом старца
Горе вновь мне под ноги кладёт.

СТАНЦИЯ СЕЯТЕЛЬ

И сны выстуживали память,
И губы обжигали плоть...
Пусть нежность буйная в опале –
Заживший шрам не распороть.

И дождь не по сезону дерзко
Берёт зелёное взаимно,
Услышав вместо «Два до Бердска» –
«Тепло придёт. Дождись зимы».

«РОССИЯ», ФИРМЕННЫЙ ПОЕЗД № 002 (СОН)

Мы подъезжали к Новосибиру –
И вдруг стоп-кран! И нечем крыть:
Нурмухаметову Хабибу
Приспичило перекурить.
И бросил мистер Такинава
Бубнить с утра, как пономарь:
«Ночь. Ледяная рябь канала.
Аптека. Улица. Фонарь»...

Вгляжусь в купейное окошко
Под песенку «Привет, Андрей!»:
Вдруг – на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей?
И проберутся в мегаполис
Слова, что прежде я не знал:
«Внимание! Нечётный поезд
Проследовал входной сигнал!»

ОПУСТОШЁННОСТЬ

Солнечный август закрыт на защёлку –
И растянулась в улыбке луна.
Ливень царапнет оконную щёку.
Книжная полка – стихам не нужна:
Анна, Владимир, Марина и Осип
Ищут себя – ну, да им не впервой...
Некуда жить. Вот и спряталась осень
Между минутною и часовой.

г. Новосибирск

Виктор Петров

«ЮНЫМИ БУДУТ ГРЯДУЩИЕ ДНИ...»

Эту строку из стихотворения о родине Михаила Анищенко, подходящую для описания литературного действия в его честь на высоком волжском берегу в виду Жигулёвских гор, я выбрал ещё и потому, что далее поэт говорит в переклик с пушкинским откровением про «чувства добрые»:

*И полетят над тобой Гамаюнами
Лучшие чувства мои.*

Мало того, буквально за считанные месяцы до кончины Анищенко обронил фразу в интернет-переписке по поводу другого своего стихотворения о Бродском: «В этом стихотворении нет моих мыслей, не было их при прочтении стихотворений Бродского. В этом стихотворении есть только чувство...». И как жаль, что Михаилу Всеволодовичу не привелось услышать в той же переписке читательское слово о себе: «Чуть ли не единственный поэт Михаил Анищенко, кто на многие вопросы дал исчерпывающие ответы – царство ему небесное за это!»

Дух самого Анищенко, поэта, отмеченного Юрием Кузнецовым и Евгением Евтушенко, кажется, так и витал среди осеннего великолепия прибрежных деревьев и кустарников, дощатых домиков живописного лагеря «Жигули», сводя молодые дарования с руководителями семинаров для творческого разговора. Поэты, прозаики и детские писатели съехались со всех концов страны: Архангельск, Иркутск, Москва, Волгоград, Нижний Новгород, Лебедянь, Чебоксары, Казань... Отбор лучших шёл по рукописям. Возраст до 35 лет. Самой молодой Полине Шерстобитовой (с. Бахилово, Самарская обл.) – 16!

Это уже седьмой по счёту Всероссийский Литфест. Проводится ежегодно стараниями Самарской областной организации молодых литераторов при участии местного регионального от-

деления Союза писателей России, а также министерства культуры Самарской области. Торжественное открытие в Самарской областной универсальной научной библиотеке с приличествующими событию речами официальных лиц, в том числе врио министра Ирины Калягиной, затем двухчасовой переезд на автобусе к означенному месту под сопроводительный рассказ знаатока самарской истории Михаила Перепёлкина.

Конечно, остатные дни сентября сего года запомнятся молодым литераторам на всю жизнь. То, как уединившись по семинарам, а их было – два поэтических и столько же по прозе, читали и обсуждали тексты друг друга. Одобрение и неприятие, споры, полярность мнений и общий восторг: всяко случалось, даже... слёзы – почему бы и нет, когда из сорока участников подавляющее большинство это юные девичьи создания. И если руководителей семинаров именовали Мастерами, то, как кто-то подметил, сразу столько Маргарит.

Одна из них по имени Марианна Плотникова (г. Уфа), победила в турнире поэтов. Она удостоилась звания не только лучшей среди лучших, но и получила сертификат на издание своей книги.

Ну а вели семинары Павел Басинский, Максим Замшев, Дмитрий Емец, Юрий Татаренко, Дмитрий Мурзин, Леонид Немцев, Александр Громов и другие. Все же организационные нити держал в своих руках поистине вездесущий Денис Домарёв, что возглавляет молодых самарских литераторов. Литфест не только пошёл на пользу в творческом плане, но и сдружил участников. На обратном пути обговорили создание группы в соцсетях.

... Находясь в заповедном месте, как не побывать на знаменитой горе Стрельной, где располагался один из сторожевых постов Волжской вольницы. Неоглядный простор и остров Середыш посредине реки захватывают дух.

А по пути наверх проглядывали участки каменистой степи, до невозможности красочные по весне. Не так ли и молодые таланты? Сбереечь бы их, развить...

Не премину заметить литфестовскую традицию – осеннее омовение в волжской воде как открытие и закрытие мероприятия. Это только для старших товарищей. Добровольно. Волга приняла и вернула на берег Громова, Замшева и автора этих строк.

Молодые – понятное дело... Ну а как живут и творят в Самаре уже сложившиеся писатели, умудрённые, поднаторевшие в литературных делах? И один из них – Евгений Чебалин, известный за пределами своего края прозаик и драматург, а поскольку он ещё и постоянный автор журнала «Дон», то творческая встреча с ним при моём участии как раз и состоялась уже в Самаре по завершении Литфеста. Присутствовали на ней именно молодые читатели одного из учебных заведений города. Вполне возможно, что кто-либо из юных и уже интересующихся серьёзной литературой со временем попадёт на очередной творческий сбор под сенью Жигулей.

г. Самара

Ксения Вежбицкая

НАЙТИ БРАТА

Рассказ

Кто-то неторопливо повернул ключ. Кувырок в замке – и тяжёлая дверь открылась, впуслав в темноту пустой квартиры свет, звуки и жизнь. Порог переступила маленькая женщина в дорогом кремовом пальто. Вздохнув, она опустила кожаную сумку на пол и стала не спеша раздеваться, иногда в задумчивости задерживая пальцы на гладких пуговицах. Жалобно мяукнула кошка, выбежавшая встречать хозяйку. Кошка порядком одичала за день и принялась приветливо тереться о хозяйскую руку. Женщина что-то ласково шепнула и, наконец управившись с верхней одеждой, поставила на положенное место красивые сапожки без единого пятнышка уличной грязи.

Пожалуй, она была слишком суха для своих лет. В её годы многие женщины расходятся в ширь и удаль бойкой матроны. Но она оказалась лишена обильной еды, продолжительной вахты у плиты, как и по-домашнему пышных форм женщин, познав-

Журнал «Дон» представляет самостоятельным блоком творчество ряда участников Всероссийского литературного фестиваля им. М. В. Анищенко на Волге.

ших рождение дитя. Сухость и жилистость её тела говорили об энергичности и многих часах, оставленных на работе за профессорской кафедрой.

Женщина тихо вошла в прекрасно обставленные комнаты, останавливаясь то у окна, то у стола, и разместилась в кресле, наклонившись, чтобы размять нывшую стопу. Позади была насыщенная неделя и научная конференция. В голове ещё как будто гудели голоса, пронеслись мысли и интересные идеи, которые предприимчивый мозг вынес из докладов. Во рту оставалось приятное послевкусие от половины бокала «Shiraz». Привычная тишина квартиры прерывалась мягким шумом от передвижения кошки, с наслаждением приступившей к своему ужину, и тиканьем роскошных винтажных часов. Впереди предстали тихие и безмолвные выходные.

Уставшая, она закрыла глаза и, облокотившись тяжёлой головой на руку, прислушалась к тишине своего дома. Тишина городской квартиры не была безмолвием в действительном смысле слова. Дом гудел, издавал грудной звук «ту-у-у», напоминающий потуги трубы разыгаться в полную мощь, будто уставший музыкант силился выдуть из инструмента застрявший предмет.

Обычно эта тишина не тяготила: на горизонте всегда маячило завтра с его событиями. Но сейчас вдруг появилось ощущение, что никакого завтра нет, а длинные праздники всего лишь продолжительное вынужденное ожидание чего-то большего. Новой недели, рабочих будней, наполненных пчелиным смыслом: работа – результат.

Дома профессор престижного учебного заведения превращалась в маленькую женщину, которой и являлась от природы. Откинувшись в кресле, она стала размышлять о погружении в три безработных, безлюдных, бесшумных дня. С каждым футом морской воды этого погружения в грудной клетке становилось всё меньше места, приятное удовлетворение от прошедшей плодотворной недели сменялось холодной тоской, заполняющей лёгкие. Она спрашивала себя: по кому эта тоска или по чему? Откуда взялась и зачем нужна? Не по большой любви, не по чьему-то ночному храпу в постели, не по юности, которая не была счастливой.

Мысли перетекали одна в другую, обрывались, начинались, таяли, ответа на вопрос не приходило. Но вдруг старое детское воспоминание осветило её изнутри, от догадки она даже приоткрыла глаза и сосредоточенно вгляделась в зыбкую рябь бликов

на потолке. Воспоминание тем временем разгоралось, загоралось, пока не застыло на горизонте алым кругляшком заходящего июльского солнца. Она идёт по остывающей пыльной дороге босиком. Ступни не колет трава, и не режут камни – они привыкли. Загорелые ноги сплошь искусаны комарами. В ладонке ручка от авоськи, в авоське – банка молока. Из-под крышки от тряски пролилось несколько капель, и девочка превозмогает желание облизать их. Молоко тёплое и сладкое, кремовое на вкус. Сейчас такого не существует в природе. За другую ручку авоську несёт мальчик, ниже ростом и младше на несколько лет. У обоих детей одинаково до белесы выцвели волосы. Мышцы на руках и на ногах устали от целого дня – до одури – купания в тёплом озере с илистым дном. Чтобы не получить наказание, наперегонки бросились за молоком и теперь уж возвращались назад. Калитка, ещё крепкая, свежеекрашенная, дом с раскалённой от жаркого дня крышей, вёдра с клубникой на варенье. Брат крадёт её оттуда и, смеясь, всю ладонку сыпет в рот.

Несколько безмятежных каникулярных лет девчонкой она проводила в гостях у двоюродного брата на какой-то далёкой даче. И там, в отличие от её тихого по-музейному стерильного дома, можно было всё: расшибать колени, катаясь на велосипеде, не чистить зубы на ночь, объедаться вредной едой, бегать и громко разговаривать. А потом в один год мама – аккуратная интеллигентная женщина с холодными серыми глазами – спокойно и твёрдо сказала, что больше там гостить не следует. Девочке не объяснили почему, но по заговорщицкому шёпоту взрослых она поняла, что произошло нечто страшное, не должное касаться их семьи и дома с лакированными сервантами, полными книг, папиным кабинетом, чистыми полами и чистой репутацией. Поначалу она скучала по пруду, велосипеду и совместным играм с братом, но родители объявили, что этим летом они едут в Крым. Больше она того светлого мальчика не видела и не интересовалась его судьбой. Об этих родственниках в домашнем кругу не упоминалось.

Где этот мальчик? Что с ним теперь? Как он носил молоко до дома один? Кем он стал, в конце концов? Эти вопросы возникли сами собой, а смех большого семейного застолья звенел в ушах, когда она проваливалась в тяжёлый сон.

Пухлые руки несут противень с сухарями, под ногами, неистово радуясь, крутится пёс. Они с братом едят блины, делая в них смешные дырки пальцами – маму бы хватил удар, если бы увидела. Смеются, запрокидывая голову, зачерпывая из банки

полную ложку сгущёнки. Вдруг кухня наполняется людьми, их становится всё больше и больше, лица плывут мутными пятнами, они шумят, страшно, брата больше не видно и отчего-то ужасно стыдно за этих людей. Всё больше людей, сейчас её сожмут, она задохнётся, мало воздуха, так мало воздуха...

Мышечная судорога вернула тело к реальности. Она сидела, откинувшись на кресле, задремав в неудобной позе, отчего шея сильно затекла. В комнате стало душно. Женщина тяжело встала, открыла окно, и с улицы тут же пахнуло влажным осенним воздухом, вдоволь искупавшемся в свете разноцветных фонарей. «Почему бы не найти брата, – подумалось ей.

Это внезапное решение принесло облегчение, граничащее с крайней степенью усталости. Она погасила свет и уснула беспокойным сном, состоящим из обрывков детских воспоминаний с постоянной подменой места – вот они с братом на пруду, но пруд не на даче, а почему-то во дворе многоэтажного дома, и стыдно идти купаться, и хочется одеться и спрятаться от многочисленных окон.

Тревожные сны оставили её только на рассвете. Утро попало в ловушку плотных штор, украшенных пухлыми кистями. Мягкий, иллюзорно-призрачный свет поздней осени едва справлялся с обязанностью освещения комнаты. Женщина какое-то время лежала, не шевелясь в утренней слабости. В грудной клетке просыпалась тревога, словно от незавершённого со вчера дела. Она ощущала непонятный покалывающий дискомфорт, как от неприятной занозы в нежной части ступни. Потом вдруг вспомнила всё и разом, резко села на кровати, строя догадки, где может пылиться старая записная книжка из других, прошлых времён.

Книжный шкаф был укрыт от глаз и пыли красивой дверцей. В нём притаились научные подборки, собрания сочинений, некогда выкупленные за большие деньги, старые потрёпанные и новые – страничка к страничке – уважаемые книги. Пришлось взять табурет и осмотреть верхние давно не востребуемые полки. Где-то за Лосским и Фрейдом, которого по воспоминаниям в их семье многозначительно называли Фрёйдом, нашлись старые записные книжки. В одной из них обнаружился заветный номер телефона, аккуратно выведенный чёрной пастой. Это был домашний номер, и про себя обладательница мучительных воспоминаний лелеяла надежду, что городской телефон квартиры брата не вымер вместе с мамонтами.

Нервничая, она набрала номер. Спустя несколько гудков там ответили. Тревожный женский голос терпеливо выслушал

внезапный, но краткий монолог. Представился женой брата и немного помялся. Согласился встретиться, предложил приехать на выходных. Может, завтра? Можно и завтра, отчего же нет, у брата, как выяснилось, тоже выходной. Записала адрес. Попрощалась, голос оттуда стал ещё тревожнее. Положила трубку и попыталась представить брата и его жену. Они виделись ей весёлой супружеской парой из тех, у кого всегда пир горой, сотня-другая рецептов гостевых салатов, шумные дети и непременно пушистый безродный пес – всё, как в детстве.

По пути заскочила в хорошую кондитерскую за тортом. Теперь он аппетитной воздушной горкой возвышался на заднем сиденье автомобиля, перевязанный яркой лентой. Из колонок доносился глубокий голос джазовой дивы – осенью она находила в джазе особенную прелесть. Где-то внутри нарастало приятное волнение: сейчас они с братом увидятся и вспомнят былые времена. Её немного смутило, что по телефону она говорила не с ним. Найти брата оказалось даже слишком легко. Ну что ж, вряд ли он против её приезда. Она попыталась прогнать непонятную тревогу.

Плотная городская застройка сменилась невнятным тухлявым пригородом. Дорога петляла туда и сюда, безразличный голос навигатора долгое время путеводил по дворам, пока они не миновали допотопного года чумные деревянные бараки и не остановились у рыжей пятиэтажки. Она огляделась. В детстве всё было по-другому. В детстве всегда по-другому.

Пока доставала торт, наступила в грязь у бордюра, пришлось ещё некоторое время потратить на приведение обуви в порядок. Тёмная неподвижная фигура следила из окна за процессом сапожной полироли. Когда она закончила, фигура колыхнулась и погрузилась во тьму квартиры. В подъезде в нос ударил резкий запах кошачьего амбре, и неожиданная гостья непроизвольно брезгливо поморщилась. На каждой лестничной клетке бытовали банки, из которых, как поникшие цветы, свисали скрюченные окурки. Наконец рубеж четвёртого этажа был преодолен.

Неприятный резкий звонок. Щелчок. Здравствуйте.

Дверь открыла жена брата. При виде вновь обретенной приветливой родственницы она напрягла все мускулы лица для создания гостеприимной улыбки. Уголки рта нервно дернулись. Она много суетилась, помогая гостье раздеться, приговаривая все, что полагается бормотать радушным хозяевам, и негромко покрикивала на любопытную гомонящую детвору. Жена брата

была округлая женщина в годах. В окрашенных дешёвой краской волосах предательски виднелись тонкие серебристые полоски. Она очень старалась изобразить расположение, и это желание пригибало её к земле. Хозяйка согнулась и всё суежилась: куда помягче посадить, какого чаю принести, подать ли тапочки.

От выдавших виды тапочек гостя отказалась, хотя пол был холодный и местами нечистый. Это не ускользнуло от внимания неподвижно сидящего в кресле мужчины, которого близорукая гостя поначалу не заметила. Он смотрел телевизор, наблюдая за вошедшей в дом немного искоса, как бы нехотя. Она поздоровалась, широко улыбнувшись от радости и чуть подавшись вперед, готовая к семейным объятиям. Но он не встал и не пошёл к ней навстречу, довольно холодно ответил на приветствие и продолжал равнодушно смотреть на экран, где показывали какое-то воскресное комедийное шоу. Зрители на экране гоготали, но он не улыбнулся ни разу.

Это немного остудило её пыл, в старой квартире сразу стало неуютно и всё показалось ей чужим, засаленным, неприятным. Она мягко попыталась завязать диалог, извиняясь за внезапное вторжение, рассказала о своих воспоминаниях. Брат молча слушал, но ничто не дрогнуло ни на его лице, ни в потаённой невидимой собеседнику глубине, когда она с ностальгией рассказывала о жарком вечере и банке с молоком.

Наконец с кухни вернулась хозяйка с мисками майонезных салатов и стала пенять мужу, что он не пододвинул к гостье старый журнальный столик на колёсах. Брат неторопливо встал и направился к столику. В грузном взрослом, пожалуй, слишком взрослом человеке было трудно узнать того весёлого мальчишку. Шуршащие домашние спортивные штаны с полоской на боку, просвечивающая от носки синтетическая футболка, обрюзгший живот, крупное красное лицо, каких она боялась в детстве, создавали отталкивающее впечатление.

За столом завязался какой-никакой светский разговор. Его жена всё подкладывала еды, приносила и то, и другое, спрашивала о работе, с пониманием кивала. Чем больше гостя рассказывала про свой жизненный путь: университет, диссертация, интересная работа, преподавание, тем больше сходились морщинки на лбу у её брата, тем легче он наливал себе стопку за стопкой какой-то подозрительной наливки.

Она хотела не смотреть, но её взгляд всё останавливался на его больших потрескавшихся руках, выдававших долгие годы тяжёлого физического труда. Ногти на этих руках были небреж-

но искромсаны, под ними виднелась чёрная полоска грязи. Супруга брата как раз закончила рассказ об успехах своих троих детей и, видно, особо гордилась старшим. О том, что мальчик пошёл в десятый класс вместо техникума, рассказывала почти с придыханием. Из другой комнаты появился угловатый высокий парень, смотревший исподлобья. Поздоровавшись, он покрылся красными пятнами.

Ей вдруг показалось, что этот мальчик больше похож на ребёнка из её воспоминаний о брате, нежели брат настоящий, выросший и угрюмый. Она приветливо расспросила его о школе и немного рассказала о своей работе. Старшеклассник скоро перестал жаться и с интересом спрашивал её о темах лекций и преподавании.

Это произошло, когда она предложила мальчику приехать на день открытых дверей в их университет. Брат перебил её и дрожащей рукой протянул рюмку с наливкой. С вызовом он предложил ей выпить. Все члены семьи молча и как-то тупо уставились на рюмку. Гостья тихо отказалась. В мутных глазах брата зажёгся нехороший огонек. Он развёл руками в приступе алкогольного благодушия, мол, обижаете, сударыня, выпивайте, раз предлагают. Она снова отказалась, но это лишь раздражило его пыл, и каждое новое предложение выпить было всё тверже и агрессивнее. Стало не по себе. Хозяйка дома, привыкшая к выходкам мужа, стыдилась и просила его перестать.

Брат тяжело перевёл взгляд на жену и сказал: «Он куда не поедет с ней». Сын насупился и смотрел в пол, хозяйка всё называла супруга по имени, пытаясь утихомирить бурю. «Я университетов не кончал! И что я – не человек что ли?», – спрашивал брат неизвестно у кого. Гостья пыталась что-то сказать, но он перебил и в своём порывистом монологе всё приговаривал: зачем приехала, покрасоваться приехала, как на тлю смотрит. Он бешено блуждал глазами по комнате, изо рта вырывались больные слова, взмах рукой перевернул рюмку, и едкая зловонная жидкость разлилась по клеёнчатой скатерти.

Взяла сумку и ушла. Вслед разразилась нецензурная брань, провожать никто не стал. Она услышала упреки хозяйки в сторону буйного мужа, а когда, спешно одевшись, оглянулась – увидела потухший взгляд мальчика, наблюдавшего за ней. В голове пронеслось беззвучное «прости», хотя она не понимала, за что перед ним извиняется.

Погода испортилась. Накрапывал дождь, и осеннее небо прижалось к земле, будто прося немного тепла, спрятанного

под листьями и исходившего из них влажным паром. Бывают дни, когда происходящее кажется чем-то нереальным. Придумка отчаянного постмодерниста, исковеркавшего оригинальный сюжет жизни до неузнаваемости, до абсурда, словно ткань реальности прохудилась, и из-под неё проглядывает сонный полумрак со странными видениями, где ты один во враждебном месте и пытаешься добраться до дома.

Навигатор отправлял из одного двора в другой, и она никак не могла выехать из грязного, брошенного жизнью и прогрессом микрорайона. С ржавых турников капала вода, когда проезжала мимо очередного, похожего на десятки прочих безликого облезлого пятиэтажного дома, редкие прохожие провожали её машину взглядами. Чувство запятнанности не оставляло и ощущалось почти физически, она хотела сейчас же принять душ, чтобы отмыться от кислого запаха квартиры брата и его слов, выбросить колготки, к которым налипли крошки, вливающиеся в кожу. Навигатор вдруг умолк. Она заблудилась. В лёгкой панике остановила машину и опустила тяжёлый, горячий и пульсирующий лоб на холодные ладони. Что произошло?

Что произошло с детьми, когда дачный домик был покинут навсегда? На какой приём она рассчитывала в чужой семье, что ожидала увидеть: ожившие картинки из детства, бабушку с блинами, крынку молока, мальчика, который знал все её детские секреты? Осознание собственной чуждости и покинутости сдавило прессом грудную клетку так, что трудно было дышать. Она выпрямилась и глубоко, но неровно вдохнула, чтобы прогнать внезапно обуявшую тяжесть. Конечно, сама виновата. Глупая была идея: найти брата. Нет у неё никакого брата...

Какое-то время она смотрела, как мелкие капли неприятного осеннего дождя разбиваются о лобовое стекло и холодными струйками стекают вниз. Её внимание привлекла табличка дома, стоявшего неподалеку. Название улицы показалось ей знакомым, она проезжала здесь. Улица нашлась на карте навигатора, и вскоре удалось выехать на шоссе. Всю дорогу голову теснили тревожные мысли, вспоминались обрывки грубых фраз и провожавший её потухший взгляд мальчика. Лишь дома она немного успокоилась, смыла горячим душем налипшую грязь и предложила себе, словно в детстве: «А давай, этого как будто бы не было».

Её манера держаться была в меру приветливой, в меру строгой. В холле университета стало шумно: группа за груп-

пой приезжали старшеклассники, которых встречали и вели на экскурсию. Она руководила. Мимо шла очередная группка, как вдруг кто-то подошёл к ней. Профессор подняла голову, чтобы сказать дежурное приветствие. Оборвалась на полуслове – перед ней стоял брат, за спиной которого краснел неловкий старшеклассник.

– Здравствуйте. Пришли вот... – сказал брат, переминаясь с ноги на ногу в попытках остановить свой взгляд на собеседнице.

Засуетилась:

– Я... Хорошо, что пришли, это хорошо... Пойдём, как раз начинается экскурсия для группы, ты можешь присоединиться, – она ласково улыбнулась своему племяннику и отвела его в сторону, где собиралась кучка старшеклассников.

Женщина обернулась. Брат, словно зверь, опасаящийся преследования, неуверенно оглядывался по сторонам, втянув голову в плечи. То теребил рекламки на стенде, то хотел достать сигарету, но вдруг вспоминал, что находится в помещении. Она подошла к нему и, стараясь говорить как можно мягче, произнесла:

– Я, правда, рада, что вы решили приехать.

– Выпил я тогда, извиняюсь, не прав, – ответил брат, откашливаясь через слово, будто боясь сказать лишнее.

– Послушай, мне, наверное, действительно не стоило приезжать, хотя я не понимаю, чем могла обидеть. Но если обидела, я тоже прошу прощения, – ответила она и наконец их неловко блуждающие взгляды встретились. Она смотрела с сочувствием, сжав брови, он – стыдясь, исподлобья.

– Да глупо как-то получилось, – брат снова нащупал в кармане пачку сигарет, не в силах унять тревогу в руках. – Меня зло взяло. Ты рассказывала про бабуку. А сама, сама потом не приехала ни разу её навестить, – в этих словах она расслышала горький упрек того, другого маленького брата из детства. – Ты... Ты хоть помнишь её?

– Да, – ответила она, и сердце глухо ухнуло. – Конечно, я помню. Её и тебя, и нашего пса, я всё помню. Но... Но я не помню, почему родители мне запретили к вам приезжать. Честно, я хотела приехать тогда, я просила их отпустить меня, – с надеждой взглянула на брата, но он молчал, угрюмо изучая узор на полу. – Что произошло? Они поссорились?

– Поссорились? – с усмешкой переспросил брат. – Да у наших родителей-то дружбы особой не было. Это ты в своём дворце жила, ничего не видела, а я всё знал, я всё видел, –

брат пододвинулся чуть ближе, и его громкий шёпот наполнился обидой и тоской. – Да они нас презирали всегда, кто мы для них были? Простые работяги, да никто, тьфу! Плюнуть и растереть. А тебя к бабке сдавали, потому что уезжали на свои симпозиумы.

– Но мне нравилось у вас, – ей очень хотелось изменить мнение брата, но он её перебил.

– А потом... Ну выпили как-то. Ну с кем не бывает-то? Бабка и мать тогда дома были, когда твои заявились. Устроили концерт на всю деревню, мол, пьянчуги, да вас родительских прав лишить... И уехали... С тобой. Мать потом два дня плакала, – договорив, он отошёл и наконец достал сигарету из пачки. Она молчала, растерявшись.

– Я тебя ждал тогда, – тихо сказал брат спустя какое-то время. – Каждое лето ждал, как дурак, – взглянул на неё, и в помутневших от тяжёлой жизни и пьянства глазах брата она разглядела мальчишескую синь.

– Прости меня, Коля, – дрогнула она и сделала порывистый шаг, но обнять не смогла. Положила руку на плечо. – Прости меня. Я не знала ничего.

Он неловко отстранился.

– Да что теперь уж... Давно было, – какое-то время стояли в напряжённом молчании, пока он не сказал. – Пойду я. Лёнька сам доедет. На метро. Пока.

– До свидания, – попрощалась потухшим голосом и добавила, когда он уже был в дверях. – Может, увидимся ещё!

Брат обернулся и едва заметно кивнул. Она улыбнулась. Внутри было больно и тепло. Больно за то, что не приехала тогда. Тепло, что брат вернулся, и как ей показалось, простил.

Он ушёл. Вспомнилось – так же прощались, когда она уезжала с дачи. И вот он пойдёт теперь собирать рябину на пульки в свой пистолет, а она сядет в красивую машину. И всё будет хорошо. Будет хорошо...

г. Реутов, Московская обл.

* * *

Опять развернётся реальность не та
Из быта, что скучен и жалок,
Родит Минотавра опять темнота,
Журчание в ванне – русалок.
За зеркалом треснувшим смотрит беда,
Оттуда, где царство двойничье,
И гидрой завьются твои провода,
И двери изменяют обличье:
Раскроется бабочкой их переплёт,
Глазок – это глаз махаона...
Обыденность шепчет: фантазия врёт,
Но чуду плевать на законы.

ТОЖЕ РЫБАЛКА

Встречал я такие причалы –
В солёном песке на спине,
Качает волна без начала
Свой маятник, как в полусне, –

И ты на крючке в полуяви,
Все тени отмыты с лица,
А солнце всё травит и травит,
Вращая лучи без конца...

* * *

Работать спасательным кругом
случалось ему. Не впервой.
Влюблённые, деды, супруги...
«Спасибо за то, что живой!»

Жизнь вешает жёрнов на шею,
не дрыхнет моё мчс
и шлёт звездолёт за идею,
за чёрные дыры небес...

Надежда сидит за штурвалом
и кофе графинами пьёт,
Любовь уже вдрызг укачало...

Но движется *мой* звездолёт.

г. Нижний Новгород

Алина Гребешкова

ПЕРСИК

Рассказ

Ему повезло. Ему достался свежий персик, не сухофрукты, которые в любом виде терпеть не мог: компот в детском саду, а потом на похоронах друзей, изюм поминальный, чернослив, курага; сушёные яблоки – деликатес, когда есть нечего. С матерью до поздней осени шатались по заброшенным садам, собирали урожай с ветвей и мокрой земли, резиновые сапоги застревали по щиколотку, прелые листья, комя грязи и запах брожения, уже дома, отмывшись, закатывали банки, а часть резали и укладывали на газетки, сморщенные и плесневелые – если неправильно заготовить, значит, напрасно старались, или же резиновые – не разодрать зубами – в самый раз. Для матери компот из сушёных яблок пах летом, а для него – унижением. Всё это было.

Спелых персиков, нет, не было, когда мякоть настолько сочная, что сожмёшь чуть сильнее и густая кровь брызнет на пол, вязко и ароматно – жалко, аккуратно, давить нельзя.

Ему повезло, ему достался персик, не сомневающийся в своей персиковости, зачастую же бывает иначе: кричит дамочка, что она – ананас, и носятся с ней как с экзотическим фруктом, друг у друга отбирают, соревнуются, пытаются дотянуться и отхватить кусок побольше, послаще, но на всех не хватит – тут же особый подход и нож нужен. На деле, оказывается дамочка не ананасом и даже не авокадо, а воблой, которую под пиво хорошо, а без него и не съешь, соль сведёт скулы, а запах-то. Пока раскусишь и поймёшь, с кем жизнь связал, глядь, уже двое сыновей под столом бегают, за машинку сражаются

и орут в голосину, неудавшийся ананас в грязном фартуке машет половником и пилит: «В Таиланд хочу, шубу хочу, все люди как люди, а мы, а я, а ты, ничтожество». Дребезжат за окном чужие машины, подвывают в унисон сигналки, а куда ей шуба, если она уже в дверной проём не влезает и орёт так, что собаки испуганно поджимают хвосты и разбегаются в разные стороны, чуя скорую смерть. Друзья говорили, не выбирай цитрусы, аллергия может быть, да и кислинка не всем на пользу, смотря в глаза, хватали свежие апельсины и лимоны, разбегались по хрущевкам, чтобы никто не видел, как они наслаждаются добычей. Стерпится, слюбится. Себя надо слушать.

Сергею же повезло, когда стукнуло яблочком по темечку чуть за тридцать. Пришёл на рынок под вечер, когда многие фрукты улетали с прилавка за бесценок, только бы побыстрее, чтобы залежавшийся товар выгоднее толкнуть, здесь гнильцу подкрасить, здесь перемешать со свежими, может, и не заметят.

– Где тухлый, сам ты тухлый, обижаешь, дорогой.

– Подходи, милоч, смотри какие красные яблоки, а пахнут-то как.

Сергея яблоками не приманишь, наелся в детстве ворованных огородных, как и крыжовника со смородиной.

– Ты на всём рынке не найдёшь таких арбузов, сладкий, как щербет, как поцелуй любимой женщины, всю жизнь и после смерти питаться мне такими арбузами, я на себя грех брать не буду, как родственнику выбираю, видишь.

Глянул Сергей на хвостик, постучал с одной и с другой стороны:

– Нет, неспелый, в аду несладко придется тебе, торговец сутулый.

Дальше по рынку пошёл.

Пирамиды орехов и помидоров, глаза слив и абрикосов. Персики он сразу и не заметил. Они валялись в коробке, о которую Сергей споткнулся, заметил, когда ударился кончиками пальцев и сказал:

– Зачем так ставить коробки, вы своих покупателей ненавидите? Персики в какую цену?

– Дорогой, – сказала пожилая продавщица, крестясь, – клянись тебе небом и землёй, не было персиков в этом сезоне, не мой товар, не мне и продавать. Дорогой, ты попробуй и сам реши, что тебе нужно, это как плыть по морям и воды не видеть, это как быть мертвым, а потом воскреснуть. Путь предприми к роднику, где персик цветёт. Рискнёшь?

– Мягко стелешь, а почему бы и да, – согласился Сергей.

Подышал на персик, протёр рукавом, подивился листку на стельке и надкусил сочную плоть, даже не заметил, как во рту осталась лишь миндаль, а на губах – винный сок. Облизнулся. Нутро кричало: ещё, ещё, не насытился. Пронзила судорога. Отравила, что ли, ведьма! Быть не может. Чудится ему, будто падает в океан персиков, плывёт среди его вод огромной рыбой, пьёт густой нектар, но не напиться. Где теперь его тело? Где разум? Персиковая кровь.

Вспоминает, как читал в научной статье, когда писал диссертацию: «Персик был свидетелем рождения цивилизации. Он был задолго до людей, мы приспособились к нему, а он к нам». Усмехнулся. Не поверил. Коллеге ссылку скинул, вместе посмеялись: сказки китайские. Только не знал тогда: персиковое древо цветёт раз в три тысячи лет, небесные девы и юноши стерегут плоды бессмертия, ибо отведавшие их будут летать в вечности среди солнц и лун, познают мудрость предков и открытия ещё не родившихся потомков, вскормленные космическим облаком, сами станут им. Но не каждому дано совладать с этой силой, только гении и влюблённые обладают великим сердцем, способным без ножа и оружия сокрушить неспящее зло.

Рыба плывет по океану, рыба вспоминает и другие подслушанные и подсмотренные истории. Персиковый океан был ручьём в саду древнего бога, где росли яблоки познания и истины. Щебетал ручеек по камням, отражая небесный свод, впитывал в себя радости гармонии и безгрешной сути мира, ширился и рос, наполнялся увиденным, а когда переполнился, пролился дождём и росой, чтобы соединиться через одну вечность в необъятное пространство воды между людьми и звёздами. Но не доплыть до него, если не отведать плодов с того самого персикового древа, что цветёт раз в тысячу лет.

Сергею же повезло. Ему достался свежий персик, а не шепталá, хоть и сушат фрукты на солнце, но нет в них жизни, согретые лучами хранят их же запах и околловкусие, а не себя, будто женщина, забыв природу свою, блуждает от стаи к стае: дикие собаки, львы, шакалы, змеи и вараны, чей ядовитый язык плёткой выжигает на теле: злодей, бунтовщик, изменник. Отправляются потерянные души на каторгу добывать соль из слёз. Бредёт женщина по пустыне среди таких же повинных в слабости, скованы кандалами руки и ноги, нет и языка, чтобы отправить молитву в небо. Ветер залезает в уши и шепчет – не отмахнуться: не выбирай животных, ищи равного себе по человечности и духу, чтобы не идти согбенной в одиночку, раздирая в кровь ступни, или же с язвой вместо сердца плодить тех, у кого не будет ушей, глаз и

языка – не продолжают мертвецы род. Знает рыба и печальные истории, но нет им места в персиковом океане.

– Вы персики брать будете? – гладит нежно плечо. – Вкусные? – улыбается ягодами зубов и миндалью разреза глаз. – Продавца не видели? Сколько стоят? Я весь рынок обыскала, говорят, неурожай в этом году. А эти сочные, румяные и солнечные. Я из них варенье делаю по бабушкину рецепту.

Не слышит Сергей ничего, смотрит на неё и тонет в волнах персикового океана, погружается на дно, чтобы, очистившись от памяти прошлых жизней, взлететь над мировыми водами птицей. Но уже не один.

Протягивает персик незнакомой и родной, улыбается: «Вы попробуйте, это как быть мертвым, а потом воскреснуть».

г. Уфа

Татьяна Грошева

* * *

Я на бойню вела быка.
Он по левую руку шёл,
Отирая свои бока
Об осоку. И мой подол

Заходился под ветром. Как
Непреклонно движенье вод!
Затуманили облака
И дорогу, и взгляд его...

Серо, зелено. В синеве
Промелькнул камышинный ряд.
На опущенной голове
Лунным светом рога горят.

Я хочу подпереть собой
Расшатавшийся небосвод.
И почувствовать руку той,
Что на бойню меня ведёт.

ДОМ

Если хочешь ответов, то внемли ответам: я – дом,
Где и скрип половиц, и сквозняк – элементы декора.
Я сплошное смешенье дверей, перемычек и створок,
Колыхаемых ветром, держащихся только на том,

Что весной или летом (но осенью лучше горит)
На сплетённый катрен мне всегда отвечают катреном:
Лихорадочно – души, воздержанно – книги и стены,
Потому перед самым порогом сегодня замри.

Были люди, просившие вечности, ты не из них.
Были люди, бежавшие прочь после первого акта,
И *fatale*, и *simplicitas sancta*, и *virgo intacta*,
И такие, что сами себя не могли объяснить.

Я не дам тебе больше простого желания быть
(Быт – в настройках: я слишком умён, для того чтобы бегать
От простого к простейшему). Видишь: последствия снега
Растекаются маслом по горлу разъятой трубы.

Проживём это мокрое время без страшных потерь
И в неспешности робкой впервые окажемся правы:
Мы узнаем о гибкости пальцев и хрупкости нравов,
И с какой из сторон ты решишься закрыть эту дверь.

г. Архангельск

Диана Давлетбердина

ГОРОД

Ритм пробивает воздух током, брось, это всё чересчур,
Это как грызть на морозе кость, это как к палачу
Самые нежные чувства испытывать – бред,
Никакой там нежности нет.

Есть только вдох, бесконечность его и воздух.
Только на сцену смотреть и слышать его,
И каждая строчка, как плеть,
Будто свободны мои плечи и ничего
Не тянет на дно
И в этой музыке весь
Этот город звучит,
В ней заложен его
Говор, его ритм, его
Слово

Всё, что здесь есть – туман, воздух и тот
Берег Исети.
Все, что здесь есть – итог.
Всё смешалось и стало одно.
Луна отражается мутно, но всё-таки светит.
От накала звенит в ушах.
Загадала, едва дыша,
В воздухе свистнет
И сталью о дно,
Это – примета.
Всё, что искала здесь – эта дорога, все реки и скалы, так много,
Так много всего по пути в этот город из детства.
Им – некуда деться, мне – некуда деться.
Этот город – струя, в нём, как мошки роясь,
В гулких улицах люди сутулятся, сдержанны, с виду просты,
Без ужимок, улыбочек лживых, внутри –
Со стержнем, и колючей иронией едкой,
Как особой уральской меткой.

Этот город суровый – все говорят,
Здесь даже сам говор – чеканный и сжатый,
Этот город ещё так давно, когда-то
Заложил в меня этой мощи снаряд,
Этот город мне сам – чека и граната...

И я всё стремлюсь туда, где источник мой – жила,
Там становится всё в этих строчках живо,
В моё – вечной печатью.

Когда – вновь вокзалы,
Автобус ли, поезд?
И я знаю – ещё я не всё
Сказала,
Когда я возвращаюсь
В мой
Чужой
Город

*г. Мелеуз,
Башкортостан*

Максим Живетьев

КАЗАЦКИЙ ЧУБ

Рассказ

Густые, давно не стриженные, волосы растрепались. Родная станица осталась позади – с гоном рынка, кричащими курами, любящей женой Любашей и тремя детьми-сорванцами. Кошка Муська, ласковая и преданная, но как все кошки вполне себе независимая, сегодня ни свет ни заря окотилась.

Костя разделся и вошёл в воду. Нежную и прохладную. Поцеловал нательный крестик перед тем, как поплыть поперёк уверенного течения реки. Природный простор и водная свобода пьянили.

Рано утром Муська забралась к нему на кровать и развалилась на покрывале, прижавшись спиной к хозяйской руке. Сквозь дремоту Костя почувствовал, как рядом с ним стремительно расплзается мокрое пятно: на божий свет собирались появиться котятка.

На этот раз Муська родила четырёх. На последнем из них, едва завидев хозяйку с тазиком воды, кошка рванула прятаться. В зубах она держала трёхцветную дочку, не вылизанную до конца. Последний котёнок, болтаясь на пуповине, покорно волочился вслед за матерью.

К слову, топить котят на этот раз не собирались.

Костя улыбнулся, выплывая на середину реки. Муська с самого утра всех переполошила: и жонка спешно оттирала простыни, причитая на весь дом, и старый дедушка Матвей заво-

рочался в углу, а дети только прознали – сразу повскакивали с палатей, будто и не спали вовсе.

С тех пор, как её второй и третий помёт утопили, Муська перестала людям доверять в этом вопросе. Она разыскивала старшенького, годовалого Муфусаила, загоняла на лежанку, где нынче родила, и кормила. Брошенные новорождённые котята, жалобно скуля, расползались по избе. Особенно неугомонный четвёртый, мальчик. Он, весь чёрный с белым, самый крупный и живучий, постоянно куда-то полз, целеустремлённо, и непременно на середину комнаты, и вопил громче всех. Три трёхцветные девочки, все как одна пятнистые, черепаховые, то звали мать и робко ползли вдоль стены, то льнули друг к другу и дремали мохнатой горочкой где-нибудь в углу.

Наказав своим ребятишкам проследить за Муськой и котятами, Костя ушёл на реку искупаться. Муфусаила – главную муськину надежду на продолжение рода – он сгрёб в охапку и прихватил с собой, надеясь, что кошка сосредоточится на новорожденных.

И правда, только они вышли из дома, Муська пошла к котяткам.

Тотчас Муфусаил запрял ушами и наострился бежать, но вдруг выразительно задумался и остался лежать на руках хозяйина. Так они спокойно дошли до реки.

Пока Костя купался, кот преданно сидел на берегу, порой оборачивался по сторонам, а потом снова смотрел на середину реки. Когда хозяин надолго скрылся под водой, Муфусаил встал, сосредоточенно посмотрел на опустевшую реку и заорал.

Дети окружили кошку, подтолкнули к ней котят и следили, как те поглощают молоко. Котята ели второй раз от роду. Первый, сразу по рождению, был за кроватью, рано поутру, когда хозяйка причитая и охая оттирала простыни за муськиными родами, а на суматоху и на запах уже спешил Муфусаил. Раздвинув маленьких котят, он присосался к свободной титьке, уверенный в своей правоте. Но кошка встала и пошла к своей миске: старшенького уже нечего было кормить, а маленьких – она была уверена – утопят не сегодня – так завтра.

Теперь, когда Муфусаила в доме не было, а хозяйские дети смотрели пристально, Муська наконец-то отнеслась к котяткам со всей прилежностью.

Когда течение потянуло Костю вниз, он сразу и не понял, что происходит. Уже под водой, на глубине, он задержал дыхание и пытался выплыть. Открыл глаза, пробовал всплыть к свету, но

его волчком кружил водоворот, рывками прижимая ко дну. Казак было закричал, и в рот сразу забила тина. Силы покинули, тело обмякло, и понесло его.

Муфусаил пришёл домой не сразу. Безуспешно поцарапался в толстую дверь, потом терпеливо сел на пороге. Когда вышел покурить дедушка, кот наконец-то ворвался в дом. Увидев его, Любка обеспокоилась: чего это он.

Но панику подняли только вечером.

Поп сразу сказал: без тела он никого отпевать не будет: не положено.

Так Костя и остался лежать на дне, неуспокоённым, недоо-
плаканным, под корягой, в илу-песке, с обмотанным вокруг шеи
шнурком с православным нательным крестиком.

Любашка вечером окропит слезами найденную на берегу оде-
жду, потешит себя верой, что муж жив ещё может быть, и спать
ляжет. Придёт Муфусаил, свернётся в ногах калачиком, к полуночи
к груди переползёт, поближе к сердцу прижмётся. Так и спят.

Дети с мокрыми глазами смотрят на всех, а спросить боятся.

И только дед твердит: утоп он, что я Костю не знаю *чо ли*.

На осьмой день Костя пришёл домой. Рано утром, ещё до
первых петухов.

Пройдя сквозь дверь, огляделся. Любаша долго не могла за-
снуть, и потому спала крепко. Муфусаил повёл ухом, но продол-
жил лежать, полунакрытый пледом. Муська, в обнимку с под-
растающими котятками, развалилась на топчане, на том самом
месте, где неделю назад родила. Матвей кашлял во сне.

Костя подошёл к детям. Спят. Катька носом кверху. Васька у
неё под мышкой. Петька забился в уголок. Ангелочки.

Посмотрел на них, поправил подушку, подошёл к жене.

Провёл рукой по русым Любкиным волосам.

Грнули петухи, и Костя растворился.

Вскорости дедушка сильно захворал. Он лежал на соломен-
ном матрасе, совсем не вставая, и сильно кашлял. Потом и во-
все кашлять перестал.

К полночи дедушка открыл глаза, поднялся с неожиданной
лёгкостью и пошёл курить.

Костя сидел на завалинке и его ждал:

– Эх, батя, вот и ты помер.

– Неужто?

– Получается, что так.

– А што. Один у всех путь – в могилу. Главное, как ты тот путь прошёл, справедливо ли, по-правильному или нет.

– Самое ценное на этом белом свете что? – не мог наговориться дедушка Матвей, – сохранение рода человеческого. Продолжение рода своего. Тут я снимаю шапку: ты для этого всё сделал. И я получается тоже, – дед красноречиво хмыкнул. – Вон Муська – тоже старается, надрывается, рожает и рожает. Как ей не надоест. А ведь правильно делает. Тут она умнее нас будет: знает, как жить и что делать. А мы, люди, глупые, однако, твари. Полжизни чего-то маемся, время понапрасну теряем, растрчиваем себя, смыслы какие-то глупые ищем. А пошто? Зачем? А главное – почему?

– Вот в этом и главное – почему?! Разум нам даден. Он нас и ведёт, – ответил Костя.

– Не ведёт он нас, а уводит. От правды жизни. Глаза нам застилает. От ума все беды, от ума. Вот сколько твои детишки ещё бед натворят? Раскидай мозгами. Кто бы им мозги заранее вправил. Ан нет. Надо каждому на грабли наступать, иначе не интересно. Да ещё по нескольку раз на одни грабли, чтоб получше дошло. И ещё разок, для точности.

– Вот, Костя, думаешь родил и всё? Живи-радуйся? Их же ещё на путь поставить надо, в дорожку по жизни снарядить. А ты уже утоп. Думаешь, всё сделал? Нееет. Всё да не всё. Похорошему, за ними ещё и проследить надо, чтоб не оступились.

– Правильно ты, батька, говоришь. Да только что я сделать-то могу.

– А вот, сынок, можешь ещё, – прищурился Матвей. – Меня-то скорёхонько наверх приберут, а ты, я чувю, тут надолго ещё землю топтать будешь.

– То есть?!

– Не перебивай. Вот и проследи за своим потомством. Чего тут зря болтаться. Мозги детям-правнукам повправляй.

– Правнукам?!

– А что? Вдруг ты до правнуков тут. На небеса утопленникам не положено. Пока. А там, глядишь, законы сменяются, и можно будет туда, наверх.

Костя совсем побледнел.

– А мозги им надо вправлять, – продолжал своё Матвей. – Вот, думаешь, сколько меня раз ангел-хранитель от того света спасал? А ведь спасал! Я-то уж понимаю. Вот залезет что-то в мозги самые. Чувствуешь: не твоё. Но зудит там, в мозгах, зудит.

Послушаешься – хорошо, а не послушаешься – всё, хана. Кто-то же мне это мозги вправлял, помогал. На путь нужный ставил. И ты можешь: я уверен. Можешь-можешь: не смотри так. Да и пути у тебя другого нет. Воспитание в тебе моё, отцовское, не позволит по другому. И мой наказ.

– Наказ?

– Да, наказ. Веди себя тут хорошо.

– Слушаюсь и повинуюсь, – Костя вскочил, выпрямился струной и руки по швам сделал.

– И тут придуривается. Неугомонный, – поворчал Матвей скорее для порядку. – А ты что, сынок, думал? Тут свои законы. Им, хошь – не хошь, следовать надо.

Из дома послышался вой Любашки.

Прошло двести лет.

Костя сидел на берегу реки. Широкой. Но отличало ту реку не это, а прозрачная студёная в любую жару вода, в которой отражалось синее небо. Только в по-настоящему чистой воде так точно отражается небо.

На дне зеленели камни, сновали рыбы.

За двести лет далеко закинуло костин род. В Сибирь. На берег Ангары.

А у самой кромки воды сидела рыжая кошка и чего-то ждала.

г. Иркутск

Елена Ластовина

* * *

Не подберу ключи к твоим ключицам,
а горе к горлу хочет подобраться.
Пусть ничего с тобою не случится
такого, чтоб достать из-под матраца
те штуки, что на чёрный день отложены.
Ты лучше выпей кофе, съешь пирожные:
ни Пруст, ни Фрейд, ни Джармуш ни при чём.
Давай тоску с печалью запечём
под соусом из самой сладкой лжи.

Дрожи со мной на Дрождество, дружи
со мной, готовь напитки на пианоктейле
продрогшим путникам, поющим возле ели,
которую снежинки наряжали.
О яблоке и о змеином жале
не забывай. Не жалуйся, не жаль,
жалей желающих – жуиров, жуликов, жлобов...
А раненному этой ночью – выдай шаль
и на желейке до утра играй любовь...

* * *

В артериях больничных коридоров
кровь времени течёт едва-едва,
и соком вишен или помидоров
забрызганы врачебные слова.

А запах боли всюду одинаков –
на Симонова и на Оксфорд-стрит.
Букет степных – запретных – красных маков
на столике стоит у медсестёр.

Все, что не тонет, стало быть, горит,
и ты уже почти развел костёр...

* * *

Стая птиц. Стая ангелов. Тающий рай
расстаётся и всё же никак не расстанется

с небесами, и я не сумела свой край
за спиною оставить, как старая странница

покидает всё страстное, страшное, строгое,
забывает все милые вещи и лица.

А над верующей в босоногих дорогою
рай летит и не может пока приземлиться.

г. Волгоград

* * *

... И три вороных непослушных коня
Утонут в пурпурной рассветной прохладе.
На сколотом блюде от ночи и дня
Останется горсть золотых виноградин.

Соткётся из тучи спасательный круг
В сияющих зорях неверного солнца.
Добраться б до ласковых песен и рук,
До мира, до сердца – до самого донца.

* * *

Чем затуманены взоры потомка?
Жаркая – стылая – медь октября...
Тянет тяжёлые плечи котомка.
Здравствуй, чужая, глухая заря!

Дети себя потерявшей свободы,
Дети бескрайней, бездонной земли
В поисках золотоносной породы
Сами себя сохранить не смогли.

Здесь за версту не видать человека –
Здесь ураганы идут напролом.
Звёздочки отблесков прошлого века
Вышиты чёрным сухим серебром.

* * *

Я бы пошла за тобой, не колеблясь.
Тенью осенней скользила бы рядом
Третий, а может быть, пятый троллейбус
Я провожаю рассеянным взглядом.

Дни размотались в недельной катушке,
Тянутся вязко и так бесконечно
Не за серебреник, а за полушку
Я продаю тебя, мой первый встречный.

Мы потерялись в словах и в дорогах
И друг для друга не будем найдены.
Осень молчит. Смотрит грустно и строго
На ещё один день, у кого-то украденный.

г. Челябинск

Михаил Макрушин

ПОРАЖЕНИЕ

на узких дорогах в густых кварталах
которые редко встретишь в Самаре Москве России
на опасных поворотах стоят выпуклые зеркала
я видел в таких страх любопытство обиду
атрофированные
демонические
пустые

укради это зеркало
поставь напротив такое же
сядь между ними чтобы только зрением боковым
видеть себя с двух сторон
сизая голубка наоборот
и не поворачиваясь правой рукой себя постриги

зайди в секунд хенд с завязанными глазами
выбери платье
вслепую
наощупь
по запаху
по шуршанию
нанеси макияж угольком
и пощёчину дай себе

я посмотрю на тебя и подводная лодка волнения
ударит по лёгким снизу
потеряет воздух
подводники вылезут
схватятся за трахею
гусиным шагом по этой лестнице проползут
упрутся в гортань
и медленно задохнутся

братская консервная банка
обелиск влюблённости
до блеска наглаженный основанием языка

ни угля, ни волос, ни одежды, ни глаз не вижу
только тебя
отраженную в стеклянных глазах подводников
как в зеркалах
установленных на поворотах
узких путей дыхательных
тесных лёгких
демонических
атрофированных
пустых

г. Уральск, Казахстан

Марианна Плотникова

СНЕГ

1.

наконец расцветают синицы
в чёрно бело и серо
буднях
встречу тебя из больницы
снега будет
по самое сердце

2.

и пойдём по улице
мимо окон
сосудистых
где хирурги тусуются
и больные стужатся
курят за пищеблоком

3.

где утробная темнота
разеивает как щука
задыхаясь пасть
мысли бродят там
или речь идёт не боясь упасть
свет нащупав

4.

пойдём пойдём сбежим
не хватит им ума
они и не узнают
как свет был недвижим
была зима сплошная
кромешная зима

5.

брюхо жёлтое фонариное
окутывала
тёмная сторона метели
ты меня в холода звериные
в тёплом теле
не удержала

6.

потом по январям
мы из жестянок делали
кормушки для синиц
где шея фонаря
нанизывала птиц
их вешали на дерево

7.

дальше этого не гляди
там безбрежная полоса
ледяная корочка
позади
там синицы по косточкам
разбирают наши голоса

8.

тебя я уведу
из кафельного плена
распоротый живот
подуть
и заживёт
до лета

9.

и синички и семечки
всё прогоркло
что осталось после побега
мама мамочка
снега
по горло

г. Уфа

Александра Шалашова

* * *

у нас цветут социалистические растения –
бугенвиллея, гибискус, королевская пальма.
мы ждём богатого урожая.
сыплем золу под корни, рыхлим землю.

у нас цветут социалистические растения –
на растрескавшемся асфальте,
на жёлтых плитах, среди серых камней.
мы сидим на ступеньках старых домов,
под белёными стенами.

у нас цветут социалистические растения –
томатная паста, апельсиновая газировка,
консервированная фасоль.
оплели тонкие стебли,
заняли всякий дом.

у нас цветут социалистические растения,
пробивают грудь
да по миру всему стелются,
поднимаются высоко.

* * *

Здесь что ни день – тоска пустая неизъяснима.
Преображенья храм в Песках и в эту зиму
зелёный, белый, один стоящий противу ночи.
Мы здесь чужие, мы здесь случайные, помилуй, Отче.

Мы скоро вырастем, мы скоро станем глазами листьев.
И испарится тоска пустая, и будет жизнь нам
среди холмов, где львиный зев, где мак, где мальвы
в неосвящённой лежат земле и жаждут мая.

Заплачет небо густою синью с потёкшей ручки,
и память будет пустой и стылой, а дождь беззвучно
щечочет кожу и щиплет губы, колотит в кровли,
кропит дорогу, окурки в клумбах и каждый корень.

Здесь памятью пропитан каждый метр –
бредут мальцы, не сдавшие экзамен,
молочной смеси нет в универсаме.
А где-то там, внизу, мне двадцать лет.

Расшатаны перила, вымыт двор,
Апрашка, семь утра, соленья в банках,
но я несу в горсти муку и манку,
и страшно не войти живой в метро.

Иду по стружкам, брошенным к ногам,
молочным лужам и говяжьей крови –
когда настанет время колоколен,
себя я по кирпичику раздам.

Теперь гляди – мы выжили в дефолт,
ходили вместе с первого по третий,
и небо в сизом ультрафиолете,
и журавлей плывёт бесшумный флот.

Есть сто рублей – мне нечего терять,
куплю у бабки молоко и ливер,
и будут маяки гореть в заливе,
и будут маяки глядеть в меня.

На Малой Невке божий тихий снег.
Я клею пластырь к каждой новой ранке.
Безвременье вскипает в коммуналке.
И дочке скоро будет двадцать семь.

г. Череповец

Полина Шерстобитова

* * *

Здравствуй, моя дорогая Джейн,
Девочка-звезда из старого книжного шкафа.
Мы перестали бояться бетонных стен
И холодных рук.
Нам больше совсем ничего не страшно.

Нас не пугают блики хромых витрин,
И мы никогда не увидим цветные сны.
Ты однажды сказала – помнишь? –
«Никто не один».
Только, знаешь ли, Джейси,
До первой сырой весны.

Милая Джи, ведь мы по природе круг –
Путь или часть пути в полсотни солёных миль,
Состоящий из рваной бумаги, невзгод и выюг
И непременно ведущий в беззлобный штиль.

Я знаю, Жаннетт, ты добрая сказка, но сколько раз
Твои руки держали меч и вершили суд?
Попадать в переплёт, попадая при этом в паз:
Кому строить воздушные замки,
Кому – редут.

Береги наши сны, моя дорогая Джейн,
Мы все здесь бесстрашны, пока не пришла беда.
Ты – мачта на бриге посла хмельных морей,
И в каждом из нас ты останешься навсегда.

с. Бахилово, Самарская обл.

Райнер Мария Рильке

(Перевод с немецкого Вячеслава Куприянова)

НЕБО МОЕЙ ЖИЗНИ

* * *

Вечер всё тяжелей.
Люди, как дети-сироты,
не понимают, кто ты,
и ты не знаешь людей.
Словно они на чужбине,
и вслушиваются ныне
в каждый шорох в саду
и ждут в тревожном бреду
у времени на краю:
как чьи-то незримые руки
солят в певучие звуки
тихую жизнь свою.

* * *

И к тем словам, простым и неказистым,
моя любовь без края и конца.
Пусть день мой будет на лице их чистом,
и мой восторг наполнит их сердца.

Их суть, что скрыта от глухого света,
вдруг станет явью, стыд преодолев,
когда после молчального обета
они войдут, волнуясь, в мой напев.

* * *

Мне никто, сироте,
не доверял преданий,
манящих детей к мечте,
хранящих их в жизни ранней.

Откуда это во мне?
Кто податель отваги
ведать и древние саги
и слово к морской волне?

* * *

Ты – утро, ты развеянная тьма
над населённой вечностью долиной,
под сводом ночи возглас петушиный,
роса, туман, разносчица с корзиной,
чужой прохожий, мать и смерть сама.

Ты сам в себе изменчивая статья,
ты сквозь себя текущая судьба,
тебя минует ложь и похвальба,
как дикий лес, тебя не описать.

Я в каждом слове отклик твой ловлю,
но смысл последний от меня сокрыт.
Ты каждому иной являешь вид:
земле – корабль, и гавань – кораблю.

* * *

Ты всюду здесь и переполнен всеми
вещами, для которых я, как брат;
в ничтожно малом зреешь ты, как семя,
в великом ты величием богат.

Вот таинство неизмеримой мощи,
её запас во всём распределён:
ветвится корень, не теснятся рощи,
и веет Воскресением из крон.

* * *

Последний дом в деревне одинок,
как будто он последний в мире дом.

Дорога в ночь ушла, и даже днём
вернуть назад её никто не смог.

Деревня – это только переход
меж двух миров, там время не течёт,
и многие пытаются уйти.

И потому скитается народ
или безвестно гибнет на пути.

* * *

Своею смертью пусть любой умрёт
на склоне жизни, что была полна
любви и страсти, смысла и невзгод.

Мы только оболочка, мы листва,
и смерть внутри любого существа,
как плод всего, чем плоть увлечена.

Так, девушкам не дорог их уют,
они растут, как дерево, мечтая,
и мальчик хочет мужем стать, и тут
его спасает женщина святая,
в которой страхи детские умрут.
Всё видимое не имеет края,
безмерен бег утраченных минут –
и каждый, созидая, воздвигая,
вокруг того плода струясь и тая,
вливает свет в таинственный сосуд.

Им всё тепло дыхания вместимо,
сердец и мозга тлеющие сны.
Лишь ангелов, как птиц, пронесит мимо,
для них плоды любые зелены.

Из «Книги образов»

POUNT DU CARROUSEL

Седой слепец, как будто вросший в мост,
как вечный страж неведомой отчизны,
он – мера похвалы и укоризны
и твёрдый центр круговорота звёзд,
погонщик времени и поводырь планет,
а всё вокруг — блужданье, блеск и бред.

Он здесь как справедливость возведён,
у мрачного истока всех распутий,
как переход от вечной смуты к сути —
в подспудный ад поверхностных племён.

СТРАХ

В лесу безлистом кружит птичий крик,
такой бессмысленный в лесу безлистом.
Он здесь навис, округлый птичий крик,
покинув миг, в который он возник,
и вот, как небо, он в лесу безлистом.
И этим криком всё поглощено:
округа в нём лежит в оцепененье,
и от испуга ветер без движенья,
минута, что вперёд идти должна,
поражена, как будто вдруг узнала,
что там, за криком, гибели начало, –
и нет нам избавленья.

ОСЕННИЙ ДЕНЬ

Господь, всё благо лета на весах,
пора: ветрами насели долины
и тень продли на солнечных часах.

Вдохни в плоды последний аромат,
позволь немного теплых промедлений,
добавь ещё до зрелости осенней
последний сок в тяжёлый виноград.

Бездомный дом уже не заведёт.
И кто ни с кем не подружился с лета,
слать будет долго письма без ответа,
и по листве разрозненной пойдёт
один, под облаками без просвета.

БЛАГОВЕЩЕНИЕ, СЛОВА АНГЕЛА

Мы все от Господа отдалены,
а ты ещё дальше нас.
Но как блаженно озарены
руки твои в твой час,
в них расцветает ясность твоя,
и чудо – твои черты.
Я – это день, роса – это я,
но дерево – это ты.

Прости, я сбился, был путь далёк,
и я позабыл ту весть,
которую я в назначенный срок
призван тебе принести.
Я должен сказать небывалое,
блуждал я средь пустоты,
видишь – благое начало я,
но дерево – это ты.

Летел я долго мглой мировой,
ни для кого незрим,
теперь этот маленький дом твой
тесен крылам моим.

Но здесь для тебя лишь тень я,
так взоры твои чисты,
и я – в листве дуновение,
но дерево – это ты.

Из ангелов каждый так боязлив,
быть первым никто не привык,
и не был ещё никогда призыв
смутен так и велик.
Скоро свершиться тому суждено,
к чему ты в мечтах идёшь.
Радуйся, Дево, в тебе зерно,
ты готова, ты ждёшь,
ты – это врата, и раскрыться им,
и я эту весть несу.
Слух твой сладок словам моим,
теперь, как эхо, неповторим
мой голос в твоём лесу.

Я верю, в тебе претворение в плоть
тысяча первой мечты.
Взглядом меня ослеплял Господь,
но дерево – это ты.

ЧИТАТЕЛЬ

Читал я очень долго. За окном
дождь прошумел, я и не знал о нём.
Мне в трудной книге каждая строка
была близка.

Слова то озарялись, словно лица,
то снова меркли, мысли затая,
а время шло, отстав от бытия,
и вдруг застыло: вспыхнула страница,
и вместо слов, в которых жил и я,
горит закат... и в каждом слоге длится.
Ещё я в книге весь, но порвались
за строчкой строчка, катятся слова

куда хотят, казалось мне сперва –
что сад заполонила синева,
казалось, что ещё вернётся ввысь
большое солнце, что зашло едва...
Но это ночь. И лето. И простор.
Спешат так поздно люди от порога,
их сводит вместе дальняя дорога,
и веско так, как будто значит много,
звучит вдали их праздный разговор.
И если я сейчас взгляну в окно,
мой взор не встретит ничего чужого:
округу всю в себе вмещало слово,
всё здесь и там предела лишено.
Но вникну в ночь, и прояснится снова
величие вещей после захода
и вдумчивая простота народа, –
земля себя перерастёт тогда.
И встанут в ряд над кромкой небосвода
последний дом и первая звезда.

НА КРАЮ НОЧИ

Тихий свет моего окна
и даль, что течёт во тьму –
одно и то же. И я струна,
которая звонко напряжена
в резонанс ко всему.

Вещи, словно виолончели,
заполнены звучной тьмой;
там женщина плачет у колыбели,
скрежещет зубами гнев немой
всех поколений...

И мой
долг звенеть серебристо: тогда
вещи с миром в ладу,
все, кого постигла беда,
отыщут свою звезду,
рождённую танцем моей струны,

свет оживит сердца
и снова в небесные тесные щели
прольётся без цели
в моря тишины
без конца...

Из поздних стихотворений

НОЧНОЕ НЕБО И ЗВЕЗДОПАД

В покое мир в свободном протяженье,
запасы света в дальних закромах.
Как странно нам любое завершенье,
и как близки отчаянье и страх!

Звезда упала. На устах у всех
случайное желанье прозвучало.
Но что ушло? И что нашло начало?
Кто провинился? Чей искуплен грех?

* * *

Пред небом моей жизни в изумленье
стою, внимая. О большие звёзды!
Восход и нисхожденье. Тишина.
Меня как нет. Я соучастник? Или
я лишний здесь? В крови прилив, отлив
подчинены ли высшему порядку? Или
мне надо сердца рвение отринуть
к тому, чтобы сродниться с этим дальним?
И пусть оно своих страшится звёзд, как будто
лишь близкое обманет, но утешит.

Париж, весна 1913

* * *

Расточаются звёзды переполненным небом
над печалью твоей. Но не в подушку,
в небо заплачь. Здесь, уже у слезы,
на самом исходе лица,
здесь, во всё проникая, берёт
начало вселенная, вос –
хитительная. Кто же сможет пресечь,
если к ней тебя тянет,
это стремленье? Никто. Разве ты сам
вдруг посмеешь сразиться с наплывом
грозных светил на тебя. Дыши.
Дыши темнотою земли и снова
всмотрись! Снова. Легко и безлико
бездна свыше к тебе припадает. Бесплотное,
полное ночи лицо уступает простор твоему.

Париж, апрель 1913

* * *

О, до любви
потерянная любимая, не пришедшая,
я не знаю, какие напевы тебя пленили,
и уже не пытаюсь в наплыве грядущего
тебя провидеть. Все оживающие
во мне картины, надвигающиеся пейзажи,
башни, мосты, города и
внезапные сгибы пути
и величие тех, богами
взлелеянных стран, – всё
обликом брезжит во мне
твоим, отходящая в даль.

Ах, сады – это ты,
и смотрел я на них
с такую надеждой. Окно
распахнулось, и словно ты
там стоишь, думая обо мне. Переулком

я иду и ещё шаги твои слышу,
и витрины ещё смущены
свежим твоим отраженьем, встречая в испуге
мой нечаянный лик. И кто знает,
не одна ли и та же одинокая птица
в нас вчера возвещала вечер?

1913–1914

* * *

Мы только голос. Кем воспета даль,
где сердца всех вещей единый звон?
Его удар внутри нас разделён
на ровный пульс. Великая печаль
и радость сердца велики для нас,
и мы от них бежим, и каждый час
мы – только голос.
Лишь внезапный миг –
в нас сердца звон негаданно возник,
и мы – весь крик.
И лишь тогда мы – суть, судьба и лик.

Сентябрь, 1923

* * *

Спящие, духи, светила
связаны не до конца;
только ночь их сплотила
умной волей творца.

Словно одной перспективой
всех увлекают сны.
Днём под крышей пугливой
мы никому не нужны.

Ночью только влюблённым
знаки Творец подаёт.
В них, как в пруду бездонном,
зыблется небосвод.

Выпущенная, как птица,
тайна, зревшая в нём,
явственно отразится
в их виденье ночном.

Август, 1924

* * *

Луг обернулся к свету и теплу,
пора настала бодрому настрою,
и лето юность чувствует корою
и гонит вверх по ветхому стволу.

Взгляд не проходит дерево насквозь,
листва кроит пространство по-иному,
и небеса всё больше по объёму, –
а сколько ждать нам этого пришлось...

ПОСВЯЩЕНИЕ ФРОЙЛЯЙН ХЕДВИГ ЦАПФ

Нас непременно чуждое влечёт:
деревья, все во власти вырастанья,
забвенья чьи-то, не-про-нас-молчанья –
но только так замкнётся оборот,

который нас к себе же возвратит,
в своё святое от всего чужого.
О вещи, в звёздах ищущие крова!
Вас краткость жизни нашей не стеснит...

* * *

Потоки слёз во сне. Долины сна.
Действительность, что в сердце сведена.
Точенье жемчуга, как будто под стеклом
увеличительным. А где всё это днём?

Уже не я, омыт слезами, свеж,
ясней кому-то виден, чем допреж,
а сам от блеска слёз моих незряч.
И мой ли этот очевидный плач?

При чём здесь я? И тот другой? При чём
здесь ангел, нас ведущий наяву?..
И утро, как гербарий: – вижу в нём
для снов моих соцветья и листву.

ГОСТЬ

Что значит гость? Я гостем был у Вас.
А каждый гость по древнему укладу,
не ведая о том, взывает к ладу
и сам к себе добрее в этот час.

Пришёл, ушёл. Да, гость не удержишь,
но, чувствуя, что близок он кому-то,
он держит равновесие уюта,
как связь между знакомым и чужим.

Юрий Лунин

ЧЕРЕЗ КЛАДБИЩЕ

Рассказ

Моему отцу и моему сыну

Мальчики во дворе играли в *сифу*: кого осалят грязной тряпкой – тот и будет сифа, пока не осалит кого-нибудь другого.

Один из ребят имел неосторожность угодить тряпкой в плечо самому высокорослому мальчику, который считался и самым сильным. Игроки сразу отбежали на другой конец двора. Обычно сифу принимались дразнить, но рослого не дразнили; никто не хотел стать его мишенью. Впрочем, ребята знали, на кого должен обрушиться его гнев.

Рослый подобрал лоскут с земли и медленно направился к луже. Там он пропитал его грязной водой, потом, взяв за уголки, отнёс в песочницу и извалял в песке, потом опустил в середину тряпки тягучий плевков и сложил её вчетверо. Всё это он проделывал умышленно неторопливо и старательно, давая ребятам время хорошенько проникнуться ужасом. И действительно: каждое его действие сопровождалось их тревожным переглядыванием. Никто не завидовал тому, в кого полетит такая тряпка. Этим несчастливцем был второй по росту мальчик – лет десяти, с круглым, не по-мальчишески красивым лицом. Он стоял в гурьбе ребят, иногда встряхивая головой, чтобы убрать волосы со лба.

Наконец рослый сорвался с места и, отведя руку для броска, побежал на ребят. Один, самый маленький, оцепенел от страха, но рослый не стал его салить, только поднёс тряпку к его носу. Как и предполагалось, ему был нужен только его обидчик. И вот рослый приблизился к обидчику и швырнул в него тряпку. Бросок был такой сильный, что ребята ахнули. Но обидчик пригнулся, и сифа, пролетев над ним, с чавканьем присосалась к бетонному забору, а потом комично сползла на землю. Ребята несме-

ло посмеялись. Это разозлило рослого, он стал бросать часто, но всё менее прицельно и сильно. А обидчик как будто поймал вдохновение: он увёртывался от сифы в прыжке, пропускал её между ног, увиливал от неё, танцуя. Один из его маневров так запутал рослого, что у того заплелись ноги, он вытянулся в воздухе и упал, больно прочертив боком по песку.

Это было уже не смешно.

Рослый побагровел и с проступившими на глазах слезами, с рёвом понёсся на своего врага. Наверное, в эту минуту он жалел, что в руке его всего лишь тряпка, а не булыжник, которым можно разmozжить врагу голову. Но ярость ослепила его, а затем быстро лишила сил. Вскоре он уже стоял, уперев ладони в коленки, и тяжело дышал. Точно так же встал невдалеке его противник. Они поглядывали друг на друга без выражения и поплёвывали перед собой, рослый – мастерски, сквозь зубы, а обидчик – по-простому, лишь из подражания рослому.

Рослый взял себя в руки и пошёл на хитрость. Он разогнулся, прошёлся по площадке, заговорил с кем-то, будто решил забыть об игре, и вдруг пулей подлетел к противнику, швырнул в него тряпкой в упор и что было силы рванул прочь. Но противник умудрился поймать «сифу» на лету и моментально вернул её рослому в спину. После этого рослый перегорел окончательно. С деланным равнодушием бросив тряпку на землю, он вышел из игры. Теперь ему нужно было поддержать свой авторитет. Для этого он легонько побил кого-то из мелкоты, после чего деловито занял ребят новой игрой.

В это самое время из подъезда пятиэтажки вышел невысокий мужчина в кепке и старом плаще до колен. В руке он держал два ведёрка – побольше и поменьше. Среди мальчишек он отыскал глазами своего сына, негромко свистнул ему и, не оборачиваясь, пошагал со двора с усталой заботой на лице.

Обидчик рослого показал ребятам ладонь, сказал:

– Пока, пацаны, – и спортивной трусцой побежал за отцом.

Рослый не растерялся. Приказав ребятам вести себя тихо, он незаметно, на подлых цыпочках, догнал обидчика, хлестнул его наотмашь тряпкой по затылку и отбежал.

– Ха, вот ты и сифа! – показал он пальцем, схватился за живот и, откинув туловище, выдал из себя смех: – Ха-га-га! Фу-у, сифа! Сифак! Прямо в голову сифу получил! Сифозный! Сифандо́с!

Сын постоял, задумчиво глядя то на тряпку, валяющуюся на песке, то на рослого, и, кажется, слёзы начали потихоньку

зреть в его глазах. Но вдруг он махнул рукой и быстрее побежал догонять отца. «Си-фа! Си-фа!» – кричали ребята вдогонку.

Отец на ходу протянул сыну дождевую курточку и кепку. Сын оделся в лесную одежду и понёс своё ведёрко.

– Плакал, что ли? – спросил отец.

– Да не... – ответил сын, но голос у него дрогнул, и он рассказал отцу про «сифу». Вместо сочувствия, которое проявила бы мама, отец поставил перед фактом:

– Ты таких ещё знаешь сколько встретишь – у-у-у...

Это, конечно, не обрадовало, но почему-то успокоило сына, словно разговор теперь был не о людской обиде, а о каких-то природных неприятностях: крапиве, укусе насекомого, раскушенной ягоде, в которую, как оказалось, навонял клоп.

Вскоре они, как обычно, подходили к кладбищу.

Кладбище было ровесником леса, деревьев там росло много, и были они такие же высокие, как в самом лесу. Из-за этого кладбище называли лесным. А лес, примыкавший к нему, иногда называли кладбищенским.

Шагая по главной кладбищенской дороге, сын по привычке гулял глазами по именам и лицам на памятниках. Почему-то взгляд останавливался всегда на одних и тех же: Тихонов Тихон Флегонтович, Рабик Зинаида Львовна, Татихин Леонид Фёдорович... Сын узнавал их, как старых знакомых, но потом дома не смог бы припомнить ни одного имени.

Где-то в этой гуще крестов и ржавых оград затерялась могила его бабушки по отцу, могила отца отца, которого он видел только на фотографиях: дед умер, когда ещё сам отец был ребёнком. По многу раз за лето и осень отец ходил за грибами через это кладбище, но почти никогда не пользовался случаем зайти на дедову могилу. Он не считал, что кладбище – это место для общения с усопшими. Он всегда говорил, что общается со своим отцом, просто когда его вспоминает. Делать это можно где угодно, но чаще всего это происходит в лесу.

Переход от кладбища к лесу был нечётким. Люди ежедневно умирали, кладбище росло, росло, и не было возможности оградить его раз и навсегда. Поэтому всегда существовала подвижная полоса, где кладбищенский лес и лесное кладбище год от года не то боролись, не то сливались воедино.

Свежие, ещё не огороженные могилы торчали в глубине леса, поодаль от остальных, взрывами песка и мусорным на-

рядом венков. Казалось, некто, выступающий на стороне кладбища, нарочно клал некоторых покойников поглубже в лесу, чтобы образовавшийся между ними и остальными промежуток леса заранее присвоить кладбищу. На этом промежутке природы ещё оставалась собой – обильно плодоносил черничник, попадались необыкновенно крепкие моховики, а иногда и подосиновики, – но человек уже чаще всего брезговал этими дарами природы как принадлежащими смерти, а не жизни, потому что впереди, словно часовые в чёрных портупях, зловеще торчали могильные венки.

Кладбище постоянно наступало.

Но и лес не бездействовал: он выбирал забытые людьми могилы, покрывал их малиной, крапивой, утаптывал дождями, так что от могил оставались лишь маленькие бугорки, неясно кем – человеком или природой – созданные. И нельзя было быть уверенным, что сладкая ягода, которую ты сорвал на таком бугорке, не напитана хотя бы отчасти мёртвым соком человека. И каждый раз, когда сын заходил в этот лес, он начинал думать о том, что подо всем, подо всем вокруг, в конечном счёте, лежат истлевшие человеческие тела.

Однажды, когда собирали грибы, сын заговорил об этом с отцом.

– Многая еда берётся из земли, правильно? А в земле всё больше покойников, ведь людей постоянно хоронят. Значит, получается, в еде тоже каждый год всё больше... ну, этого?..

Отца не столько испугали мысли сына, сколько обрадовала его рассудительность.

– Слушай-ка, а ты ведь интересную вещь сказал! Действительно, я даже помню, что в моём детстве у всех продуктов был другой вкус.

Потом отец неоднократно пересказывал знакомым и родным эту беседу, всегда показывая рукой высоту от пола:

– Представляете, вот такой вот – и заявляет! А ведь и действительно!..

Кладбище осталось позади, но в каждой лесной кочке сыну по-прежнему мерещилась забытая могила. Он всё ещё шагал по кладбищу, а не по лесу, и никак не мог почувствовать себя в лесу. В лесных ложбинах иногда встречались кучки мусора. Это был и бытовой мусор: банки, бутылки, пакеты, – и кладбищенский: полуистлевшие ленты, обломки деревянных крестов, пучки искусственной хвои, грязные пластмассовые цветы.

Время было не позднее, но на лес наплыли ненастные, тревожно-тихие сумерки. Сыну стало вдруг очень грустно и одиноко. И первый гриб, который он нашёл – польский, – показался ему большим, напитанным смертью, и сын не стал его срезать. А отец нагнулся и с небольшим довольным кряхтением срезал.

– Что ж ты не берёшь? Отличный полячок. Смотри-ка, и чиственный! Они сейчас, в основном, все червивые. Что ж, неплохо, неплохо.

И, замедлив шаг, отец стал внимательнее вглядываться в лес, иногда наступая на какую-нибудь грязную пластмассовую лилию и как будто не замечая этого.

Сын отвернулся, чтобы скрыть надавившую на его сердце жалость к отцу. Отец так по-детски был увлечён этими грибами, что совсем не думал о смерти, которая пролегает неподалёку и следит за ним.

Когда-то давно, пару лет тому назад, сын мечтал во всём опережать, побеждать отца. Когда ловили плотву – от души злился, что отец его облавливает. Когда ходили за грибами – чуть не плакал, если находил меньше отца. Бесился, проигрывая ему в шашки, пропуская от него гол...

Лишь в одном случае он спокойно принимал превосходство отца и даже готов был из соперников перейти в оруженосцы: это бывало, когда они вместе отправлялись по берегу местной реки со спиннингом за священной рыбой – щукой. Плотвы и уклейки можно было наловить в любой день, а щука была другая: отправившись за ней, можно было вернуться домой с пустыми руками. Щука могла оторвать блесну, перекусить леску, она даже пахла не так, как остальные рыбы. Сын обожал её, но при этом побаивался и не решался ловить её сам. Поэтому на время охоты за щукой он с удовольствием отдыхал от постоянной гонки за первенством.

Однажды у отца клюнула очень крупная щука – крупнее, наверное, и не клевала ни разу. Ледяная дрожь прокатилась по коже сына, его пальцы согнулись в крючки у самого лица.

– Папа... папочка... давай... давай, миленький... ну... пожалуйста! – поднывал он, будто обращаясь к Богу.

Отец тоже страшно волновался, это было видно, но работал уверенно, сосредоточенно, и сын до слёз любил его в эту минуту.

– Папочка... миленький... хорошенький... ну давай же!..

Отец медленно вывел рыбину на мелководье, между ним и щукой оставалось расстояние в два шага, не больше. Сын ви-

дел её в воде, пятнистую, толстоспинную. Она устала от борьбы и затихла, как послушный человеку зверь. Ничто не выдавало её боли, её страха перед человеком и желания уйти в глубину.

– Иди сюда, моя хорошая... – сказал отец, и потянул к ней руку, слегка отведя для натяга спиннинг.

Вот уже древний морщинистый щучий нос поднялся над водой, вот уже показались зубы в раззявленной пасти, и вдруг она мотнула жёлтым подбородком, дико обдала отца брызгами и исчезла с блесной и куском лески во рту – только тающий изогнутый след поплыл по реке... Отец проводил этот след глазами и ещё с минуту стоял неподвижно на полусогнутых ногах, увязнувших в береговом иле. Запах живой щуки – любимый запах сына – ещё какое-то время жил в воздухе, и лишь когда этот запах испарился, отец выпрямился, таинственно поглядел на сына, достал из кармана коробочку с блёснами и, слеповато глядя в неё, стал перебирать пальцем блестяшки, чтобы выбрать новую блесну. Перебирал он их неестественно долго.

– Н-да... неплохая была щучка, – сказал он, наконец, между делом.

Выражение «неплохая щучка» страшно разозлило сына. Зачем строить из себя такого спокойного, когда надо рухнуть на берегу и извиваться от горя червяком, кусать землю, выдирать с корнем пучки травы?

Сын отошёл от берега в молодой березняк и там сильно поколотил кулаками берёзу – берёзе ничего, а у него содралась кожа на костяшках и выступила сукровица. Поэтому дальше бить он не стал, а просто упал на колени и заскулил от бессильной ненависти – к берёзе и к щуке, которые были частью одной природы, посмеявшейся над ним.

Затем он вернулся на берег. Отец швырял блесну в то место, где клюнула сорвавшаяся щука. Сын понимал наивность этих швыряний, но добрых полчаса пронаблюдал за отцом, так же, как и он, надеясь на чудо. Но чуда не происходило.

– Всё, хватит уже, пошли домой, – властно сказал сын. – Что, думаешь, она такая дура, что клюнет у тебя ещё раз?

Но отец продолжал швырять.

– Говорил я тебе, что надо всегда брать с собой подсачек! – Тут сын уставил руки в боки и с настоящей ненавистью, исказив лицо и голос, изобразил глупого отца, отвергающего подсачек: – «Не-е-еть, зяче-е-емь? И так достя-анемь». Ну, и чего ты достал? Ничего ты не достал! – Тут голос у сына задрожал. – Сорвалась – и всё!

Отец быстро глянул на него и снова забросил блесну.

– Пошли, говорю, домой. Хватит тут ерундой заниматься.

– А может, дальше по берегу пройдемся? – спросил отец.

От растерянности и чувства вины он согласен был поступить, как скажет сын. – Дойдем до мостика, до камышей. Не эту, так, может, другую зацепим? Или окунька хорошего, как в тот раз?

– Да какой теперь окунек – после такого позора!

– Всё, пошли, пошли, – сказал отец и быстрым движением зацепил блесну за кольцо спиннинга. – А то так и будешь бурчать.

По дороге домой глубокий траур не сходил с лица сына. Отец шагал впереди. Его походка, штаны, куртка, его неизменная военная кепка, весело сдвинутая набок – всё раздражало сына.

– О! Смотри: жар сидит, – вдруг остановился отец и указал концом спиннинга на огромную стрекозу. Её туловище было раскрашено чередованием поперечных полосок – рыжей и красно-коричневой. Бывали точно такие же стрекозы, только с бледно-голубыми и темно-бирюзовыми полосками. Их можно было бы назвать «холод», но почему-то их тоже называли «жар».

Жар – осторожная и быстрая стрекоза, поймать её считалось большим почётом. Этот же подпустил отца совсем близко, будто предлагал себя в утешение за щуку.

– Спит, наверное, – сказал отец негромко. – Смотри, какой красавец. Поймать тебе?

– Да пошёл он, твой жар, – буркнул сын и пошагал вперёд отца.

Через несколько минут отец поравнялся с ним и заговорил:

– Сынок, если ты считаешь, что я меньше тебя хотел поймать эту рыбу, то ты глубоко заблуждаешься. Я сделал всё, что мог. Как меня учил мой отец, так я и сделал. Просто она сорвалась. Это рыбалка, понимаешь? А не рыбный магазин.

Отец положил руку на плечо сыну:

– Ты не переживай. Сегодня она нас победила – а завтра мы её!

Сын отдернул плечо.

– Завтра понедельник! Теперь только через неделю на эту чёртову рыбалку опять пойдём. И то я не пойду, потому что у тебя всё срывается.

– Ну тогда ладно, – сказал отец. – Я один пойду. Вырастешь – будешь сам ловить, и ничего у тебя не сорвётся.

– Ну и буду.

Тут и отец не сдержался:

– А пока – чтоб я от тебя слова больше не слышал! Иди и сопи в две дырочки!

Отец быстрее пошёл вперёд, а сын снова с раздражением глядел на его штаны, рубашку, военную кепку. Он вспоминал рассказы рослого. Папа рослого ездил на рыбалку редко, раза два в год, и рослого с собой никогда не брал. Зато он ездил куда-то на Ахтубу, где водятся гигантские сомы и сазаны, а щуку, говорят, и вовсе не считают за рыбу. На такой реке просто невозможно остаться без улова, на ней рыбак чувствует себя успешным, сильным, самодовольным. И именно таким – успешным и сильным, с трофеем в руках и с улыбкой на лице – сын видел в эту минуту папу рослого. А своего отца он жестоко обзывал про себя неудачником, ведь отец не поймал даже ту рыбу, которую считают сорной на Ахтубе...

Отец, пригнувшись, обходил сосну: смотрел, не найдётся ли ещё поблизости польских. А сын глядел на него и вспоминал о тогдашнем походе за щукой. Он часто о нём вспоминал, и всегда ругал себя за испытанную ненависть, но сегодня готов был просто зарыдать от стыда и горечи.

Как он мог! Надо было обнять отца, надо было сказать ему, что он прекрасно всё делал. Да он, можно считать, что поймал эту щуку, просто леска не выдержала, и это ведь действительно рыбалка, а не рыбный магазин! Ничего, пап! Не в этот, так в другой раз её достанем! Не эту, так другую возьмём. Сегодня она нас, а завтра мы её. И ведь всё равно здорово сходили. Давай попробуем жара поймать?..

Как он посмел обидеть отца! Ведь когда-нибудь отец постареет и умрёт, его положат в яму на этом вот кладбище и забросают землёй. Забросали же всех этих людей, забросали же дедушку...

Сын понял, что больше не хочет быть лучше, сильнее отца. Наоборот, во всё он хотел видеть его превосходство, его силу, его способность жить ещё долго и быть недосыгаемым для смерти.

Отец нагнул над семейкой лисичек. В это время сын увидел в шаге от него крупный белый гриб. «Вот и хорошо, – подумал сын, – сейчас он заметит гриб и обрадуется». Но отец не заметил. Он побросал свои лисички в ведёрко и, довольный ими, пошёл дальше, ударив по белому сапогом.

– Ну что ж, для начала очень даже неплохо, – сказал отец.

Сын не решился ничего говорить про белый и стал с тревогой наблюдать за отцом. Как он мог не заметить гриб? Неужели он начал хуже видеть? Неужели стареет? Неужели сын теперь грибник лучше него? Ведь ещё пару лет назад отец казался ему настоящим хозяином леса, когда смешно, сказочно настораживался и подзывал к себе сына.

– Чую я, сынок, что совсем рядом растёт какой-то очень хороший гриб, но сам я что-то его найти не могу. Может быть, у тебя получится?

Это теперь сын понимал, что отец просто наводил его на гриб. А тогда он принимал эту игру за чистую монету и начинал ходить вокруг отца, бросая подозрительные взгляды на каждую былинку. И вдруг сердце его забивалось в припадке радости – подосиновик или белый!

– Вот это да! – дивился отец. – Вот это сынок! Я бы ни за что не заметил!

Был у отца и другой фокус. Говорит:

– С меня по дороге кепка слетела, а я забыл поднять. Приноси, пожалуйста. Она во-он там около тропинки валяется.

Уже что-то предчувствуя, сын несётся к кепке стрелой, поднимает её, а под ней – вот это да! – тоже красавец-подосиновик или белый!

– Эх ты, папа, совсем ничего не видишь! – радовался сын, показывая отцу чудесный гриб.

– Старый, наверное, становлюсь, – говорил отец, пожимая плечами, и эти слова совсем не огорчали сына. А сейчас сын подождал, пока отец скроется из виду, и подошёл к грибу. Гриб не был раздавлен, только помят. Сын взял его и побежал к отцу.

– Пап, представляешь, я сбил ногой белый, а так бы я его даже не заметил.

– Что ж ты, – спокойно сказал отец. – Надо повнимательнее.

Он с большим уважением к грибу считил ножичком землю с ножки и вручил гриб сыну.

Сын не понимал, правильное ли это чувство – жалость к отцу.

Взять, например, того же рослого. Тот, кажется, совсем не жалеет своего папу. Бывает, его папа возвращается с работы, позвякивая гаечными ключами в чёрной сумке, висящей на плече, и присаживается у подъезда на скамейку, чтоб выпить банку пива и выкурить сигарету. Рослый, как только завидит его, тут

же бросает все игры и бежит с ним боксировать. Метит в живот, в лицо, в пах, и ведь бьёт не понарошку, а всерьёз, хочет сделать отцу как можно больнее. Да и отец не даёт ему спуска. Нет-нет да и раззадорит тычком в ребро или в подбородок. Один раз до слёз довёл – своего же сына!

Он не любил эту игру и смотрел на неё издали с тревогой, а остальные ребята наблюдали за ней с завистливым азартом и в конце концов не выдерживали – обступали скамейку и робко спрашивали, нельзя ли и им попробовать подраться. Папа разрешал, и ребята по очереди нападали на него. Иногда он ловил своей большущей ладонью чей-нибудь летящий в него кулачок и одним круговым движением заламывал маленькому противнику руку. Противник тут же сгибался, едва не чиркая носом по асфальту, и все ребята смеялись, а папа, туша свободной рукой сигарету, спокойно спрашивал:

– Та-ак, а сейчас – как мы выкрутимся? Никак. А всё почему? Потому что удар должен быть быстрый: хоба! – и сразу руку на место.

Потом рослый предлагал:

– Пап, а давай мы с тобой вдвоём, а они все вместе?

Но папа уже ставил на асфальт допитую банку и уходил в подъезд. Ребята обсуждали приёмы, которые он им показал, и пробовали их друг на друга.

Сыну это было неприятно и неинтересно, он уходил домой.

В лесу темнело и темнело, как будто небо постепенно смыкало больные глаза. В синеватом сумраке гнездились на земле следы чьей-то забытой жизни: то попадался на пути одинокий кроссовок, поросший мхом, то испачканные красной краской (или окровавленные?) тряпки, то ржавый остов детской коляски, то рука пластмассовой куклы. Сын глядел на всё это с тоской, которую не мог объяснить. Ему хотелось вернуться в прошлое и посмотреть моменты, когда эти предметы были оставлены здесь. А ещё хотелось узнать, где теперь их бывшие хозяева. Живы ли они? Почему-то казалось, что нет.

– Загадили весь лес, – ругнулся меж тем отец. – Поймал бы – ноги поотрывал.

Сын улыбнулся: бодрым, бойцовским словом отец напомнил о жизни в этом тоскливом, говорящем о смерти лесу. И даже какая-то птица, которая прежде молчала, деловито ответила ему с вышины: «Си-тю». Сыну захотелось, чтобы отец сказал ещё что-нибудь, и вскоре его голос раздался снова.

– О, – спокойно сказал он, глядя куда-то вверх. – Кажется, это *они*.

Сын поднял голову. На старой берёзе, на высоте нескольких метров, громоздилось целое облако опят.

– Надо палку длинную подыскать и сбить их, – предложил сын.

– Зачем палку? Палкой мы их сильно повредим, – отвечал отец, не сводя глаз с опят, как будто без его присмотра они могли спорхнуть с берёзы. – Давай! – скомандовал он вдруг решительно и стал на четвереньки около дерева.

Сын тяжело вздохнул. Ведь это означало, что он должен встать ногами отцу на плечи. Он сейчас как никогда прежде был против этой затеи – топтать отца, который, скорее всего, уже начал стареть.

– Пап, может, не надо?

– Надо. Давай, – произнёс отец откуда-то из корней берёзы, и сын понял, что если откажется ещё раз, отец может и прикрикнуть. Дрожащими ногами он встал ему на плечи. Отец начал подниматься, а сын сосредоточенно вникал в поведение всех его мышц – много ли в них ещё осталось силы для жизни?

– Достaeшь? – спросил отец, став в полный рост.

– Нет. Сантиметров двадцать не достаю. Опускаясь, пап, давай всё-таки лучше палку найдём.

– Вставай на голову мне, – не слушал отец. – Вставай, вставай.

– Пап, я не...

– Вставай, я кому говорю! – рявкнул отец, и сына это обрадовало, потому что немного отвлекло от жалости.

Сын поставил на голову отцу трясущуюся ногу, бережно перенёс на неё вес тела и принялся нервно ощипывать берёзу, отбрасывая опята куда попало.

– Не бойся... Не торопись... – говорил отец, громко дыша. – Не рассыпай далеко...

Наконец, дело было сделано. Отец, красный от напряжения, стряхнул с себя берёзовую труху, поправил кепку и стал, ползая на четвереньках вокруг берёзы, собирать опята.

Сыну вдруг захотелось подойти к нему и сказать что-то важное. Но отцу было так хорошо среди грибов, что сын боялся нарушить его радость. К тому же, он не знал, с чего начать. На природе они с отцом никогда не говорили ни о чём важном. Точнее, важным становилось другое – грибы, ягоды, рыба.

Дома отец как правило маялся. Всё приходилось думать о работе, о деньгах, которых хватит ли на жизнь? Из телевизора постоянно сочилась какая-то вязкая гадость, она обволакивала отцу голову и делала его раздражительным, и отец искал пультом фильмы, в которых один простой и хороший человек объявлял войну сотне плохих и побеждал в этой войне, ненадолго разрешая все душевные противоречия зрителя. А насмотревшись этих фильмов, отец уже был доволен, что пришло время спать.

Настоящим человеком он чувствовал себя только на природе.

Он любил природу страстно и без лишней романтики. Охотник в нём преобладал над созерцателем. При хорошем клёве он забывался настолько, что держал у себя в губах нескольких извивающихся червей, чтобы, поймав очередную рыбу, не тратить время на поиск нового червяка в банке. В такие минуты бесполезно было что-нибудь спрашивать у него, о чём-то ему рассказывать. Он не слышал. Он пронизывал взглядом таинственную тёмную гладь и напряжённо кивал головой, помогая поплавку поскорее утонуть. Он говорил, что рыбак должен представлять себя рыбой, которую хочет поймать.

Но и созерцатель, несомненно, в нём жил. Ведь любовался же он тогда, после упущенной щуки, спящим жаром. А однажды, когда на кончик его удочки (видимо, приняв её за ветку) сел зимородок, отец застыл и стоял не шелохнувшись, а поплавок всё нырял и нырял от поклёвок плотвы... Когда зимородок, наконец, спорхнул с удочки, отец медленно повернулся к сыну. В его глазах влажно дрожало счастье.

– Сынок, ты видел? Видел его?..

И сыну показалось странным и обидным, что этот человек уже сегодня вернётся в городскую квартиру, где ему так неудобно, где он будет снова считать деньги, ругать начальника, чиновников и, может быть, даже собственного сына, – а всё только потому, что его настоящая душа осталась на этом берегу.

Как-то сразу, без прелюдии первых осторожных капель, пошёл крупный дождь; будто кто-то очень долго молчал и вдруг заговорил, спокойно и надолго. Отец предложил встать под ёлку, подождать – вдруг скоро пройдёт?

Лапы у ели начинали расти высоко, но были длинными и спускались почти до самой земли, так что отцу и сыну сразу стало уютно под ёлкой, как в шалаше. Дождь ещё не начал про-

текать сквозь хвою, и было приятно стоять в сухости и слушать, как капли стучат по земле и растениям снаружи.

– Вообще-то, может, и надолго, – предположил отец, послушав, как уверенно, без перепадов шумит дождь. Вдруг его лицо осветилось какой-то хорошей мыслью, и он обнял сына одной рукой. – А ну и что. Грибков-то мы с тобой, сынок, уже успели набрать, правильно?

– Конечно, – ответил сын и тоже вдруг обнял отца обеими руками, и они молча стояли, обнявшись. Такое было между ними впервые. Они знали друг друга уже десять лет, и лишь сейчас дождь привёл их в место, где можно было поступить только так – обняться и стоять. Сын чувствовал, что сейчас отец не думает ни о грибах, ни о работе, ни о деньгах; сейчас он думает о том, что у него есть сын, и что это хороший сын. А сын думал об отце и уже не хотел ни о чём важном ему говорить. В его душе ещё жила грусть, но он чувствовал, что эта грусть не кладбищенская, она пройдёт, как проходит дождь.

Отец погладил сына по голове и легко, без горечи, вздохнул:

– Жалко, сынок, что твой дедушка так рано умер и ты его не застал. Сейчас бы он обязательно стоял здесь с нами. Знаешь, как он тоже любил грибы собирать? У-у-у...

– И рыбу ловить, да?

– У-у-у-у...

И отец не в первый раз рассказал о своём детстве, о рыбалке на тогдашней, ещё такой чистой реке. Сын обрадовался этому привычному рассказу, потому что минута объятий была для него слишком огромной и важной, чтобы длиться долго. Как обычно, он просил отца показывать размеры тогдашних окуней, ельцов, плотвы, и почти что видел между указательными пальцами отца живых рыбок. Они резвились в прозрачной воде, блестящие на солнце и весёлые, как само детство. Сын любил их всем сердцем и благодарил за то, что когда-то они послужили радостью его маленькому отцу и ещё живому дедушке.

Сидя на уроках, он ещё не раз положит свои указательные пальцы на край парты, чтобы снова отмерить ими плотву, ельцов, окуней, которых когда-то ловили отец и отец отца.

*д. Следово, Ногинский р-н,
Московская обл.*

Яна Сафронова

«КОГДА Я ВЫРАСТУ, Я ХОЧУ БЫТЬ МАЛЕНЬКИМ МАЛЬЧИКОМ»

О прозе Юрия Лунина

Я живу в тоске, меня мучит мысль, что я не герой, не открыватель. Способен ли я на подвиг? Не знаю. Способен ли я на тяжкий труд, хватит ли у меня сил на свершение великих дел? Хуже всего то, что никто не понимает моей муки.

Юрий Казаков, «Двое в декабре»

Юрий Лунин – один из самых талантливых молодых прозаиков в современной литературе. Несмотря на «отмеченность» премиями (от «Справедливой России» до российско-итальянской «Радуги») и регулярные публикации в «толстых» журналах, в критике имя писателя звучит очень редко. По сути, о Луине можно прочитать всего лишь одну критическую статью профессора Виктора Баракова¹. Но в то же время встретить массу упоминаний коллегами, которые то называют Лунина «прозаиком, состоявшимся давно»², а то говорят, что «герой всеми любимого Юрия Лунина ходит и поет»³. В профессиональном сообществе творчество Лунина неизменно вызывает разноречивую реакцию и даже приводит к дискуссиям. Например, на публикацию рассказа «Клетка» на сайте «Российский писатель» литераторы откликнулись широко и полярно. Выставлялись разнообразные оценки, от «апофеоза бездуховности» до «редкой, полноценной, всемогущей прозы». Постоянная неоднозначность в какой-то

¹ Бараков, В.Н. Жить без любви – невозможно, немислимо // Родная Кубань. – 2018. – №2

² Тулушева, Е.С. Молодёжь в поисках // Литературная газета. – 2017. – №14.

³ Декина Е.В. Между нами – бездна // Российский писатель. – 2018.

мере действительно отражает проблемность и зыбкость творческого метода Лунина, но для полного его понимания и характеристики необходим более подробный критический разговор.

В случае с этим молодым писателем всё далеко не так просто. Восхитившись одним его произведением, можно с полной уверенностью сказать, что он явление в современной литературе. Прочитав другое, лишь в недоумении развести руками. Ознакомившись с пластом всего написанного, вдруг осознать, что первое органически проистекает из второго.

В своих произведениях Лунин продолжает традиции так называемой лирической прозы, основы которой заложены Юрием Казаковым, Георгием Семёновым, Виктором Лихоносовым. Одной из характерных её черт является концентрация на герое, схожем с автором или даже тождественном ему, перенесение на него «центра» повествования. Для Лунина эта черта основная, определяющая, потому так важно будет проследить эволюцию героя.

Проза Лунина – это история о горьком и тяжёлом взрослении, наполненная разрушающей жалостью к себе и ко всем вокруг. История, творец и участник которой постоянно ищет прикосновения смерти, чтобы осознать: всё-таки жив. Сначала восторженный мальчик, затем сомневающийся подросток, наконец – разочаровавшийся мужчина, герой лунинской прозы проходит все этапы становления на пути к истинной зрелости, но так и не достигает её. В этом его трагедия, типичность и неутиешительная современность.

МАЛЬЧИК

Мальчик ещё только начинает познавать мир природный и человеческий. Помощником ему в этом всегда служит отец или дед, старший проводник мужского пола. Своей внушительной фигурой он закрывает солнце, защищает ребёнка от яркого света. А ещё помогает герою социализироваться. Подсказывает, как вести себя во взрослом мире, в ситуации соперничества или даже открытого конфликта.

Рассказы «Успение», «Сеня», «Гады», «Через кладбище» объединяет мотив социализации. В «Сене» отец на семейном празднике подначивает сына сыграть на гитаре, в результате мальчик узнаёт радость всеобщей похвалы и признания. В рассказе «Гады» дед показывает внуку мерзость и напыщенность

мира провинциальной интеллигенции. В «Успении» главного героя обижают во дворе, и дед преподаёт ему уроки «мужского» поведения: советует сначала предупредить, а потом и ударить обидчика. Событийно схожую экспозицию видим мы и в рассказе «Через кладбище»: хулиган задирает ребёнка, но, когда мальчик рассказывает об этом отцу, тот сводит на нет трагическую значимость случая короткой репликой: «Ты таких ещё знаешь сколько встретишь».

Какие бы советы ни давали взрослые мужчины, все они остаются для мальчика былинными богатырями, непререкаемыми авторитетами. Но лишь до той поры, пока не дискредитируют своё совершенство. Например, дед в «Гадах» всегда ходит в кроссовках, это выгодно отличает его от всех прочих стариков, выдаёт в нём человека энергичного. Его смертность приводит героя в изумление: «Оказывается, все эти годы я был убеждён, что дед – мой лучший друг и любимый герой – бессмертен. Но вот и его молчаливым бесчувственным кольцом сжала смерть». Идеальный, сильный образ оказывается разом повержен: умирает дед «без кроссовок, болезненно и долго». Как следствие – за него хочется отомстить всему миру, ведь настоящего героя могли убить только силы извне.

И если «Сеня», «Успение» и «Гады» – самоцельные зарисовки на тему социализации ребёнка, то рассказ «Через кладбище» лишь отталкивается от неё. В нём Лунин рисует многомерную картину отношений родителя и ребёнка, концентрируется на психологическом аспекте.

Отец и сын идут в лес за грибами: путь их лежит через кладбище. Мальчик быстро забывает о неприятном происшествии во дворе, он наблюдает за отцом и природой. Сопоставляет своё поведение несколько лет тому назад и сейчас, во время прогулки. Считает, что был глуп и эгоистичен. Во всём соперничал, уступал только в священном деле: рыбалке. А когда однажды отец упустил рыбу, мелко и глупо на него сорвался. Теперь мальчик горько жалеет об этом: «Как он посмел обидеть отца! Ведь когда-нибудь отец постареет и умрёт, его положат в яму на этом вот кладбище и забросают землёй. Забросали же всех этих людей, забросали же дедушку...».

Ему больше не видится во всём повод для соревнования, неожиданно он понимает: человек смертен, и его папа – тоже человек. Впервые в жизни ребёнок чувствует щемящую жалость, и это – взрослое чувство. Везде чудятся ему знаки угасания и старения, кажется, что отец стал хуже видеть. Трогатель-

но и убедительно описаны нежные отношения взаимной игры и заботы: «На старой берёзе, на высоте нескольких метров, громоздилось целое облако опят. <...> – Давай! – скомандовал отец и вдруг решительно стал на четвереньки около дерева. Сын тяжело вздохнул. Ведь это означало, что он должен встать ногами отцу на плечи. Он сейчас как никогда прежде был против этой затеи – топтать отца, который, скорее всего, уже начал стареть».

Внутренняя перемена не происходит сама собой, она продиктована внешним миром. Внушительный образ, созданный Юрием Луниным, принадлежит к его любимому типу художественного приёма. Антитеза леса и кладбища, живого и мёртвого, настолько поражает мальчика, что в одночасье меняет для него всё. «Переход от кладбища к лесу был нечётким. Люди ежедневно умирали, кладбище росло, росло, и не было возможности оградить его раз и навсегда. Поэтому всегда существовала подвижная полоса, где кладбищенский лес и лесное кладбище год от года не то боролись, не то сливались воедино», – кожей ребёнок чувствует рост всемирного кладбища, неумолимость великой природы.

В рассказе «Через кладбище», в отличие от остальных произведений о детстве у Лунина, происходит очеловечение идеала взрослого. Из капризного мальчишки главный герой превращается в юношу и понимает многообразие мира, его двойственность и загадочность, где сила может оказаться слабостью и наоборот: «Сын понял, что больше не хочет быть лучше, сильнее отца. Наоборот, он во всём хотел видеть его превосходство, его силу, его способность жить ещё долго и быть недосыгаемым для смерти». Отец не теряет героики, но из наставника превращается в друга. Кроме эгоистического ребячьего желания «вырасти об него» герой приобретает навык сопереживания, начинает видеть не только себя.

... И продолжает взрослеть.

ЮНОША

Отец отошёл от солнца, он больше не наклоняется ласково над героем. Лучи ослепляют, но прожгут ли они насквозь или мягко коснутся юношеской кожи? Мальчик вырос, теперь дело познания мира – только его ответственность и забота. В произведениях о мятежном подростковом периоде писатель Лунин

и сам будто переживает пубертатную «ломку». Его творчество здесь развивается в двух направлениях: ярком беллетристическом и истинно художественном. На этом же возрастном материале написаны худшие и лучшее его произведения.

Слово «беллетристический» здесь употреблено в широком литературном значении¹. В беллетристических текстах Лунина хоть и верно схвачена современность, однако отсутствует объём и глубина, они публицистически прямолинейны. Да, в рассказах «Бабочка», «Где музыка ваша» и «В морге» проживает пустую жизнь современный подросток. Он тянется к общению со сверстниками, но не может получить от него удовольствия. Пытается найти себе занятие – едет на дачу, идёт на «вписку», ради экстрима может посетить даже морг, но ничего не спасает его от упрямого внутреннего безделья. Ведь сколько таких детей в спальных районах Москвы (да и не только Москвы) пьяно бродят из подъезда в подъезд, из квартиры в квартиру только для того, чтобы не чувствовать одиночества в собственном доме.

Все вышеперечисленные тексты объединяет навязчивое самоощущение героя: неприятие себя и компании, чувство отращения и тупой боли. Вот главный герой в «Бабочке» случайно чуть не уронил на девушку кусок шифера, когда спускался с крыши: «Завтра предстоял её день рождения, и кто-то пошутил, что по моей милости она бы могла просто до него не дожить. Тут мне совсем стало гадко, захотелось просто не быть, умереть, но я, как обычно, вспомнил, что убить себя не могу, потому что боюсь». А вот – молодой человек в рассказе «Где музыка ваша» наконец решает посмотреть видео с записью игры на гитаре своего умершего друга. Тогда, в момент импровизации, в обкуренном состоянии она казалась ему гениальной, но потом: «Оказывается, это было по-настоящему жалкое зрелище. Вусмерть угашенный человек наугад долбит по струнам расстроенной гитары. Мерзко фонит комбик. Фонит само пространство – тесное и омерзительно реальное, наполненное шорохами, кашлями, дыханиями. Десять минут бездарного брэнчания, тошного хаоса». Вытащить из состояния непроницаемого бесчувствия способно только одно: столкновение со смертью.

¹ Вадим Кожин «Статьи о современной литературе»: «Беллетристическое произведение лишь воспроизводит определённый круг жизненных явлений – либо для того, чтобы выразить ту или иную проблему, концепцию (идеологическую, философскую, научную, моральную и т.п.), либо для того, чтобы указать на важность самих этих явлений действительности <...>»

Лунин изо всех сил пытается «оживить» героя и спровоцировать на поступок, даёт почувствовать цену жизни. В «Где музыка ваша» на глазах у всех умирает от водки тихий и скромный паренёк; в «Бабочке» молодой человек случайно чуть не убивает бабочку и это становится важным эпизодом поездки за город; а компания из рассказа «В морге» предпринимает вылазку в морг, чтобы что-то понять и почувствовать новое. Но шоковый эффект не долгосрочен, не приводит к кардинальным изменениям. От «как прекрасен живой человек» после выхода из дома смерти герой через два абзаца приходит к: «видимо, этот ликующий гимн звучал во мне очень недолго, иначе связанные с моргом приключения не пролежали бы столько лет без надобности <...>» Робкой рукой Лунин орошает героев мёртвой водой, срывает их дырявые сердца, но забывает о воде живой, поэтому они не начинают биться.

Вязкие, протяжённые в никуда рассказы «хромают» и стилистически. Пытаясь верно передать речевой поток подростка, Лунин впадает в скучную разговорность, от которой негде отдохнуть: «Поняли тогда, что на хавчик пробило конкретно. Забрели в «макдак», гамбургеров нажрались так, что челюсти заболели. Отвалились на стульях, картошку с соусом доедать уже не стали. Спать всем захотелось. На этом и разошлись – уверен, что все в говённом настроении» («Где музыка ваша»).

Выгодно выделяется среди произведений беллетристического типа повесть «Пастораль». В ней прожектор направлен уже не на конкретного героя, Лунин психологически полноценно изображает взаимоотношения семьи. Из-за «расширения» автору удаётся выйти на художественное обобщение и показать одну из сторон современной России, но сделать это в пределах схемы.

Обычная русская семья достатка ниже среднего: мать, отец, сын Илья и дочь Настя. Все заняты побегом от себя: отец постоянно смотрит телевизор и играет в жестокие компьютерные игры; мать маниакально разгадывает японские кроссворды; вне их поля зрения дочь читает классическую литературу и превратно усваивает её уроки; сын проводит время, тягая гирию или выпивая с друзьями в окрестных дворах и подъездах. Это простая разметка: Настя – проекция матери, они обе действуют интеллектом, а Илья – отражение отца, оба силой компенсируют «застой» воли. Инфантилизм родителей, их пассивная позиция отражается на психике детей, которую формируют обстоятельства и люди «вне» семьи. И кажется, что всё это верно и умно...

Но высказывание получилось прямым и не совсем художественным. В «Пасторали» всё просто и даже примитивно. Лунин нашёл виноватого и прямо заявляет об этом в диалогах героев. Отец, слегка выпив на дне рождении сына, признаётся жене: «Надоело рожи видеть весёлые по ящику. Галкин, хералкин. Думаешь, мне это всё нравится, раз я смотрю? Нет, Валя. Всё к чертям катится, а они юморят, смеются, в баб переодеваются, голые бегают, чтоб нас с толку сбить. А шутки-то все хреновые, про сиську и письку, а мы как свиньи — нам, вроде, плевать, что в корыто набросали. Всё сожрём...» Мотив «информационной атаки» повторяется почти в каждом произведении писателя. Даже в лирическом «Через кладбище» сквозь текст менее агрессивно звучало: «Из телевизора постоянно сочилась какая-то вязкая гадость, она обволакивала отцу голову и делала его раздражительным, и отец искал пультом фильмы, в которых один простой и хороший человек объявлял войну сотне плохих и побеждал в этой войне <...>» Это совершенно справедливый упрёк, наболевший и существенный. Но должен ли исчерпываться ими образ отца, возможно, в нём есть нечто большее, если внимательно присмотреться?..

В общей картине мира «Пасторали» не хватает второго плана. Мальчик, лишивший Настю девственности и укравший у неё деньги, оказывается сыном полицейского чиновника. Но не все плохие люди дети депутатов. Аморальная «заряженность» поступка кажется автору недостаточной, поэтому он по-журналистски пририсовывает герою нужное социальное положение. Думаю, такой творческий максимализм Лунина может быть связан с тем, что написана «Пастораль» чуть ли не первой из всех упоминаемых текстов.

Итак, Лунин выставляет точный, хотя и не слишком подробный диагноз современному обществу. Иным же образом всё складывается, когда писатель «изымает» своего героя из окружения сверстников и отправляет на поиски себя в природные условия. Солнце становится ласковым, смотреть на него уже не так тяжело, а познание происходит на уровне несравненно более высоком. Изменяется, обогащается язык, потоком несутся образы и точные психологические наблюдения. И если переходные «Прудка» и «Святой день» только иногда взблещивают художественной силой, сосредотачиваясь на обрывком данных взаимоотношениях героя с призрачными героинями, то рассказ «Три века русской поэзии» весь, от начала и до конца, пронизан лирическим трепетом и сиянием. Не преувеличением будет ска-

зять, что это классический текст и безусловно лучший у Юрия Лунина.

«Три века русской поэзии» – рассказ об осознании поэтической природы мира. Семнадцатилетний парень попадает в больницу с аппендицитом и пропускает экзамены. На книжной полке он находит антологию русской поэзии. После её прочтения что-то для него неумолимо меняется. Тем временем отец давит с поступлением, и юноша решает сбежать на денёк, с велосипедом отправиться к реке. Тут и начинается череда случайных встреч, в результате которых молодой человек многое узнаёт о себе и о других.

И хотя на протяжении всего рассказа читателя не покидает ощущение лёгкости и «выдохнутости» этой вещи, сделана она математически точно. Антитеза руководит движением рассказа: встречи героя с людьми влекут за собой появление их антиподов, что даёт возможность понять ценность предыдущего знакомства. Не зря после светлой стеснительной девушки возникают вычурные, навязчивые мать и дочь: так парень узнаёт, чем сдержанная красота отличается от кичливой пошлости. Также не случайно рядом даны образы отца Андрея и работника при храме, бывшего зэка Матвейки. Антитезой является и изначальная оппозиция уже знакомого нам обывателя отца и поэта-сына. Даже на уровне локальной образности всегда – двойственность: «Впереди уже виднеется родной лес. А вот то место, где он лежал сегодня после встречи с ней. Это место не узнать: оно золотое, а за ним совершенно чёрная река». В сравнении и наблюдении за диалектикой природы герой обретает себя.

Поэтическая «Одиссея», «Три века русской поэзии» – современная реализация сюжета мифологического типа¹. Всё по классической канве. Главный герой ощущает зов странствий и отправляется в путешествие, где должен примириться с подсознательным отцом и пережить внутреннюю трансформацию. Он видел и избежал настоящих сирен: «Водяная лилия! Русалка! Сирена! Вы художник – вы просто обязаны нарисовать её обнажённый портрет! <...> Она неестественно хохочет и выкрикивает что-то ещё, но парень уже не может разобрать слов». Прошёл испытание трудом и соревновался в нём с циклопом: «Матвейка – человек неопределённого возраста с изувеченным лицом. Одну его глазницу, в которой то ли есть, то ли нет глаза, целиком закрывает набухшая оттянутая бровь». И, наконец, как

¹ Кэмпбелл Джозеф «Тысячеликий герой». – СПб.: Питер, 2018. – 352 С.

любой герой мифа, вернулся домой с наградой: понял, что станет поэтом, ведь по-другому просто не может.

Это не единственный культурологический «слой» произведения. Можно рассматривать его и в триаде ад-храм-рай, несколько раз это открыто проговаривается. Кроме того, каждая встреча на пути героя – его приобщение к тому или иному типу лирики: любовной, гражданской, церковной и философской.

Говорят, писать стихи о стихах – дурной тон, сложно сказать что-то новое, ещё труднее изобрести общеупотребимую поэтическую формулу. Так вот Лунин написал прозу о стихах, и сделал это лиричнее иного поэта. Процесс рождения стихотворения схвачен на бегу, пойман за крылья: «Даже так: стихи уже содержатся в мире, только в особом, небуквенном виде. Поэт – это человек, который может их записать для людей. Стихи уже есть... Его ладони моментально вспотевают и начинают скользить по ручкам руля. Он чувствует близость какого-то нового, ещё никем не записанного стихотворения. Он не может назвать из него ни строчки и даже не в состоянии сказать, о чём оно, и в то же время каким-то таинственным образом уже знает его целиком, ощущает его бесспорное, уже готовое существование, как будто эти сосны и это поле без перерыва поют это стихотворение, как собственный гимн, – надо только вслушаться и перевести на человеческий язык. Какую-то долю секунды парень пребывает в совершенной уверенности, что эта задача элементарна, что гораздо сложнее ощутить само присутствие стихотворения, чем записать его, – но уже в следующее мгновение он стоит перед страшным фактом: услышать и записать ничего не получается. Стихотворение есть – но его нет». Мы наблюдаем за захватывающим актом творчества, где в одном мгновении рассказана, в общем-то, вся жизнь.

В «Трёх веках русской поэзии» случается то, что не удавалось писателю ранее. Персонажи в рассказе – не идеализированные образы, не социальные типы, не растения для антуража в душающем болоте безвременья. Все случайные незнакомцы – настоящие люди. Лунин создаёт выпуклые, разнообразные характеры. Самый незнакомый и чуждый из них Лунину до этого, и одновременно один из самых удачных, – Матвейка, работник при храме.

Матвейка человек хитрый, пробивной, как мы узнаём по намёкам, с богатым криминальным прошлым. Отец Андрей обещал ему дать денег на билет, потому Матвейка со скрипом выполняет ежедневную работу. Но в то же время есть в нём,

кроме грубой практичности, и тоска по далёкому сыну, и переживание за него: «Знать бы только, жив он или нет, в тюрьме или на свободе». А ещё – правдивое осознание своей «непрошибаемости» и толстокожести. С самого начала Лунин даёт исчерпывающую портретную характеристику рябого Матвейки: «Единственный его видимый глаз напоминает одинокое крохотное солнце в стене уродливой башни, по скупому свету которого только и можно судить, что внутри этой башни ещё теплится какая-то жизнь». И всё-таки свет есть, и Лунин его видит.

Появляется как полноценное действующее лицо отец. Отношения с ним усложнились, что естественно для подростка. Сцена их диалога с сыном, обстоятельного и нервного, одна из самых удачных в рассказе. Сначала тихие расспросы, затем напористые убеждения, в конце – взрыв от бессилия. И всё затихает, прислушивается, готовится к важному разговору: «Летний вечер, который до этого казался продолжением дня, в одну секунду стал началом ночи. <...> Трудно было сказать, что именно изменилось (быть может, затих на улице какой-нибудь неумолчный детский голос, который служил до этого незаметным сердцебиением дня), но воздух комнаты, не освещённый электричеством, наполнился вдруг той тихой печалью, которую испытываешь у постели медленно угасающего человека».

Готовность к подробному исследованию тонкостей взаимоотношений родитель-ребёнок уже была в рассказе «Через кладбище». «Три века русской поэзии» видится мне развитием того, что уже там намечалось. Есть и прямые отсылки: Матвейка и главный герой идут работать в поле через кладбище. В обоих рассказах есть высокое ощущение природы и её влияние на внутренний мир героя. Убираем «натуральный» компонент, и проза Лунина этого периода превращается либо в мрачную безвыходную саморефлексию, либо в остросоциальную схему.

МУЖЧИНА

Солнце зашло. Герой повзрослел, и наступила ночь. В холодной тьме его путь не освещает даже луна: проклюнулись мелкие звёзды и в их несмелом сиянии он бродит, ищет чего-то и никак не может найти. Твёрдо знает одно: что-то было сделано неправильно. Возможно, что и всё. В рассказах «Под звёзда-

ми», «Новая жизнь» и «Клетка» – три попытки излечения от болезни двадцать первого века: слабоволия.

У героя рассказа «Под звёздами» Миши был сердечный приступ, теперь ему категорически нельзя пить и употреблять наркотики. Но от алкоголя он удержаться не может и не хочет. Миша даже не пытается: разобраться, измениться, отказаться. Он просто садится в лодку и уплывает, с бравадой вопрошая Бога: «Спасёшь ты меня теперь?». Выход из слабости для Миши – бегство и перекаладывание ответственности на другого.

Иначе поступает мужчина в «Новой жизни». Однажды ночью он осознаёт, что «уснуть ему не даёт ощущение, что он мелкий, тупой, ограниченный человек». Он становится внимателен к детям и жене, исполняет все просьбы. Плата за изменение силой, без настоящей внутренней трансформации – физическое увечье: на шею нарастает, сдавливает петлёй новообразование.

Понимая необходимость перемен, герой «Новой жизни» действует по линии поведения подростков из беллетристических рассказов. Он коллекционирует смерть, чтобы осознать жизнь: «Но самой странной из его перемен была следующая: он стал приносить с улицы разные мелкие предметы. Это были перья птиц, крылья бабочек, плоды каштана, кусочки древесной коры, отслужившие детали неизвестных механизмов». Но новая жизнь с проблемами старой невозможна, потому затишье в семье главного героя кажется кратковременным...

Рассказы «Под звёздами» и «Новая жизнь» оставляют мелкое ощущение недосказанности, это отстранённые и хаотические тексты, в которых люди пытаются сделать хоть что-то, чтобы стало легче. Чувство отчаяния и тщетности не пропадает и в рассказе «Клетка», даже получает развитие. Но в «Клетке» благодаря переключению повествовательной точки зрения Луину удаётся лучше разглядеть героя, рассказ от первого лица превращается в пронзительную исповедь во всём разочарованного человека. Тут уже не автор смотрит со стороны на происходящее, его роль берёт на себя герой, из-за чего постоянно кажется, что события, развивающиеся в «Клетке» – просто чьё-то страшное сновидение.

Мужчина живёт с нелюбимой женщиной, они воспитывают общего нежеланного ребёнка, постоянно ссорятся. После очередного конфликта мужчина решает уехать, берёт первый попавшийся билет и отправляется в Таганрог. По пути он знакомится с девушкой, у них начинается короткий курортный роман... Шаг отдаётся болью во всём теле, каждое движение тщательно

анализируется. Герой решается на измену, но раскаивается заранее. Разбитый, жалкий, пьющий и иногда плачущий – таким вырастает мальчик, который думал, что в жизни есть безусловный идеал.

Из «Клетки» мы узнаём, что причина, по которой взрослый рухнул на колени и не смог подняться, – невоплощённость ожидаемого, мечтаемого. Раздумывая о том, почему не сложился брак, герой произносит: «Мы улыбались на свадьбе, мы надеялись на хорошее, на лучшее»; «Нам с женой тоже была предоставлена целая жизнь, с сотнями морей, городов, с сотнями вещей, которым можно было бы научиться. Так казалось. Но вышло, что и в жизни всего очень мало. Меньше, чем казалось», – то есть, должно было быть просто хорошо, без усилий, как данность. Но не получилось, ведь мир место ограниченное.

Стремление всё приукрасить, возвысить приводит к тому, что и свою случайную любовницу герой предпочитает оставить светлым образом, абрисом женщины. Они не обмениваются именами и особенно не разговаривают. При первой встрече ему кажется, что её золотистые волосы светятся нимбом; на десятый раз он разглядит ««простые, жидковатые волосы, и пористую кожу головы». Третьего не дано: либо ангел, либо вопиюще земная женщина с бытовыми порами. Если идеализируемые люди оказываются обычными, они теряют символические внешние атрибуты. Повзрослевший герой Лунина всё делит на чёрное и белое, он сталкивается с той же проблемой непреодоленной идеализации, что и мальчик из первой группы рассказов. Фактически, он всё тот же инфантильный ребёнок, только теперь ему тридцать лет.

Единственное, что выдаёт в нём взрослого человека, – болезненное, постоянное осознание неправильности. Из-за этого герой не может получить удовольствия от измены. С самого начала мужчина будто находится в разрушающемся здании, он понимает это уже в поезде на пути в Таганрог: «Я лежу и чувствую, как ко мне подбираются муки ада». Пожалуй, именно муторное, правдивое и тщательно прописанное моментальное раскаяние отличает «Клетку» от рассказов «Под звёздами» и «Новая жизнь», «углубляет» произведение и выводит его на другой уровень.

В целом же Лунину пока не удалось осознать в творчестве взрослого героя. Писатель будто ещё не очень хорошо его знает, видит только с одной стороны. Об этом говорит и малочисленность произведений о нём. Вообще стоит сказать, что все раз-

бираемые тексты – о ребёнке, подростке и взрослом – писались чередуясь, то есть Лунин обращался то к одному возрасту, то к другому. Возможно, молодой писатель просто слишком рано взялся за непрожитый возрастной материал, ведь «Под звёздами», «Новая жизнь» и «Клетка» – это ранние тексты, написанные задолго до рассказа «Три века русской поэзии».

Но поиск героя времени, полное его понимание – это и есть, на мой взгляд, основная задача современной литературы. И Юрий Лунин – писатель, который к её разрешению идёт постепенно и трудно, обходя преграды, которые сам себе и создаёт.

В лучших рассказах, «Через кладбище» и «Три века русской поэзии», преодолеваются комплексы всей остальной лунинской прозы. Это единственные тексты, в которых молодой писатель смотрит не только «в» героя, но «из» него на огромный, удивительный мир, и прозревает его неповторимым, из-за чего меняется естественно и неизбежно. Остаётся только надеяться, что подобное «преодоление» будет происходить и дальше, и Юрий Лунин обретёт своего взрослого героя.

*г. Долгопрудный,
Московская обл.*

Анатолий Андреев

ГРАНИ КУРГАНА

«Тихий Дон» следует рассматривать в контексте двух ориентаций в культуре: «социоцентризма», где ставка делается на преобладание душевной регуляции, и «персоноцентризма», где главной фигурой становится личность, и, следовательно, на первый план выдвигается разумное отношение к миру.

Григорий Мелехов воплощает особый тип личности: с одной стороны, он честно отражает крах бессознательно-душевного постижения мира, а с другой – сомневается в жизнеспособности начала разумного. Получается своего рода «горе от ума». В таком своём качестве он становится подлинным культурным героем, символом целой эпохи. И подобное культурное содержание, по Шолохову, непосредственно и закономерно связано с почвой, с натурой. Всё это предопределило культурное величие романа.

М. А. Шолохов как автор «Тихого Дона» является ярчайшим представителем того направления или, более точно, той художественной системы (а еще точнее – художественной целостности, момента иных целостностей и контекстов), которую принято называть критический (классический) реализм. Последний, в свою очередь, необходимо рассматривать как момент целостности другого порядка, составляющими которого выступают классицизм, романтизм, модернизм и т. д. Иными словами, феномен Шолохова являет собой момент всеобщности: через одно в какой-то степени выражено всё – тем более «всё», чем более уникально «одно». Такова диалектика индивидуального и универсального.

Содержательное ядро универсалий не могло не сказаться в самых выдающихся образцах критического реализма (ограничимся этой целостностью) – в творениях Пушкина, Л. Толстого, Достоевского, Тургенева (ограничимся традицией русской клас-

сики). Что роднит Шолохова как выразителя универсального смыслового пласта с названными (и, разумеется, неназванными) художниками?

Подобное тянется к подобному. Обратимся к эпосе Л. Толстого «Война и мир». В данном случае важно отметить, что Толстой заставляет воевать, конфликтовать Запад и Восток – не столько в географическом, сколько в символическом значении; если уж быть совсем точным, то субъектами противостояния становятся рациональное начало, присущее «Западу», западному типу отношения к миру, и начало душевно-психологическое, русское («восточное» по отношению к западу). За Отечественной войной 1812 года скрывается особая, невидимая война, выплескивается наружу столкновение двух культур: тип освоения жизни «от ума» и от того, что умом не понять: «от психики». Толстой прямо и недвусмысленно встал на сторону иррационально-душевного «постижения» смыслов бытия (если подобное непосредственное усвоение смыслов через их «сопряжение» можно назвать постижением). Именно такое «Бородино» интересовало Толстого, именно такое «Бородино» лежит в основе его универсальной концепции. Поле битвы – «человеческое измерение», противоборствующие стороны – психика и сознание.

Достоевский, художественный опыт которого, казалось бы, имел мало общих точек соприкосновения с опытом Толстого, был тем не менее родственен ему по духу. Конфликт, ярко описанный и прокомментированный Толстым, Достоевский также «вуалирует» и переносит исключительно внутрь, на территорию души героя, скажем, Родиона Романовича Раскольников, то есть того, кто, следуя гибельным путем Наполеона, этого зловещего для русской культуры символа, пытается расколоть родину Романовых, Россию, по отношению к которой все аналитические операции ума квалифицируются как «вторжение». Расколоть Россию – значит, попытаться понять её умом, сделать ставку на интеллект (в широком смысле – на западную рациональную технологию постижения иррациональной по природе своей души). Ум вторгается и несёт беду, но победа будет на стороне «униженного и оскорблённого» и одновременно «сильнейшего духом» противника. Достоевский также поддержал сторону души.

Условно этот вектор в развитии культуры, представленный фигурами Толстого и Достоевского, можно назвать «социоцентризмом», имея в виду мировоззренческий приоритет народного

(опирающегося на душевное, которое сплачивает, объединяет) над личным (которое является результатом «разумного» отделения от душевно-народного). «Мысль народная» здесь выступает как путеводная иррациональная установка.

Если уж мы заговорили об этой традиции и тенденции, нельзя не вспомнить «Евгения Онегина» Пушкина, где впервые в мировой литературе отчётливо указано на роковое противостояние разума и сердца, ума и души, культуры и природы, – противостояния, олицетворённого в образах Онегина и Татьяны, которые «сопряжены» сложнейшими отношениями. Правда, следует отметить, что пушкинский вариант точкой отсчёта в духовном космосе личности делает – достаточно редкий случай! – разум. «Евгений Онегин» – это гимн разуму, носителем которого выступает личность. Эту ориентацию в культуре можно назвать «персоноцентризмом»: преобладание личностного начала над общественным здесь очевидно. (В своей знаменитой «пушкинской» речи Достоевский не упустил случая оспорить подобный взгляд на человека и его место в мире: заклеил «нравственного эмбриона» и «скитальца» Онегина, провозвестника персоноцентризма, и превознёс «главную героиню поэмы» Татьяну, выразительницу «духа народного».)

Конечно, подобный опыт постижения мира и человека (характерный не только для реализма и не только для русской литературы) не мог остаться незамеченным в эпопее Шолохова «Тихий Дон». Если брать, так сказать, «внешний», видимый невооружённым глазом план (концептуально, конечно, невооружённым), то мы наблюдаем гражданскую войну, войну русских с русскими. Историческая и духовно-национальная основа, как и в случае с эпопеей Толстого, не вызывает сомнения, и она в известном смысле самоценна. Однако по существу конфликт, интересовавший Пушкина, Толстого, Достоевского (а на самом деле – всех без исключения корифеев словесно-художественного творчества), вновь переносится внутрь, в границы одной личности, целой и неделимой. Здесь Бородино – вся Россия, всё русское. Внутренний конфликт, окончательно закреплённый в качестве культурной традиции, осознаётся как личностно продуктивный и, если угодно, эпохальный. Личность становится моментом вселенной; хочешь говорить о народе или о людях вообще – говори о личности.

Что значит ум противостоит душе? В этом случае личность выступает как враг самой себе, русские – русским же; война, к сожалению, продолжает оставаться культурно узаконенным

способом разрешения конфликта, способом выяснения отношений (на деле превращаясь в способ самоуничтожения, причём, не только русских – всех людей вообще). Происходящее с одним человеком, становится моделью того, что в принципе может произойти – и происходит сегодня – со всеми. В этом контексте эпопея Шолохова становится символом и знаком целой эпохи.

Зададимся вопросом, как устроена художественная вселенная Шолохова? Не ставя себе целью объять необъятное, важно указать на основной принцип шолоховских вариаций на тему «война и мир»: каждый эпизод, микроэпизод, фраза – словом, отдельный момент – связан с целым, обогащает это целое и в то же время служит способом выражения целого.

Легко заметить, что подобный художественный метод глубинно реферирует с устройством гуманитарного космоса вообще, с его целостно организованной информационной структурой. Сам Шолохов – личность, сотворенная как момент целого, – в свою очередь «ткёт» полотно, отражающее этот всеобщий принцип. Писатель творит модель в соответствии с основополагающим принципом универсума. Роман становится клеточкой космоса. Это не сразу поймёшь и разглядишь, но сразу ощутишь «дыхание жизни», «ритм вселенной».

Если учесть сказанное, становится понятным, что Григорий Мелехов, будучи единицей социума, «моментом», в то же время концентрирует в себе проблематику целого. А целое в данном случае – тип взаимоотношений личности и социума в переходную эпоху (имеется в виду насущный, хотя и неприятный, переход от социоцентризма к персоноцентризму). И механизм такого перехода связан с включением сознания в сферу бессознательного, с пробуждением мысли, с проклятой способностью «задумываться» над загадками жизни, что неизбежно приводит к обособлению от тех, кто не задумывается.

Григорий Мелехов воплощает особый тип личности: перед нами, так сказать, человек-амфибия, своего рода кентавр: дву-природная, амбивалентная, если угодно, опять же переходная (маргинальная) модель. Он не перестал быть существом одной природы, хотя в нём стали проявляться черты природы совершенно иной. С одной стороны, он честно отражает крах социоцентрического начала, а с другой – сомневается в жизнеспособности начала персоноцентрического.

А это есть главное гуманистическое содержание нашей переходной эпохи, «страшного», по выражению Петра Мелехова,

времени. Вот эта зыбкость, неопределённость, текучесть (стихия Тихого Дона!), ставшая формой существования амбивалентности, и отражена в образе Григория Мелехова.

Строго говоря, такова природа человека (в этом смысле люди подобны рекам), это глубинный архетип. Потаённые смысловые глубины, подводное течение, применимость мифологического кода – это особенности всякого литературного шедевра; это в полной мере относится и к «Тихому Дону», который создавался не только умом, но колоссальной интуицией, прежде всего. Гениально угаданное вещество человечности: с одной стороны, дитя природы, укоренённость в почву, не рассуждающий солдат в общем строю; с другой – уже дитя культуры, стремление к системе ценностей, попытка выстроить поведение от разума, сам себе голова. У ребёнка – две мамы, у человека – две родины, у личности – две правды. Вот и разрывается человек между двумя полюсами: вечная наша каторга, она же единственный источник духовного наслаждения.

Кстати сказать, имя и фамилия героя – Григорий Мелехов – подобраны по принципу сочетания несочетаемого: и по звукоряду (угрожающее и колючее **Григорий** переходит в мягкое и плавное **Мелехов**), и по семантике. Григорий – имя в русской литературе не случайное и «обросшее» роем ассоциаций, словно камень на дне Дона – ракушками. Зашифрованное в имени «горе» и «горение», неизбежно сопутствующее такому типу личности, становится определённой культурной маркировкой: мало того, что Мелехов тёзка Печорину, он ещё и родня по духу: генетически это горе от ума, от мысли, от стремления понять. Грибоедов органически дополняет здесь Пушкина, Толстого и Достоевского. Григорий – это культурная составляющая симбиоза.

Мелехов – уже непосредственная связь стального плуга с живой почвой (мелех – вариант лемеха), это связь с мелом, с белым цветом, с природой (не рассуждающей натурой). Рядом с мелеховским двором – «крутой восьмисаженный спуск меж замшелых в прозелени **меловых глыб**»: это сама почва, натура (здесь и далее жирным шрифтом в цитатах выделено автором). Мотивы и образы земли, почвы, укоренённости пронизывает весь роман. Кстати сказать, устойчивая ассоциация «Мелехов» и «молоть, перемалывать» (перемелется – мука будет...) только обогащает мотив почвы-земли.

Вот наиболее характерные моменты, подтверждающие наши мысли.

Григорий, «опалёный слепой ненавистью», «думал: у каждого своя правда, своя **борозда**. За кусок хлеба, за делянку земли, за право на жизнь всегда боролись люди и будут бороться, пока светит им солнце, пока тёплая сочится по жилам кровь. (...) Пути казачества скрестились с путями безземельной мужицкой Руси, с путями фабричного люда. Биться с ними насмерть. Рвать у них из-под ног тучную донскую, казачьей кровью политую землю».

Это уже не просто мысли, но мысли, вырастающие из почвы чувств: это органика «переходного» состояния. (Между прочим, по схожему принципу обогащения и борьбы противоположностей синтезировано имя и фамилия фигуры ключевой для русской литературы – Евгения Онегина, где благородство и величие парадоксально сочетаются с изнеженностью. Евгений в переводе с греческого означает «благородный», в имени просматривается тяготение к величественности. Евгений – это, так сказать, культурная величина. Онегин, как легко догадаться, – о-неженный, из-неженный, привыкший жить в неге баловень судьбы: здесь в противовес семантике имени подчеркнута подверженность природному началу. Культурное и природное неразрывно слиты в героя, являясь разными полюсами одного и того же, что подчёркивается эстетически обыгранным звукорядом, созвучием двух слов. Евгений Онегин и «роман в стихах», с одной стороны, Григорий Мелехов и «роман-эпопея», с другой стороны, – гибридное, противоречивое сочетание.

Так нас природа сотворила: противоречия – это источник развития, а не результат неумения мыслить.)

Петро, родной брат «Гришатки», говорит: «Ты гляди, как народ разделили, гады! Будто плугом проехали: один – в одну сторону, другой – в другую, как под лемешом. Чёртова жизнь и время страшное! Один другого уж не угадывает...» И далее: «Я на свою борозду попал. С неё меня не спихнешь! Я, Гришка, шататься, как ты, не буду». О том же толкует и Подтёлков: «Чтоб раз начали – значит, борозды до последнего. Раз долой царя и контрреволюцию – надо стараться, чтоб власть к народу перешла». «Борозда» вообще является стержневым, магистральным образом романа. «Твои слова – контра! – холодно сказал Иван Алексеевич, но глаз на Григория не поднял. – Ты меня на свою борозду не своротишь, а я тебя и не хочу заламывать». Борозда – это путь, направление, ход жизни; это русская, народная метафора.

Если принять во внимание всё сказанное, то Григория Мелехова, несмотря на его переходность, нельзя привязать к конкретному историческому моменту. Это универсальная модель человека, это о вечном, на века. Исторический момент помогает ярче проявиться вечному, но не заслоняет его.

В таком широком контексте следует поставить вопрос о культурном величии Шолохова. И тогда можно идти от общего – к частному, и все частные вопросы будут наполнены содержательностью универсального. Например, вопрос об использовании автором диалектизмов невозможно правильно решить в отрыве от мировоззренческого пласта романа. Введение диалектизмов в нормативный литературный язык – это разворачивание на лингвистическом уровне мотива скрещивания природы с культурой, вековечного и корявого – с облагороженным. Диалектизмы, обладая звуковой и образной выразительностью, становятся художественным приемом, задача которого – затронуть, «всколыхнуть» архетипические глубины. Вот это и есть подлинное погружение в роман, любой момент которого чреват глубинами целого.

В подтверждение высказанных мыслей ещё несколько наблюдений над текстом романа. Мотивы взаимодействия мысли с чувствами, взаимонепонимания («один другого не угадывает») и самопознания на разные лады обыгрываются в романе. Процесс рождения достойной внимания мысли всегда сопровождается «раскалённым» эмоциональным состоянием. Григорий пытается постичь: «И домыслами обнажая жизнь, затравлено, с тоской додумал: «Спутали нас учёные люди... Господа спутали! Стреножили жизнь и нашими руками вершают свои дела. В пустяковине – и то верить никому нельзя...». «Домыслы» обнажают «жизню» и одновременно «спутывают» её. Конечно, это «страшно». В таком горниле рождается новый тип отношения к жизни. Понимания пока нет, а ощущениями жить уже невозможно, ибо «слепая ненависть» или «тоска» «спутывают» всё больше и больше. Григорий тянется к пониманию, хотя не очень-то и верит ему. «Век расшатался – и скверней всего, что я рождён восстановить его!» (В. Шекспир, «Гамлет», пер. М. Лозинского).

Надо отдать себе отчёт, что это уникальный вариант в развитии не только русской, но и мировой литературы. Куда идти? Где верный ориентир, где эта самая «борозда»? Вопросы не новые, вечные, и однозначный ответ на них – это всегда неточный ответ, это ответ на несколько иной вопрос. «Путь разума завёл

меня в беду, теперь путём безумия пойду»: это уже было, и это сегодня не ответ. Шолохов идет своим путём, по своей борозде: он не пытается исчерпывающе ответить на «вызовы времени», он по-новому освещает глубину вопросов. И это, как ни парадоксально, является своего рода ответом.

Григорий, погружённый в пучину гражданской войны, рождает крамольные смыслы, которые в обозначенном контексте обретают еще одно, возможно, главное измерение. Разругавшись, то есть идейно разойдясь с Иваном Алексеевичем, Григорий – не скажешь, думает, скорее, – испытывает состояние некоторого прозрения: «Григорий шёл, испытывая такое чувство, будто перешагнул порог, и то, что казалось неясным, неожиданно встало с предельной яркостью. Он, в сущности, только высказал в горячах то, о чём думал эти дни, что копилось в нём и искало выхода. И оттого, что стал он на грани в борьбе двух начал, отрицая оба их, – родилось глухое неумолчное раздражение». Вот она, война, перенесённая внутрь. «Грань в борьбе двух начал» и их «отрицание» – это тот «курган» (Григорий «далёк был от него (от Ивана Алексеевича – А. А.) и смотрел на жизнь с другого кургана»), с которого, казалось бы, смотреть на жизнь просто невозможно, ибо третьего «начала» не дано. Однако именно с этого «кургана» (с одной стороны, вырастающего из земли, из почвы, а с другой – служащего местом захоронения) видно, что война «двух начал», сердца и ума, ведет к верной смерти носителя этих начал, человека. И народа. И человечества. Отрицание становится конструктивным, ибо подразумевает не войну уже, а мир (минус на минус дает плюс); грань же становится местом, где теплится человеческое. Вот эта облюбованная грань становится недостижимой точкой отсчета для всех остальных, источником горя от ума и одновременно надежды на возможность будущего. У Григория Мелехова есть сын, Григорьевич, конечно, но вместе с тем уже Михаил Мелехов. А имя – это литературная судьба. Ясно, что Михаил Мелехов – кандидат в герои уже другого романа, а возможно, и в авторы романа. Михаил Мелехов неизбежно сопрягается в нашем сознании с Михаилом Шолоховым: это одна порода, шолоховско-мелеховская.

Итак, обнаруженная «грань» сам роман Шолохова подняла на невиданной высоте курган, определив масштаб его культурного величия. В сущности, речь идёт о новом постижении человека, о новой адекватности новым реалиям – о том, что является заботой подлинной культуры.

Роман «Тихий Дон» доказал, что подлинная, высокая культура всегда вырастает из почвы, питается соками жизни, природы. Культура не может вырастать только из культуры: это бесперспективный гибрид, пусть сколько угодно оригинальный. Такие, казалось бы, простые вещи сегодня вдруг начинают подвергаться сомнению. И такой, казалось бы, простой герой, как Григорий Пантелеевич Мелехов, «вдруг» становится подлинным культурным героем.

Таковы парадоксы гениальных творений, которые стоит рассмотреть пристальнее.

Обманчивая простота Шолохова – особый поворот темы. Литература сегодня всё чаще подменяется понятием «литературность», призвание – «мастерством» и «профессионализмом». Конкуренция среди профессионалов невероятная, а литературы почему-то почти нет. Сказать, что «Тихий Дон» профессионально сделанная книга, значит, непременно вложить в это высказывание некий злой умысел. Сказать, что книга такого-то современного писателя сделана профессионально – значит, сделать комплимент. В чем тут дело?

Культурное величие несводимо к профессионализму (хотя «ремесленный» аспект творчества никто не отвергает). Профессионализм – это, собственно, подделка под настоящую, подлинную культуру. Что при этом подделывается? Ремесло-то подлинно, но что оно выражает?

Подделывается, имитируется мировоззрение и связанное с ним мироощущение. Когда ты пишешь так, а думаешь иначе, не разделяешь представленного отношения к жизни, и вообще это не о тебе, литература превращается в игру – вот тогда и получается более или менее великолепная подделка. Литература глубинно отлучается от жизни, перестаёт быть результатом жизнотворчества – это и называется понижением уровня культуры. Профессионализм возрастает – а уровень культуры падает.

«Тихий Дон» в этом смысле является моделью подлинной культуры. Он ничему не подражал, и ему подражать невозможно. Однако это великое русское творение связано с русской традицией и культурой, продолжает эту традицию и взывает к её продолжению. Сегодня, когда культура порождается культурой, «Тихий Дон» свидетельствует: высшая культура связана с природой, с почвой.

Волей-неволей «Тихий Дон» как некая аксиома стал в оппозицию культуре, покусившейся на целостность человека. Я имею в виду постмодернизм, конечно, культивирующий лите-

ратурность. Я не хочу сказать, что подобный тип культуры плох и примитивен; напротив, он балует избытком и разнообразием примитивности. Я хочу сказать, что он, с его потрясающей культурной родословной, превратился в истинную угрозу культуре. Внешняя оригинальность, виртуозное мастерство, остроумие, сюжеты и сумасшедшие коллизии – а Шолохову с его «жизнеподобным» сюжетом и в подмётки не годится. Сегодня именно немодное стремление к целостности, органичности следует считать актуальным и перспективным. В высшей степени культурным.

Нам не хотелось бы ставить вопрос об угрозе культуре как о некоей интервенции, злом умысле или недомыслии. Всё это отдаёт военным духом; нас же интересует технология мира: не «ненавидеть», а «понимать». Просто сегодняшние культурные формы свидетельствуют о колоссальном культурном кризисе. И «Тихий Дон», этот «тихий», по сравнению с боевиками, роман о гражданской войне, в центре которого проблемы личности, сегодня становится перспективной моделью культуры. «Дон Кихот», «Война и мир», «Тихий Дон» – мы начинаем ценить то, что имеем. Точнее, пора бы начинать ценить.

Кто ещё вчера мог предположить, что культура может принять смерть из рук культуры же! Мы всегда испытывали дефицит культуры, тогда как натура пёрла изо всей щелей, и её не было жалко: ментальный слой был очень тонким по сравнению с витальным. Любимая присказка «природа возьмёт своё» сегодня вдруг перестала успокаивать, ибо сегодня приходится культуру защищать от культуры, и делать это культурными средствами. На самом деле мы как сражались с дремучей природой, так и продолжаем сражаться. В этом смысле «Тихий Дон» – колоссальная культурная профилактика: он не просто возвращает нас к почве, но указывает на зависимость культуры от природы.

Причём, противостояние природы и культуры происходит не только и не столько в форме чувств, стихии сердца и души, с одной стороны, и холодного, бездушно-бессердечного рационализма – с другой. Это противостояние очень тонко конкретизируется. На сторону чувств встал и формально возглавил её интеллект (формально, ибо по существу он представляет интересы чувств), в результате стихия бессознательного резко усилилась, но не перестала быть таковой; а вот полюс сознания остался за «головой», где душевное начало не исчезло, но попало в подчинение к интеллекту особого рода: разуму. Разум как высшая духовная инстанция выражает интересы не души

и не ума; он выражает интересы человека в целом. Вот почему логика интеллекта (формальная, одномерная) отличается от логики разума (диалектически многомерной, принимающей к сведению противоречивость человека).

Узенькая полоска, тоненький просвет между интеллектом и разумом, где происходит перераспределение стратегических (мировоззренческих) полномочий: вот куда переместился эпицентр борьбы за выживание человечества. Это и есть тот самый водораздел культуры и природы, передний край борьбы противоположностей, где выковывается их единство, линия фронта и ахиллесова пята: всё вместе.

И Гришкины метания символизируют противостояние разумного начала и интеллекта (за которым стоит дремучая мощь бессознательного). Подвергая сомнению холостую работу интеллекта, Гришка становится культурным героем, несмотря на укоренённость в почву (или благодаря ей: это две стороны одной медали). «Спутали нас ученые люди»...

Душевно-мыслительные «состояния» Григория, когда он «мучительно старался разобраться в сумятице мыслей, продумать что-то, решить», сопровождали его всю сознательную жизнь и превращались в духовную работу, хотя внешне всегда напоминали «сумятицу». Он прошёл несколько этапов в своём становлении и вернулся на круги своя – так сказать, с вершин кургана к почве, и это был не бесплодный тупиковый возврат к мёртвой точке, а путь, обогащённый раздумьями и превративший Мелехова в культурного героя. В результате он вновь обрёл почву и твёрдо встал на ноги. «Изварин подолгу беседовал с Григорием, и тот, чувствуя, как вновь зыбится под его ногами недавно устойчивая почва, переживал примерно то же, что когда-то переживал в Москве, сойдясь в глазной лечебнице Снегирёва с Гаранжой. (...) Обуреваемый противоречиями, Григорий осторожно расспрашивал о большевиках:

– А вот скажи, Ефим Иваныч, большевики, по-твоему, как они – правильно али нет **рассуждают?** (...)

– Рассуждают? Кха-кха... Ты, милый мой, будто новорождённый... У большевиков своя **программа**, свои **перспективы** и **чаяния**. Большевики правы со своей точки зрения, а мы со своей».

«Рассуждать» можно и «правильно», но это не та «борозда», которая ведёт к истине. Интеллект достаточно эффективно обслуживает любые «чаяния». А вот разум относится к ним критически. «Ломала и его усталость, нажитая на войне. Хоте-

лось отвернуться от всего бурлившего ненавистью, враждебного и непонятного мира. Там, позади, всё было путано, противоречиво. Трудно нащупывалась верная тропа как в топкой гати, зыбилась под ногами почва, тропа дробилась, и не было уверенности – по той ли, по которой надо, идёт. Тянуло к большевикам – шёл, других вёл за собой, а потом брало раздумье, холодел сердцем. «Неужто прав Изварин? К кому же прислониться?» Об этом невнятно думал Григорий, привалаясь к задку кошёлки. Но когда представлял себе, как будет к весне готовить бороны, арбы, плеть из краснотала ясли, а когда разденется и обсохнет земля, – выедет в степь; держась наскучившими по работе руками за чапиги, пойдёт за плугом, ощущая его живое биение и толчки; представляя себе, как будет вдыхать сладкий дух молодой травы и поднятого лемехами чернозёма, ещё не утратившего пресного аромата снеговой сырости, – теплело на душе». Гришка умнее «учёных людей», потому что он пропускает парадоксы жизни через сердце, и мысль у него живёт, бьётся, пульсирует. Неверная мысль – и сердце холодеет; теплеет на душе – значит, «нащупывалась верная тропа». Он «невнятно думает» всем существом, не только «головой». А умные люди «ничтоже сумняшеся» действуют по схеме: идеологический импульс – социальная реакция. Это и называется «стреножить жизнь». Гришкино «непонимание» в культурном отношении гораздо выше «понимания» идеологически ангажированных и ослеплённых сторон, ибо это «разумное недоумение», а не идеологический идиотизм. Стороны дрались за идеи, за «программы» и перспективы», рождённые интеллектом, «рассуждением», а Гришку интересовал человек. Но объяснить что-либо нашим и вашим, даже самому себе, он был не в состоянии. Вот он, модус горя от ума. Вот она, связь с Пушкиным, Толстым, Достоевским. С мировой культурой. С культурой вообще.

Возникает вопрос: а почему, собственно, правда романа оказалась на стороне Григория? Ведь, скажем, тот же Иван Алексеевич «доходит» до своей «борозды» «ощупкой», – способом, который, на первый взгляд, мало отличается от Гришкиного: «Как я тебя могу убедить? До этого своими мозгами люди доходят. Сердцем доходят! Я словами не справен по причине темноты своей и малой грамотности. И я до многого дохожу ощупкой...» Тут всё дело в духовной одарённости Мелехова, в его способности аккумулировать противоречивые смыслы, «сердцем доходить» до разных правд и видеть их относительность. Курган

Гришки повыше будет: вот в чём его беда, которая оказалась для романа золотой находкой и удачей.

Масштаб шолоховской эпопеи очень сложно, если вообще возможно, осознать за столь краткий период времени, прошедший после её создания. «Большое видится на расстоянии»: это подтверждает культурная практика человечества. Но осознание культурного величия не приходит само по себе, ибо это не озарение и не откровение. Это большая черновая работа: фило-софско-методологическая, эстетическая, текстологическая – словом, культурный, то есть разумный, труд. Великие писатели существуют только потому, что есть великие читатели. Иными словами, шедевр не просто бередит души и будоражит умы, но и обязывает держать культурную планку, поддерживать определённый уровень научного осмысления.

Культурную величину «Тихого Дона» – огромный курган, сверкающий гранями правд! – можно обозреть только силами развитых «разумных» гуманитарных наук, которые мыслят системно и целостно.

г. Минск – г. Москва

Виталий Даренский

ОБРАЗ ДУХОВНОЙ «ИНИЦИАЦИИ»

О поэзии Бориса Рыжего

*Про розы, розы, розы, розы, розы.
Не пожимай плечами,
а оглянись и улыбнись сквозь слезы:
нас смерти обучали...*

Б. Рыжий

Поэзия Бориса Рыжего привлекает в первую очередь своей особой экзистенциальной напряжённостью, внезапно ранящей и приводящей в движение душу читателя. Этим никак не умаляется её собственно художественная значимость; тем не менее, современный читатель, пресыщенный огромной поэтической традицией предшествующих веков, у поэтов нашего времени ищет в первую очередь созвучие своим собственным душевным исканиям. А среди них не последнее место занимает жажда вырваться за рамки повседневности и пережить «предельные» экзистенциальные смыслы и состояния. Рано умерший уральский поэт именно этим более всего «ранит» своего читателя, и все остальные особенности его поэтического мира получают конечное оправдание в его способности «взламывать душу».

Экзистенциальная напряжённость в поэтическом тексте, как правило, всегда сопряжена с образами и мотивами смерти, и в этом смысле поэзия Бориса Рыжего – не исключение. Этот факт исследован в статьях Н. А. Непомнящих. В частности, она отметила, что «глагол “умирать” и его производные встречаются в каждом втором стихотворении Бориса Рыжего, как и само слово “смерть”. Причём чаще всего в форме первого лица: “когда я умру”, “я умираю тоже”, “в такую зиму я умру”, “над каждой строчкой умирал” и т. д. <...> Литературный критик В. Бондаренко говорит в своих публикациях и блогах о “поэтической интонации смерти” в стихах поэта как основной» (Непомнящих Н. А. Мотив воли к смерти в творчестве Бориса Рыжего // Сибирский филологический журнал. 2017. № 2. С. 110-111). Н. А. Непомня-

щих справедливо указывает и на то, что образ и мотив смерти у Бориса Рыжего не является каким-то самодовлеющим наваждением, но всегда в конечном счете коррелирует с образом будущего воскресения, причем: «мотив воскрешения в поэзии Рыжего всегда связан с жизнью его текстов, с памятью о нём и признанием его как поэта, в другом качестве он “воскресать” не желает, слишком дорогой ценой – преждевременно оборванной жизнью – им оплачивается будущее бессмертие поэзии» (Там же, С. 119). Отметим, однако, что бессмертие связывается самим поэтом не только с ожиданием своей посмертной славы, но и понимается здесь в самом простом – общечеловеческом смысле, как, например, в этом стихотворении:

*Июньский вечер. На балконе
уснуть, взглянув на небеса.
На бесконечно синем фоне
горит заката полоса.*

*А там – за этой полосой,
что к полуночи догорит, –
угадываемая мною
музыка некая звучит.*

*Гляжу туда и понимаю,
в какой надёжной пустоте
однажды буду и узнаю:
где проиграл, сфальшивил где.*

Удивительно в этом стихотворении возникающее ощущение, будто поэт уже словно побывал там, за гранью земного бытия, и передаёт нам свой опыт. Но и в целом его поэтическом мире смерть словно присутствует явно, хотя и незримо – как непосредственная и актуально переживаемая соотносённость всего увиденного и произошедшего с Вечностью как со своим смысловым «фоном», без которого всё эфемерно. Более того, такая соотносённость у поэта создаёт особое ощущение, будто ему будет «уютно умирать».

Вместе с тем, подобного рода близость и «уютность» смерти в его поэзии антиномически и парадоксально сопряжена с её столь же самозабвенным жизнелюбием, которым и обусловлена «всеядность» музы Бориса Рыжего по отношению к жизненным явлениям. Эти последние не делятся на «высокие» и «низкие», и все в равной степени достойны благоговейного (но одновре-

менно ироничного и почти циничного) поэтического созерцания. Эта парадоксальная сопряжённость и порождает его исповедальное высказывание о жизни:

*И я пытаюсь приподняться,
хочу в глаза ей поглядеть.
Взглянуть в глаза и – разрыдаться
и никогда не умереть.*

И его поэтическое credo: «Три составляющих жизни: смерть, поэзия и звезда». То обстоятельство, что здесь первой стоит смерть, но за ней идут поэзия и звезда как ёмкий символ бытийного свершения – это не поэтическая вольность, а строгая логика поэтического высказывания, обусловленная всей структурой его поэтического мира. «Смерть» здесь – это первичное бытийное состояние бессмысленного и конечного мира; поэзия – это не только уже написанные тексты, но и их исток и мотив, экзистенциальное условие их создания – бытийное усилие борьбы со смертью; звезда – символ победы и человеческого упокоения в Вечности. Эта краткая формула в «свёрнутом» виде содержит в себе тот «миф о жизни», который развёрнут в его поэтических текстах. Задача понимания поэта в конечном счете сводится к пониманию его «мифа о жизни» – мифа не в смысле какой-то «выдумки», а в сугубо позитивном, «лосевском» смысле «сказа о бытии» – такого его индивидуального образа, который мог быть открыт именно этим поэтом, и никем другим.

Сама поэзия как бытийное усилие борьбы со смертью у Бориса Рыжего облекается в такие весьма приземлённые образы, благодаря которым словно по «контрасту» формы и содержания, яснее выявляется её суть. Вот, например, очень характерный образ прорыва за грань бытия в бесконечность – но в «форме» пьяной поездки на тракторе:

*Как будто кончено сраженье,
и мы, прожжённые, летим,
прорвавшись через окруженье,
к своим.*

<...>

*Душа моя, огнём и дымом,
путём небесно-голубым,
любимая, лети к любимым
своим.*

«Контраст» образной формы и экзистенциального содержания составляет один из ключевых принципов его поэтики. Как писал исследователь его поэзии Ю. В. Казарин, Б. Рыжий осмелился противостоять тенденции к риторизации лирики, «освобождая эмоцию и мысль от поэтических и стиховых стандартов и превращая, преобразовывая горе-печаль и жизнь-смерть в метаэмоциональную и метамыслительную сущность» (*Казарин Ю. В. Поэт Борис Рыжий. Изд. 2-е, доп. М.: Екатеринбург, 2016. С. 290*). За этими терминологическими сложностями на самом деле стоит весьма простой, но основополагающий смысл – речь идёт о том, что часто форма и сюжет стихотворения сознательно огрубляются и упрощаются именно для того, чтобы внимание не останавливалось на них, но осуществляло мгновенный прорыв к смыслу.

Как известно, культурная символика прохождения через (символический) ад / смерть всегда связана с возможностью воскресения для новой жизни и рассматривается не как тотальная безысходность, но как особое жизненное испытание. Как писал об этом российский психолог А. А. Пузырей, «известная во всех эзотерических духовных движениях основная трёхчленная формула работы над собой, гласящая: пробудиться – умереть – родиться, реализуется в терминах матрицы основных состояний, в представлении о движении ... от исходной точки от состояния “болезни вообще” (характерного для сознания беспутного человека) ... к состоянию собственно “болезни-к-жизни” (умирание) и, наконец, к состоянию “здоровья-к-жизни” (рождение), для которого умирание и есть высвобождение места для прихода и действия силы, преображающей ветхого человека в Нового человека, что ведёт к подлинному исцелению, т. е. восстановлению цельного, полного “человека в человеке” ... это особого рода душевная и духовная работа, которую выполняет человек, преодолевая кризисную ситуацию, – и есть в наших словах прохождение через “маленькую смерть” в направлении “второго рождения»» (*Пузырей А. А. Драма неизлечённого разума // Зощенко М. Повесть о разуме. М.: Педагогика, 1990. С. 175*). Это не что иное, как общий архетипический смысл переживания символической смерти для духовного воскресения человека в новую жизнь. Если в древних обществах люди проходили специальный ритуал «инициации» (посвящения во взрослые), имеющий именно такой символический смысл и представлявший собой серию очень тяжёлых испытаний на пределе человеческих возможностей, то в современной культуре таких

ритуалов нет, но их отчасти заменяют внутренние экзистенциальные переживания людей. В свою очередь, последние могут происходить как в экстремальных жизненных испытаниях (война, смерть близких, смертельный риск и т. д.), так и стимулироваться художественными текстами – особенно поэтическими. Этот мотив обращения людей к поэзии обычно не осознаётся ими в полной мере, скрываясь за более очевидными вещами, однако он есть почти всегда.

Когда эта символика явлена в художественном тексте – то, что происходит с героями и с читателем при адекватном восприятии и переживании таких произведений, является аналогом обряда «инициации», имевшего место во всех архаических обществах (от лат. “*initiatio*” – ‘посвящение’). Как известно, в этих обрядах человек в юношеском возрасте проходил ряд тяжёлых испытаний, к которым готовился заранее и после которых официально принимался в число взрослых членов сообщества. В процессе обряда инициации происходила трансформация сознания человека не только посредством сильных переживаний, но и путём сообщения ему тайных эзотерических знаний. Всё это приводило к трансформации личности во взрослое состояние. В современной цивилизации обрядов инициации нет, но их роль призваны выполнять другие культурные формы, в том числе, и художественная литература.

Этим определяется и необходимость анализа многих литературных произведений в особом аспекте, связанном с их глубинной экзистенциальной функцией – как *инициационных* текстов, т. е. порождающих духовную инициацию в читателе за счёт предельно концентрированной передачи особого «опыта жизни на грани смерти», как символического «прохождения через смерть» или «второго рождения». Как общекультурный символ «инициация» обозначает особый экзистенциальный опыт символического прохождения через смерть, испытания смертью, в результате которого человек приобретает новое видение бытия, иное качество мышления, заставляющее смотреть на жизнь и оценивать её как бы со стороны, «с точки зрения вечности». Следует специально подчеркнуть, что в данном универсальном смысле «инициация» стала научным термином, который уже никак не связан ни с язычеством, ни с первобытной культурой, но обозначает универсальный феномен экзистенциальной трансформации, имеющей место у людей всех без исключения культур, хотя и не является для них обязательным.

Символическое «прохождение через смерть» как духовная «инициация», символически именуемая «вторым рождением», делает человека другим, радикально трансформируя его личность. Хотя модель «инициации» иногда ситуативно и отмечается некоторыми авторами при анализе отдельных произведений, однако теоретически этот факт до сих пор не был чётко концептуализирован. Такая концептуализация была начата В. Я. Проппом в его теории сказки; в частности, он писал: «цикл инициации – древнейшая основа сказки... Другим циклом... является цикл представлений о смерти» (*Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2004. С. 308*). Но на самом деле это один и тот же цикл, поскольку «инициация» и является символическим «прохождением через смерть». (В свою очередь, сказка – это древнейший жанр словесного творчества, и все более поздние литературные жанры в «снятом» виде сохраняют в себе её смысловую структуру, в том числе и модель «инициации»).

Поэзия Бориса Рыжего весьма насыщена символикой радикальной личностной трансформации, которая традиционно обозначается термином «инициация» или метафорой «второго рождения». Тем самым «мотив» смерти в ней не является самоцелью, но подчинён более важной смысловой целостности, захватывающей читателя. Изначальное состояние, предшествующее духовной «инициации», – погружённость в смертную безвыходность и бессмысленность бытия – ярко дана в «Суждениях» 1993 г.:

Всё гниёт на корню.

Я не ведаю, что я и кто.

*Я, как жгут, растянул окончания рук, я тянулся
к звезде.*

Мне везде было плохо и больно. Везде.

От себя не уйти.

Что-то колет в груди.

И качаются тени.

На стене. И закат непохож на рассвет.

Я, войдя в этот мир, оказался в чужом сновиденье.

Пробуждения нет.

В стихотворении «Соцреализм» это состояние бытия показано в том образе мира, который внушался автору в период советского «счастливого детства», но затем явился ему в своей подлинной, но скрытой inferнальной сути – мировой Пустоты:

*Всё, что я понял, я понял тогда –
нет никого, ничего, никогда.*

*Где бы я ни был – на чёрном ветру
в чёрном снегу – упаду и умру.*

*Будет завод надо мною гудеть.
Будет звезда надо мною гореть.*

*Ржавая, в чёрных прожилках, звезда.
И – никого. Ничего. Никогда.*

Этот опыт экзистенциального пробуждения в обезбоженном мире, в котором царствует Смерть, лишь прикрытая личинами бессмысленной полуживотной «жизни», – тот опыт, который специфичен для людей последних советских поколений. Он и обусловил ту амбивалентную характеристику «последнего советского» / «первого постсоветского поэта», которую традиционно дают Борису Рыжему. Разгадка этой амбивалентности состоит в том, что его радикально не-советское мироощущение было порождено именно позднесоветским опытом – и одного вообще не было бы без другого. Специфика этого опыта и порождённого им мироощущения весьма точно и тонко передана в следующих строках, с их столь острым ощущением погружения в особое переходное состояние между жизнью и смертью:

*Зависло солнце над заводами,
и стали чёрными березы.
...Я жил тут, пользуясь свободами
на смерть, на осень и на слезы.*

Однако образная символика Бориса Рыжего глубже – она не ограничивается лишь советским опытом, но иногда «проваливается» в глубину многовекового опыта России, являя, как, например, в этих строках, национальный образ бытия-как-расставания:

*В России расстанутся навсегда.
В России друг от друга города
столь далеки,
что вздрагиваю я, шепнув «прощай».*

Бессознательность бытия переживается им и как изначальная константа самой природы (из которой человек призван вырваться, проходя «второе рождение»):

*...идёт рассвет. И бабочки летают.
Они летают.
И ни хрена они не понимают,
что умирают.*

*Возможно, впрочем, ты уже допетрил,
лизнув губою
травинку – с ними музыка и ветер.
А смерть – с тобою.*

Но вырваться можно, только осознав себя пребывающим в «сени смертной» как в изначальном состоянии – «естественном», но душевно невыносимом для человека.

*Это жили, что ли, поживали?
Это умирали.
<...>
Мне б к родным могилам
просквозить, Серёга, хлопнув дверью,
тенью в нашем сквере.*

Вместе с тем универсальный сюжет духовной «инициации» имеет не одну, а две отправные точки. Это не только осознание себя в «сени смертной» – т. е. в конечном и бессмысленном бытии – но и опыт переживания райского бессмертия в детстве. И это переживание чрезвычайно важно – ведь без него у человека потом, скорее всего, уже и не возникнет та тоска по Вечности, которая заставит его духовно «второй раз родиться»:

*Мы идём. Повсюду лето.
Жизнь прекрасна. Смерти нет.
Пионер герой с портрета
смотрит пристально вослед.
Безо всякой, впрочем, веры,
словно думая о нас:
это разве пионеры...
подведут неровен час...*

Последний образ амбивалентен: ведь «подведут» – это значит, повзрослеют, выйдут за пределы детского мифа – квазирайского состояния неведения смерти. Авторская ирония в этих строчках очень важна: это не только ироническое развенчание пионерского «героя», но развенчание иллюзий совершенства земного бытия как такового.

Впрочем, детская иллюзия бессмертия не проходит с детством, но даёт свой поздний плод в юношеском переживании «вечной любви». Это переживание вечности как «вечного повторения» – особый «миф юности», парадоксально, но точно передан поэтом:

*Я говорил ей небылицы:
Умрём, и всё начнётся вновь.
И вновь на свете повторится
Скамейка, счастье и любовь.*

Но потом неизбежно следует прозрение и «детская» обиженность на смерть:

*Будем мы обижены как дети:
снова привыкать
к пустякам, что держат нас на свете.
Жить и умирать
возвратят на землю наши души,
хоть второго дня
я, молясь, просил его: послушай,
не буди меня.*

Отсюда – отказ от осознания своей смертности и сон как метафора бессознательной жизни – «не буди меня». Итог этой бессознательности – «тени» предшествующих поколений:

*И мыслю я: в году восьмидесятом
вы жили хорошо, ругались матом,
Есенина ценили и вино.
А умерев, вы превратились в тени.
В моей душе ещё живёт Есенин,
СССР, разруха, домино.*

Но на самом-то деле эти люди тоже проходили свою «инициацию», пусть и в её весьма приземлённом варианте – и она дала им мудрость и достоинство, восхищающие поэта:

*Пройдут по рёбрам арматурою
и, выйдя из реанимаций,
до самой смерти ходят хмурые
и водку пьют в тени акаций.*

*Какие люди, боже праведный,
сидят на корточках в подъезде –
нет ничего на свете правильной
их пониманья дружбы, чести.*

С другой стороны, поэт остро ощущает и безвыходность этой обыденности, пусть и имеющей свои «подвиги», но в конечном счёте, тупиковой – замкнутой в себе без всякого высшего Смысла. Здесь возникают классические мотивы Экклезиаста – причём не только в разговоре о тех, что «сидят на корточках в подъезде», но о поэтах («есть / за душой полтора сонета, / сумасшедшинка, искра, спесь»), ведь именно они, а не банальные маргиналы, в высшей мере причастны сознанию бренности бытия:

*Чем оправдывается это?
Тем, что завтра на смертный бой
выйдем трезвые до рассвета,
не вернётся никто домой.*

*Други-недруги. Шило-мыло.
Расплескался по ветру флаг.
А всегда только так и было,
И вовеки пребудет так.*

Именно в этом контексте понятен радикальный «бунт» против бессознательности и «сна», который вообразил поэт в одном из своих самых жёстких стихотворений:

*От скуки-суки, не со страху
подняться разом над собой
и, до пупа рванув рубаху,
пнуть дверь ногой.*

*Валяй, веди во чисто поле,
но там не сразу укокошь,
чтоб въехал, мучаясь от боли,
что смерть не ложь.*

*От страха чтобы задыхаться,
вполне от ужаса дрожать,
и – никого, с кем попрощаться,
кого обнять.*

*И умолять тебя о смерти,
и не кичиться, что герой.
Да обернётся милосердием
твой залп второй.*

Жесткость и парадоксальность сюжета этого стихотворения совершенно необходимы, поскольку именно так можно передать то состояние внутренней решимости, с которым только и может человек пройти «инициацию». Этот воображаемый «расстрел», при котором поэт выбирает себе самую мучительную смерть, может показаться странной «мазохистской» фантазией, однако эта фантазия имеет глубинный мифо-символический смысл. Поэт хочет прочувствовать всю боль бытия до самого предела – до такой степени, когда смерть уже будет казаться милосердием и освобождением. Именно такие испытания проходились когда-то в обрядах «инициации». Всё это стихотворение – с его воображаемым и странным для многих «суицидальным» сюжетом – имеет именно этот смысл: передачи состояния предельной решимости. И только в «награду» за такую высшую решимость человек (и поэт, и его читатель) получает поэтическое прозрение своей бессмертности:

*Над домами, домами, домами
голубые висят облака –
вот они и останутся с нами
на века, на века, на века.*

*Только пар, только белое в синем
над громадами каменных плит...
Никогда, никогда мы не сгинем,
мы прочней и нежней, чем гранит.*

*Пусть разрушатся наши скорлупы,
геометрия жизни земной –
оглянись, поцелуй меня в губы,
дай мне руку, останься со мной.*

*А когда мы друг друга покинем,
ты на крыльях своих унеси
только пар, только белое в синем,
голубое и белое в си...*

Этот обрыв фразы в последней строке сам по себе выразителен: в нём не только образ внезапного прерывания земной жизни, но и переживания зыбкости границы между мирами – временным и вечным – которую душа научается преодолевать одним лёгким движением. Но антиномией к этой «невыносимой лёгкости бытия» является опыт целостности жизни как тяжкого сражения, войны со смертью (т. е. пустотой и бессмысленностью), с которой каждый возвращается «солдатом» и с победой – как в стихотворении 2000 г.:

*...да по улочке вечной разлуки.
Да по улице вечной печали
в дом родимый, сливаясь с закатом,
одиночеством, сном, листопадом,
возвращайся убитым солдатом.*

В конечном итоге поэт чувствует благодарность за земную жизнь как «дар смерти»:

*За всё, за всё. За то, что не могу,
чужое горе помня, жить красиво.
Я перед жизнью в тягостном долгу.
И только смерть щедрa и молчалива.*

Символическое прохождение через смерть меняет человека не только самого по себе, но меняет и всю общность людей, в которую он включён, и даже создаёт новую общность его со всеми живыми существами. Поэтому культуролог Виктор Тернер назвал общность людей, проходящих инициацию (символическую смерть), коммунитас (communitas): этот термин обозначает «качество полного неопосредованного общения, даже единства вероисповедания, между людьми определённой уста-

новленной идентичности, которое возникает спонтанно во всех типах групп, ситуаций и обстоятельств <...> Чувство единства (sharing) и интимности, которое развивается в группе лиц, совместно испытывающих лиминальность» (Turner E. *Communitas, Rites of // Encyclopedia of Religious Rites, Rituals, and Festivals / ed. Frank A. Salamone. N. Y., London: Routledge, 2004. P. 98*)³. Тем самым, «лиминальность» – это особое «пограничное» состояние между жизнью и смертью. В поэзии Бориса Рыжего состояние «лиминальности», по сути, является обыденностью и составляет естественный «фон» для всего остального. Его люди – это «земная шваль: бандиты и поэты»; но не потому, конечно, что он не знает других людей, а потому, что именно поэтический символ «земной швали» (людей, находящихся в состоянии «лиминальности») точнее всего характеризует извечный «удел человеческий» – хрупкость бытия перед лицом смерти. Такая «лиминальная» общность даже уже со всеми живыми существами пронзительно показана в «Гимне кошке». Подобное мог написать лишь человек, переживший «инициацию»:

*Тебя я притащил по пьянке,
была ты маленьким котёнком.
И за ушами были ранки.
И я их смазывал зеленкой.
Единственное, что тревожит –
когда войду в пределы мрака,
тебе настанет крышка тоже.
И в этом что-то есть однако.
И вот от этого мне страшно.
И вот поэтому мне больно.*

Эта вселенская общность роднит всех через смертность – и зная это, поэт говорит:

*И на исходе сумрачного дня
я говорю вам, реки, травы, птицы:
я в мир пришёл, чтоб навсегда проститься.
И мнится, вы прощаете меня...*

Постоянное присутствие в поэзии Бориса Рыжего «сквозного» архетипического сюжета прохождения через символическую смерть связывает в единое целое его сложную образную систему разных экзистенциальных состояний, обычно ассоцииру-

емых с «мотивом смерти». Однако, как мы видим, этот мотив у него не является изолированным и самодовлеющим, но включён в целостный «мета-сюжет» его поэтического мира. Этот мета-сюжет восходит к общечеловеческим архетипам культуры, чем и объясняется его мощное экзистенциальное воздействие на читателя. Но вместе с тем он приобрёл в поэзии Рыжего столь уникальные черты своей эпохи и индивидуальной судьбы, что фактически сам сложился в новый «личностный миф», с которым читатель вступает в диалогические отношения. Первой стадией этого диалога может быть даже элемент культурного шока, связанный с необычностью и приземлённостью реалий того мира, который показывает поэт. Но второй стадией является пронзённость теми «предельными» переживаниями бытия, которые скрыты за этой внешней «оболочкой». Именно они в наибольшей степени важны для читателя.

г. Луганск

Вячеслав Сухнев

ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА

Великая Отечественная война советского народа закончилась 9 мая 1945 года. Это праздник, который всегда будет нам дорог. О великой Победе написано огромное количество книг, снято такое же количество фильмов. Менее известна война с Японией в августе 1945 года. Однако в ней были свои герои. В результате этой войны СССР вернул все Курильские острова и Сахалин. 3 сентября считается днём окончания Второй мировой войны. В России эту годовщину торжественно почти не отмечают, что вызывает неприятие значительной части населения Сахалинской области. Здесь 3 сентября отмечают всегда...

ЭХО ХАЛХИН-ГОЛА

«Вторая русско-японская война» на Халхин-Голе закончилась. Это была, действительно, война, которая шла больше четырёх месяцев и принесла значительные потери обеим сторонам. Квантунская армия ушла на территорию Маньчжоу-Го зализывать раны. Правда, битые самурайские начальники не преминули бессовестно соврать на весь свет, что нанесли советско-монгольским войскам огромный, практически, непоправимый урон. Утверждали, например, что советских самолётов уничтожили более 1370 штук. Но вот официальные сведения: «К 1 августа 1939 года общая численность группировки ВВС РККА в Монголии составила 532 самолета (включая 7 аппаратов монгольской авиаэскадрильи)». Таким же образом, в два раза, японцы занизили свои потери в живой силе и увеличили потери советские. Сразу возникал вопрос: если советские войска потерпели поражение на Халхин-Голе, почему доблестная императорская армия не воспользовалась этим и не захватила МНР? Но на такие неудобные для себя вопросы японцы не отвечают никогда. Это тоже часть их политической культуры.

Почему советские войска на волне успеха не доби́ли противника в его «логове» – на территории Маньчжоу-Го? Ведь изрядно поредевшая и отчасти деморализованная Квантунская армия была теперь гораздо слабее, чем перед боями на Халхин-Голе. Условия диктовала обстановка. На Халхин-Голе гремели первые залпы, а японцы договаривались с Великобританией, и та признала их захваты в Китае. Поддержали империю и Соединённые Штаты – летом 1939 года они продлили торговый договор с Японией.

Однако такая поддержка англосаксов заставила Гитлера критически взглянуть на союз с восточной островной империей, соратницей по Антикоминтерновскому пакту. В разгар боев на Халхин-Голе, в середине августа, Гитлер отказался подписывать Тройственный военный пакт между Германией, Италией и Японией. Вместо этого он послал в Москву Иоахима фон Риббентропа подписывать с Советским Союзом договор о взаимном ненападении. 23 августа 1939 года он был подписан. Поражение на Халхин-Голе и «предательство» германских союзников вызвало падение кабинета Хиранумы Киитиро. Николай Яковлев по этому поводу пишет: «Озлобление в Токио против «вероломного» союзника – Германии – было просто неопишваемым». Это озлобление несколько спало лишь осенью 1940 года – 27 сентября Тройственный пакт между Японией, Германией и Италией о военном союзе был, наконец, подписан. Интересно, что в секретных протоколах к договору предусматривалось: Германия будет содействовать улучшению отношений между Японией и Советским Союзом!

В таких обстоятельствах руководство СССР приняло верное решение: не распылять силы в новом локальном конфликте на маньчжурской границе, а готовиться к серьёзной войне. Тем более что военное руководство Японии пересмотрело стратегию страны в разгорающемся столкновении «Запада и Востока». Получив по зубам на Севере, японская военщина развернула экспансию на Юг – в императорском военном руководстве взяла верх так называемая «морская партия».

На Север призывал идти японский министр иностранных дел Мацуока Ёсукэ. Об этом он открытым текстом заявил председателю советского правительства Вячеславу Михайловичу Молотову в апреле 1941 года, во время своего визита в Москву. Вот что пишет об этом Александр Желтухин: «Мацуока рассказал, что японский народ думает вернуть Северный Сахалин, поскольку, по Портсмутскому миру, Южный Сахалин уже

возвращён Японии. Мацуока поясняет: возвращение Северного Сахалина не будет чувствительно для СССР, поскольку Советский Союз имеет огромную территорию, перед которой размер Сахалина выглядит ничтожным, «как капля в море». Более того, Япония готова купить северную часть этого острова».

Узнаёте интонацию наших соотечественников, готовых «отдать» или «продать» острова? У России слишком много земли, и отдав Курилы, она этого даже не почувствует...

В. М. Молотов по всем пунктам, заявленным в «лекции» главы японского МИД, изложил советскую точку зрения. Надо сказать, она сильно отличалась от японской, в том числе, и в исторической части. В то же время председатель СНК согласился, что нужно заключать договор о нейтралитете.

На пятый день войны Германии с Советским Союзом японский министр иностранных дел на заседании правительства опять заговорил о своём, наболевшем: «Мы должны сначала ударить на Севере, а затем нанести удар на Юге. Мы должны двинуться на Север и дойти до Иркутска. Нам следует ударить на Севере, даже если мы в некоторой степени отступим в Китае. Я сторонник нравственных начал в дипломатии. Мы не можем отказаться от Тройственного пакта. Мы должны нанести удар, пока ситуация в советско-германской войне еще не определилась». Вот такой жрец нравственности...

Но военная верхушка Японии не поддержала Мацуоку. Против его плана выступили маршал Сугияма Хадзимэ и адмирал Нагано Осами. Наверное, для них громче, чем для штатских, звучало эхо Халхин-Гола. 2 июля 1941 года на заседании Имперского совещания были определены ближайшие задачи. Япония продолжала войну в Китае и готовила удар на Юг. Поход на Север решили отложить до наступления благоприятной обстановки. То есть, до того момента, когда станет окончательно ясно, что Германия побеждает в войне с СССР.

Все имперские устремления с июля 1941 года были сориентированы на Юг. Военно-промышленный комплекс перестроился на ходу – приоритет получило строительство морских судов и вооружения для них, а танковый парк, и без того довольно слабый, остался без серьёзного пополнения.

В 1940 году Япония вторглась в Индокитай, в конце 1941 – напала на США, к 1942 году оккупировала Бирму, Малайю, Филиппины и Индонезию. Бои с англо-американскими вооружёнными силами японцы вели на всех островах Океании. К середине 1942 года они уже разворачивались в южных морях Тихого океана –

на Соломоновых островах, Новой Гвинее и Новой Британии. То есть в непосредственной близости от Австралии.

Но и здесь японцев, как всегда, подвело безосновательное чувство превосходства над противником и самурайский гонор. В. В. Клавинг пишет: «Сведения о выгрузке американцев на Гуадалканале и Тулаги всего через три месяца после высадки на эти острова японских десантов вызвали удивление японского командования. Ещё большей неожиданностью стало известие о том, что в американском десанте участвует около 20 тысяч солдат. Реакция последовала незамедлительно: уже 18 августа на Гуадалканал... прибыла часть отряда полковника Икки Кийоно численностью 1 500 солдат. Такое мизерное количество войск подтверждает ещё раз непонимание японцами ситуации. Неверие в то, что на Гуадалканал уже высадились десятки тысяч союзных войск, привело к тому, что непрерывно посылая помощь мизерными дозами по тысяче или даже по сотне солдат, японцы терпели поражение за поражением. Этот постоянно перебрасываемый на Гуадалканал поток сил получил у союзников прозвище «Токийского экспресса».

13 апреля 1941 года в Москве был подписан советско-японский договор о взаимном нейтралитете. В статье 2 говорилось: «В случае если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта». В приложении к договору стороны обязались уважать территориальную целостность МНР и Маньчжоу-Го. В Германии договор восприняли крайне недовольно: немцы не хотели терять поддержку Японии в войне с СССР.

Тем не менее, 30 июня 1941 года, через неделю после вторжения в СССР, Гитлер потребовал у руководства Японии выполнить союзнический долг и открыть восточный фронт. Японское правительство 2 июля приняло ожидаемое решение: напасть на СССР только в том случае, если немцы возьмут Москву. Так Гитлеру аукнулось его «предательство» союзника в августе 1939 года. Восток – дело тонкое, не нам сказано. А скорей всего, в токийских властных коридорах ещё бродило гулкое эхо Халхин-Гола.

В Маньчжурии наступила вязкая тишина. Из Квантунской армии черпали резервы для пополнения японских сил в тихоокеанских сражениях. Одну дивизию, например, полностью направили на остров Гуадалканал. Такая позиция Японии позволяла советскому командованию высвободить значительные

силы на Дальнем Востоке и перебросить их на западный фронт. Под Москву и на Волгу прибыли «сибирские полки», позволившие переломить ход важнейших сражений начала Великой Отечественной войны.

Однако, вопреки широко распространённому мнению, наше политическое и военное руководство не ослабляло вооружённые силы на Дальнем Востоке. Под Москву было переброшено 20 дивизий в конце 1941 и в начале 1942 года – из тех, где был высок процент командиров среднего звена, воевавших на Хасане и Халхин-Голе. А на Дальний Восток ушли части новой мобилизации, и к весне 1942 года здесь было сосредоточено свыше 1,3 миллиона солдат. Подчеркну: к началу Великой Отечественной войны дальневосточные силы составляли чуть больше 700 тысяч. А теперь их увеличили почти вдвое, хотя необходимость в резервах на западном фронте была чрезвычайно высокой.

Почему Сталин не верил японскому нейтралитету? Ведь ему посылали такие, как сегодня сказали бы, отчётливые сигналы – изменение вектора экспансии, увольнение одиозного руководителя МИД и резкое снижение провокационной активности на границе. Но советская разведка в Харбине работала хорошо, и вождь знал, какие дела японцы прикрывают словами.

ОСОБЫЕ МАНЁВРЫ КВАНТУНСКОЙ АРМИИ

А какие именно дела? Давайте разберёмся.

Япония все четыре года войны СССР с Германией придерживалась договора о нейтралитете. Но 5 апреля 1945 года Вячеслав Михайлович Молотов принял посла Японии Сато Наотакэ и заявил о денонсации советско-японского пакта. Это решение в Японии было воспринято с огромным возмущением, все газеты кричали о «коварстве» русских, «ножах в спину» и так далее.

7 апреля «Известия» напечатали статью «К денонсации советско-японского Пакта о нейтралитете». Вот как газета объясняет решение советского правительства: «В наиболее трудное для СССР время Япония продолжала укреплять свое сотрудничество с Германией, что имело не только большое политическое значение, но и являлось существенной помощью Германии в ее войне против Советского Союза».

Для широкого читателя такого объяснения было достаточно. Однако за строками статьи оставались и другие, более весомые, причины.

Сразу же после нападения Германии на Советский Союз, 24 июня 1941 года, командующий Северо-Китайским фронтом генерал Окамура Ясудзи получил из Императорской ставки приказ готовиться к войне с СССР. Он вызвал в Пекин командующего Гарнизонной армией Внутренней Монголии (Мэнцзян) генерал-лейтенанта Амакасу Дзютаро и обсудил с ним план подготовки к войне. Японские войска во Внутренней Монголии должны были согласовать все действия с Квантунской армией в Маньчжоу-Го.

Буквально за неделю военное руководство в Северном Китае, Манчжурии и Мэнцзяне разработало детальный план оккупации советской территории. Его назвали «Кантокуэн», что означало «особые манёвры Квантунской армии». По этому плану, одобренному в Генштабе и лично императором, Япония должна была объявить войну Советскому Союзу 10 августа, когда немецкие войска войдут в Москву. Квантунская армия захватывала Советское Приморье, начиная наступление от станции Пограничная на Благовещенск, чтобы перерезать железную дорогу и не дать Красной Армии подкреплений с запада. На первом этапе войны японцы собирались занять Ворошилов (Уссурийск), Владивосток, Благовещенск, потом захватить Николаевск-на-Амуре, Комсомольск и Советскую Гавань. И как завершение плана – оккупация Северного Сахалина и Петропавловска-на-Камчатке. Захватив Приморье, можно было разворачиваться для наступления на запад, к Байкалу.

Обо всех перипетиях, связанных с планом «Кантокуэн», в Москве знали – наши разведчики в Харбине и Токио работали хорошо, что отмечали даже японцы. Москву немцы не взяли, и японские сроки, по понятным причинам, были перенесены на август 1942 года. Генеральный штаб скорректировал «Кантокуэн», и план не менялся до 1944 года. К этому времени у нашей границы было сосредоточено около 30 японских дивизий. А к лету 1945 года здесь находилось свыше миллиона солдат. Основу группировки составляла дислоцированная в Маньчжурии Квантунская армия. Рядом, в прояпонском Мэнцзяне, ждала сигнала к наступлению Гарнизонная армия. В случае конфликта она должна была оттягивать на себя силы противника, потому что, по сути, армия была карликовая – в лучшие годы в ней служило до 15 тысяч человек. В 1945 году эту армию за день разогнал наш генерал Исса Плиев, а Мэнцзян вошёл в Китайскую Народную республику.

Но вернусь к «Кантокуэну». Японцы настолько серьёзно собирались вторгаться на советский Дальний Восток, что вновь мобилизовали русских «харбинцев».

«Вновь» – потому что русские белогвардейцы уже участвовали в боях на Халхин-Голе в качестве разведчиков, проводников и переводчиков. Ещё летом 1932 года с подачи атамана Семёнова и по благословию генерал-майора Комацубары начали создавать вооружённые русские формирования. В 1938 году недалеко от Харбина появилось подразделение белоэмигрантов и членов русской фашистской партии под командованием японского полковника Асано Макото. В 1941 году бойцы «Бригады Асано» были переброшены на границу и ожидали приказа о переходе на советскую территорию.

Когда современные японские историки поднимают тему «коварства» СССР, денонсировавшего пакт о нейтралитете и объявившего войну Японии, все эти причитания перебиваются одним простым вопросом: «Зачем Япония четыре года держала на границе с СССР миллионную Квантунскую армию?»

В вердикте Международного трибунала для Дальнего Востока, который проходил в Токио с 3 мая 1946 года по 12 ноября 1948 года констатировалось: «Трибунал считает, что агрессивная война против СССР предусматривалась и планировалась Японией в течение рассматриваемого периода, что она была одним из основных элементов японской национальной политики, и что её целью был захват территории СССР на Дальнем Востоке».

Анатолий Кошкин в книге «Кантокуэн» – «Барбаросса» по-японски» пишет: «Добросовестные японские историки указывают, что заявления бывших японских военных о «слабости» Квантунской армии, её боязни «превентивного удара Советов», оборонительном характере плана «Кантокуэн» могут ввести в заблуждение лишь несведущего читателя. «Летом 1941 г. мощь Квантунской армии достигла пика, и её называли в Японии «непобедимой» – в то время считалось, что она является самым сильным фронтовым объединением. И действительно, с точки зрения тогдашнего уровня экономического производства Японии эта армия оправдывала название «самой передовой и современной», – свидетельствовал автор ряда работ об участии Японии во Второй мировой войне Гомикава Дзюмпэй. Проанализировав ставшие доступными после войны документы, он приходит к выводу о том, что нападение на СССР в 1941 г. «не было осуществлено по причине отсутствия необходимых

условий, а не в результате соблюдения Японией пакта о нейтралитете».

Писателю Гомикаве вторит профессор Токийского университета Онума Ясуаки: «Японская сторона под кодовым названием «Кантокуэн» осуществляла массовую мобилизацию с замыслами напасть на Советский Союз в момент, когда положение Германии будет выгодным. Так как эта подготовка именовалась «манёврами», в Японии мало известен факт, что в действительности это была подготовка к войне».

Далее А. Кошкин пишет: «Даже отстаивающие проправительственные позиции составители насчитывающей свыше ста томов японской «Официальной истории войны в Великой Восточной Азии» вынуждены признавать, что запланированное японское нападение не состоялось из опасения потерпеть поражение от сохранявших боеспособность советских войск».

Таким образом, выполняя обязательства перед Германией по Тройственному соглашению и готовясь пожить за счёт СССР, Япония нарушила пакт о нейтралитете. Именно решение о нападении на СССР в случае успеха немецких войск и активная к нему подготовка явились нарушением пакта. А это лишило Японию права ссылаться на него.

«УЧИТЫВАЯ ОТКАЗ ЯПОНИИ КАПИТУЛИРОВАТЬ...»

На Ялтинской конференции (4-11 февраля 1945) И. В. Сталин, Ф. Рузвельт и У. Черчилль подписали Соглашение (Крымскую декларацию), по которому СССР обязывался через 2-3 месяца после победы над Германией выступить против Японии. Условие вступления в войну, поставленное Сталиным, заключалось в возвращении Советскому Союзу всего Сахалина и Курильских островов. 8 февраля 1945 года на встрече со Сталиным Рузвельт пообещал заставить Чан Кайши признать независимость Внешней Монголии (МНР), восстановить права СССР на КВЖД и ЮМЖД и аренду Порт-Артура. И отдельно президент гарантировал лично, от имени США, возвращение СССР всех Курильских островов и южной части Сахалина взамен на участие СССР в войне против Японии.

В середине июля Ставка Верховного Главнокомандования доложила, что завершены основные мероприятия подготовки к выступлению против Японии. Вот справка: «Группировка советских войск включала три фронта, Тихоокеанский флот

и Краснознаменную Амурскую флотилию. Было сосредоточено одиннадцать общевойсковых, одна танковая и три воздушных армии, три армии ПВО. В их состав входили управления 33 корпусов, 131 дивизия и 117 бригад основных родов войск, а также 21 укрепленный район. Советские войска насчитывали 1747 тысяч человек, около 30 тысяч орудий и минометов, 5250 танков и САУ, свыше 5170 боевых самолетов и 93 боевых корабля основных классов».

На Потсдамской конференции (17 июля – 2 августа 1945) союзники ещё раз обсудили участие СССР в войне с Японией. Сталин заявил, что Советский Союз будет готов открыть боевые действия в середине августа. 26 июля США, Великобритания и Китай заявили: «Мы призываем правительство Японии провозгласить теперь же безоговорочную капитуляцию всех японских вооруженных сил и дать надлежащие и достаточные заверения в своих добрых намерениях в этом деле. Иначе Японии ждет быстрый и полный разгром». В Японии Потсдамскую декларацию отклонили. Премьер-министр Судзуки Дзэнко заявил: «Мы игнорируем её. Мы будем неотступно продолжать движение вперед для успешного завершения войны». Жареный петух уже клевал японцев на всех фронтах, но гордый самурай Судзуки всё ещё рассчитывал завершить войну успешно.

СССР не подписывал Потсдамскую декларацию, так как формально не был в состоянии войны с Японией. Поэтому она и обратилась к Советскому Союзу как к участнику договора 1941 года о взаимном нейтралитете – с просьбой о посредничестве в переговорах с союзниками.

Но Сталин посредничать отказался и присоединился к Потсдамской декларации. Потому что, повторюсь, он знал о японской возне на наших границах. 8 августа в 17 часов по московскому времени В. М. Молотов принял японского посла Сато Наотакэ и передал ему Заявление Правительства СССР. В нём, в частности, говорилось: «Верное своему союзническому долгу, Советское Правительство приняло предложение союзников и присоединилось к Заявлению союзных держав от 26 июля сего года. Вследствие чего правительство СССР заявляет, что с завтрашнего дня, то есть с 9 августа, Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией».

Это решение И. В. Сталина до сих пор и у японских, и у некоторых российских историков вызывает чувство гнева и досады: нельзя было нарушать договор о нейтралитете! СССР поступил вероломно. Японцы так старались не ударить в спину... Однако

все эти соображения – из сферы эмоций, которыми в международных отношениях пользуются очень редко. А если пользуются, то, как правило, себе во вред. Мы уже рассмотрели, как японцы со своим планом «Кантокуэн» изо всех сил «старались» не нарушить пакт о нейтралитете...

Сталин решил вступить в войну с Японией, исходя из оценки ситуации на восточных рубежах. А больше – из национальных интересов Советского Союза. Иначе не видать бы нам не только Курил, но и Сахалина. Охотников делить японское «наследство» в конце Второй мировой было предостаточно. К тому же союзники могли бы справиться с Японией и без участия СССР – только с большими потерями времени и ресурсов. Недаром в их планах 1947 год был назван датой завершения войны на Тихом океане.

Американцы только при захвате Окинавы за три месяца боев – с 25 марта по 21 июня 1945 года – потеряли почти 50 тысяч человек, что в разы больше потерь США в Первой мировой войне. К 1 августу 1945 года Токио был уничтожен бомбардировками почти на 80 %, Осака – на 70 %, Кобе – на 80 %. Всего на Японию сбросили 161 тысячу тонн бомб, которые полностью уничтожили 48 больших и средних городов.

Но даже атомные бомбардировки Хиросимы 6 августа и Нагасаки 8 августа не привели японцев к пониманию необходимости капитуляции. Добровольное вступление в гражданский корпус обороны приняло массовый характер. В городах и рыбацких посёлках для встречи союзных десантов организовывались силы обороны, где даже дети учились стрелять. К 1 августа 1945 года в них вступило 28 миллионов человек, при этом регулярная армия составляла 4 миллиона.

И ещё у защитников «осаждённой крепости» оставались надежды, что само существование мощной Квантунской армии повлияет на результаты войны, поможет выторговать у союзников приемлемые условия японской капитуляции. Гарри Трумэн в мемуарах пишет, что его поездка в Потсдам была продиктована единственной задачей – вовлечь СССР в войну против Японии. Американский президент признавал, что США тогда не располагали адекватными силами для разгрома Квантунской армии, который лишил бы японцев смысла дальнейшего сопротивления.

Советские солдаты, получив огромный опыт в европейской битве с фашистами, катком прошли по японцам на тех же сопках Маньчжурии, где умирали в первой русско-японской их отцы и деды. В изложении историков эта героическая былина выглядит по-канцелярски сухо. «9 августа началось наступление трёх советских фронтов. Одновременно с этим Тихоокеанский флот прервал сообщение Маньчжурии с Японией и Кореей, исключив возможность переброски резервов. Советские войска стремительно вышли в ключевые точки и разделили силы противника на части... К 20 августа последние очаги сопротивления были подавлены, и все японские подразделения сдались».

Мощная Квантунская армия, последняя японская надежда на почётный мир, была ликвидирована за две недели.

Это были тяжелейшие недели для нашей армии. Ведь театр военных действий, где предстояло разворачиваться советским войскам, разительно отличался от Европы даже размерами. Дальневосточный ТВД включал Маньчжурию, Внутреннюю Монголию (Мэнцзян) с Северной Кореей. На территории одной Маньчжурии могли разместиться Германия с Италией, да ещё и Япония в придачу. Представляете расстояния? Резко контрастировал с Европой и рельеф – высокие горы и каменные пустыни, малозаселённые степи. К тому же, к июню 1945 года у границ с Советским Союзом и МНР было возведено 17 японских укрепрайонов. В полосе укреплений было 4 500 долговременных сооружений, и она составляла около 800 километров.

Публицисты, сочувствующие «преданным» японцам, пишут, что советская армия столкнулась в Маньчжурии с плохо вооружённой толпой, набранной из полицейских и вспомогательных сил. И что в Квантунской армии было не миллион человек, а всего лишь 700 тысяч! «Всего лишь»...

На самом деле, Квантунская армия представляла мощную группировку, хорошо отмотилизованную и мотивированную, которую недаром называли гордостью империи. Она включала два фронта, две отдельных армии и военную флотилию. Группировка общей численностью миллион человек имела 12 155 танков, 6 640 орудий и миномётов, 26 кораблей и 1 907 боевых самолётов. Если бы советские части воевали с такой группировкой по классическим схемам, то разогнать эту «толпу» они смогли бы, минимум, к тому же 1947 году, когда англо-американцы ожидали конец Второй мировой на Тихом океане. Скорей

всего, союзники на это и рассчитывали: Советский Союз завязнет в боях с японцами на огромных просторах Дальнего Востока и, обескровленный, он не сможет активно участвовать в послевоенном мироустройстве.

Но Красная Армия, разгромив за две недели Квантунскую группировку, показала образец молниеносной войны, который вошёл во все учебники по военной стратегии, и не опоздала, если можно так выразиться, к столу победителей.

НА ТЕХ ЖЕ СОПКАХ МАНЬЧЖУРИИ

В сводках с дальневосточных фронтов зазвучали названия городов и районов, где воевали наши солдаты в первой русско-японской войне. Мукден, Хайлар, Цицикар, Муданьцзян, Гирин... И, наконец, Порт-Артур! Как будто время повернуло вспять, и Россия вернула себе заслуженную победу.

Воевали стремительно, подчинив всё темпам движения. Самолётами забрасывали горючее для танков. Авиаторы 12-й воздушной армии Забайкальского фронта доставили для машин 6-й танковой армии две тысячи тонн горючего и двести тонн боеприпасов. Для этого потребовалось свыше 1700 самолётных вылетов. Забайкальцы под командованием маршала Родиона Яковлевича Малиновского броском преодолели пустыню Гоби, разгромив по пути войска японской марионетки князя Девана (Мэнцзян), и вышли почти к Пекину. Восточное крыло фронта, прорвавшись через хребты Большого Хингана, ударило по Квантунской группировке.

Части 2-го Дальневосточного фронта под командованием генерала армии Максима Алексеевича Пуркаева наступали от Благовещенска, а 1-го фронта, которым командовал маршал Кирилл Афанасьевич Мерецков, – из Приморья. Инженерные войска восстанавливали движение на КВЖД и прокладывали новые колеи. Бронетехнику быстро перебрасывали на железнодорожных платформах. Поэтому темпы наступления были такими высокими – к середине августа гигантская войсковая операция была, по сути, завершена. Были заняты крупные узлы Цицикар, Муданьцзян, Чанчунь и другие. Современному читателю эти названия мало что говорят, но в те дни советские люди хорошо представляли, что значили эти города.

Например, Муданьцзян – крупный промышленный центр и узел на КВЖД. Этот маньчжурский город имел огромное опера-

тивно-стратегическое значение и в первой русско-японской войне – он прикрывал центральные районы Маньчжурии с востока. В 1945 году здесь развернулись, пожалуй, самые ожесточённые бои в разгроме Квантунской группировки. Лежащий в излучине реки, закрытый труднопроходимыми горами и лесами, да ещё и хорошо укреплённый, город представлял настоящую крепость. Взять с ходу его не удалось, и наши войска обложили Муданьцзян, буквально по метру продавливая оборону. Через неделю в городе начались уличные бои.

Впоследствии командующий 5-й армией генерал-лейтенант Норицунэ Симидзу отмечал: «Мы не ожидали, что русская армия пройдёт через тайгу. Наступление внушительных сил русских со стороны труднодоступных районов оказалось для нас совершенно неожиданным. Потери 5-й армии составили более 40 тысяч, то есть около 2/3 её состава. Оказывать дальнейшее сопротивление армия не могла. Как бы мы ни укрепляли Муданьцзян, отстоять его не представлялось возможным».

Взятие Муданьцзяна означало крах всей Квантунской группировки и падение Маньчжурии – промышленной и сырьевой базы Японии.

Муданьцзян взяли 16 числа, а 17 августа Александр Михайлович Василевский, Главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке, передал командованию Квантунской армии радиogramму Генерального штаба Красной Армии:

«Штаб японской Квантунской армии обратился по радио к штабу советских войск на Дальнем Востоке с предложением прекратить военные действия, причём ни слова не сказал о капитуляции японских вооружённых сил в Маньчжурии.

В то же время японские войска перешли в наступление на ряде участков советско-японского фронта.

Предлагаю командующему войсками Квантунской армии с 12 часов 20 августа прекратить всякие боевые действия против советских войск на всём фронте, сложить оружие и сдаться в плен.

Указанный выше срок даётся для того, чтобы штаб Квантунской армии мог довести приказ о прекращении сопротивления и сдаче в плен до всех своих войск.

Как только японские войска начнут сдавать оружие, советские войска прекратят боевые действия.

17 августа 1945 года 6. 00 (по дальневосточному времени)».

Утром 18 августа генерал Ямада Отодзо в ответе по радио маршалу Василевскому выразил готовность выполнить все условия капитуляции и направил радиogramму в войска:

«1. Квантунская армия, выполнив до конца свой долг, вынуждена капитулировать. 2. Всем войскам немедленно прекратить военные действия и оставаться в тех районах, где они находятся теперь. 3. Войскам, находящимся в соприкосновении с советскими войсками, сдавать оружие по указанию советского командования. 4. Какие бы то ни было разрушения строго запрещаются».

Командующий Квантунской армией».

Несколько слов о Василевском, творце победы в Маньчжурии. Сын священника, выпускник семинарии, доброволец Первой мировой, кавалер императорских орденов св. Анны и св. Станислава. Начал прапорщиком, закончил войну штабс-капитаном. После революции служил в Красной Армии на самых разных должностях, боролся с бандитизмом, участвовал в советско-польской войне, учился в Академии Генштаба и там же руководил кафедрой. В дни обороны Москвы исполнял обязанности начальника Генштаба вместо заболевшего Б. М. Шапошникова. Участвовал во всех крупнейших сражениях Великой Отечественной – в битве под Сталинградом, в операции «Багратион», в освобождении Украины и Крыма, в разгроме германской группировки в Восточной Пруссии.

6 февраля 1943 года Александру Михайловичу было присвоено звание Маршала Советского Союза. А всего за 29 дней до этого он стал генералом армии. 10 апреля 1944 года, в день освобождения Одессы, Василевский был награжден орденом «Победа». Второй такой орденом маршал получил за разработку и руководство взятием Кенигсберга. Лишь трое в СССР получили орден дважды – Жуков, Василевский и Сталин.

Полководец талантливый и скромный. Главное – скромный. Никогда не лез в политику и околоремлёвские разборки. Неумолимо пахал в военном поле. Поэтому, несмотря на «поповское» происхождение и офицерскую службу в царской армии, уверенно продвигался по службе, был любим, как говорится, подчинёнными и начальством.

Разгром Квантунской армии стал своеобразным подарком маршала самому себе к юбилею: 17 сентября 1945 года ему исполнилось 50.

14 августа по токийскому времени император Японии Хирохито подписал указ о капитуляции Японии: «Мы повелели нашему правительству передать правительствам Соединенных Штатов, Великобритании, Китая и Советского Союза сообщение о принятии нашей империей условий их совместной декларации». Но и в Маньчжурии, и в самой Японии сопротивлялись указу императора, а в Токио 15 августа группа офицеров организовала мятеж, пытаясь захватить императорский дворец.

После подавления путча указ императора был передан по радио. Президент Трумэн тут же поделился радостной новостью с американскими гражданами, которые высыпали на улицы праздновать победу. В это время в Маньчжурии шли жестокие бои, и продолжались они до 24 августа. На отдельных участках гигантского фронта от Тихого океана до Монголии японцы сдавались только тогда, когда больше не видели ни малейших возможностей сопротивляться. А если такие возможности, пусть призрачные, сохранялись, они сражались до конца.

Боевые действия в Маньчжурии шли, так сказать, волнами – к середине августа Квантунская группировка была в основном разбита, в двадцатых числах подавлены крупные очаги сопротивления, а до конца августа наши войска «зачищали» Северную Корею и Ляодунский полуостров. На этом полуострове в Дайрене, русском Дальнем, взяли за жабры несостоявшегося диктатора Сибيريا-Го атамана Семёнова.

Ещё одна претензия японских историков: мол, советские солдаты с неохотой брали пленных японцев. Это безосновательный оговор. Откуда тогда взялось в нашем плену более 600 тысяч военнослужащих японской и маньчжурской армий? Хотя в отдельных случаях, действительно, пленных не брали, поскольку на соседних участках японцы не сдавались. В пылу боя было некогда разбираться – сдаётся ли противник по-настоящему, или заманивает в ловушку. Были и такие случаи. Кроме того, часто пленных не брали бойцы Китайской народно-освободительной армии, с которой взаимодействовали части Забайкальского фронта. Китайцы насмотрелись на зверства японцев.

В Харбине советский десант захватил начальника штаба Квантунской армии генерал-лейтенанта Хата Хикосабуро. 19 августа его доставили в штаб 1-го Дальневосточного фронта. Василевский потребовал от генерала, чтобы японские войска сдавались организованно. Хата согласился с требованиями, но

попросил оставить японским солдатам оружие в ряде городов Китая и Кореи до подхода советских войск. Японцы боялись, что китайцы и корейцы их просто вырежут.

О японских преступлениях против мирного населения Китая и Кореи мир узнал после заседаний Токийского и Хабаровского трибуналов. Узнал и содрогнулся... «Цивилизованные» японцы вели себя на захваченных территориях так же, как и «цивилизованные» немцы. У фашизма, как выяснилось, одно лицо. Но это тема для другого разговора.

ОСВОБОЖДЕНИЕ САХАЛИНА И КУРИЛ

По Портсмутскому договору 1905 года сахалинское пограничье было объявлено демилитаризованной зоной. Но к 1945 году в нарушение договора японцы превратили район 50 параллели в крепостную полосу. Основным рубежом сухопутной обороны стал Котонский укрепрайон, сахалинская «линия Маннергейма».

10 августа 1945 года маршал А. М. Василевский отдал приказ о начале операции по освобождению южной части Сахалина. 11 августа 1945 года советские войска на Сахалине перешли 50-ю параллель и прорвали оборону Котонского укрепрайона японцев. 16 августа десантники 113-й стрелковой бригады заняли город Торо (Шахтёрск), а 20 августа – порт Маока (Холмск). К 25 августа наши войска заняли основные пункты Южного Сахалина, в том числе Тойохару (Южно-Сахалинск) – центр японской префектуры Карафуто. В результате Южно-Сахалинской операции в плен попало 18 тысяч японских солдат и офицеров.

За строками короткой сводки остался штурм укрепрайона, который по значимости для Сахалина соответствовал крепости Муданьцзян на материке. Укрепрайон был оборудован под городом Котон (сегодня – Победино). Это 12 километров по фронту и около 30 километров в глубину отлично подготовленных инженерных сооружений: 17 дотов, 130 артиллерийских и пулемётных дзотов и большое количество артиллерийских позиций. При авианалёте или артобстреле гарнизон мог укрываться в 150 железобетонных убежищах. Обороняла Южный Сахалин 88-я пехотная дивизия – 30 тысяч штыков. А гарнизон Котонского укрепрайона насчитывал ещё 5,5 тысячи человек. С запада район прикрывали горы, с востока – болотистая долина реки Поронай.

Сергей Пономарев, общественный деятель и публицист, экс-депутат Сахалинской областной думы, справедливо заме-

чал: «На Сахалине и Курилах советским войскам противостояла уже не Квантунская армия, а Северная территориальная армия со штабом на Хоккайдо (зона ответственности: север Хонсю, Хоккайдо, Южный Сахалин, Курилы) и пятый флот императорских ВМС». У Северной армии была большая свобода маневра, поддержка флота и возможность черпать ресурсы из метрополии.

Но на Сахалине японцев опять подвела самурайская заносчивость и следование стереотипам. Японская армия застряла во времени Халхин-Гола и не знала разницы между «жуковскими» подразделениями Красной Армии 1939 года и ударными частями Василевского 1945-го. Японцы под Котоном были совершенно уверены, что советские войска не смогут взять укрепленный район: «самураи» занимали мощные укрепления, отлично вписанные в очень сложную местность и хорошо замаскированные.

Однако десантный батальон из 179-й стрелкового полка преодолел заболоченную пойму реки Поронай и вошёл в котонский укрепленный район. Бойцы под командованием капитана Леонида Владимировича Смирных, двигаясь по пояс в воде, на себе несли миномёты. Японцы не ожидали появления русских в тылу своей линии обороны. Позднее один из плененных офицеров показал на допросе, что его донесение о перешедших болота русских командование посчитало выдумкой. Оно не ожидало здесь удара советских войск, так как считало это направление непреодолимым для техники. Непреодолимым – и шабаш!

Батальон Смирных удерживал пяточок в тылу японцев до подхода основных сил. Советские снаряды и авиабомбы не оставили японцам шанса спрятаться под железобетоном. 19 августа войска Котонского гарнизона сдались.

Опять мы наблюдаем стремительное наступление Красной Армии – за две недели наши воины с боями прошли почти полтысячи километров по тайге и горам, по местности, наименее приспособленной к наступательным операциям, и захватили южную оконечность Сахалина. До острова Хоккайдо осталось 44 километра через пролив Лаперуза.

* * *

Десантная операция, которую наши войска провели с 18 августа по 2 сентября 1945 года, тоже стала для учебников по тактике образцом оперативного искусства. На Курильских островах к началу высадки советского десанта японская группировка со-

ставляла свыше 80 тысяч человек. За годы оккупации островов здесь была создана сеть мощных укреплений с танками и артиллерийскими гнёздами.

Самым укреплённым считался остров Шумшу, который отделялся от советской Камчатки проливом чуть больше десяти километров шириной. На острове, служащем базой японского флота, все опасные для десанта участки были перекрыты долговременными огневыми сооружениями. А в скалах были сооружены жилые помещения, узлы связи, госпитали. Глубина некоторых подземных сооружений составляла до 50 метров.

Прервусь на минуту. На острове Шикотан нам, журналистам международной бригады, показывали японский маяк. Он стоит на мысе Край Света. Не сам маяк интересен, хотя его части до сих пор, несмотря на влажный океанский воздух, сияют воронённой сталью, интересны подземные сооружения у маяка – жилые и подсобные помещения. Они вырезаны в каменном теле мыса, стены промазаны бетонным раствором, который гладок как в первый день творения... По этим гладким бетонным стенам водяной конденсат стекает в несколько водосборников. Здесь можно отсиживаться при любой бомбардировке.

Уверен, такие же сооружения были на Шумшу. Вот справка: «Всего на Шумшу было 34 бетонных артиллерийских ДОТа и 24 ДЗОТа, а также 310 закрытых пулемётных точек. В случае захвата десантниками отдельных участков побережья, японцы могли скрытно отступить вглубь острова. Общая численность гарнизона Шумшу составляла 8,5 тысячи человек, более 100 артиллерийских орудий и около 60 танков. При этом гарнизон Шумшу можно было легко усилить войсками с соседнего хорошо укрепленного острова Парамушир, на котором находилось до 13 тысяч японских войск».

Тем не менее, советские десантники высадились на Шумшу. Их поддержали огнём береговые батареи с камчатского полуострова Лопатка. 18 августа японцы бросили в бой с десантниками весь танковый резерв – около 60 машин. Почти все они были сожжены. На Шумшу остовы этих танков встречаются до сих пор. Вечером 19 августа японцы запросили пощады. Шумшу стал опорным пунктом советских войск, с которого развивалось наступление на остальные острова. 23 августа без боя сдался гарнизон ещё одного крупного острова – Парамушира. А 2 сентября, день в день с окончанием Второй мировой войны на Тихом океане, закончилось и освобождение Курил. На них снова заговорили по-русски.

Ещё раз о менталитете японцев.

Командовал обороной Северных Курил генерал-лейтенант Цуцуми Фусаки, который 23 августа 1945 года подписал капитуляцию японских гарнизонов. Когда Цуцуми узнал на допросе, что его 25-тысячный гарнизон разгромлен 9-тысячным десантом, у генерала случилась истерика.

В литературе известно письмо Цуцуми Фусаки, тоже немало говорящее о «тонкой» натуре генерала. Письмо написано во время подготовки японцев к депортации в метрополию. Даю с сокращениями.

«Уважаемый Командир Советской Армии,

Генерал-майор, Ваше Превосходительство Дьяков П. И.

Мы имеем честь от всей души выразить Вам глубокую благодарность за то, что благодаря любезности ваших войск, нам всем – офицерам и солдатам японской армии и местным жителям гарантированы безопасность жизни и сохранность имущества, и мы все счастливо выживаем.

1. При репатриации (отсылке назад) собственно в Японию наших офицеров и солдат японской армии и местных жителей я хочу места высадки на берег, как указано ниже. Дивизия – о. Хоккайдо, порт Отару или порт Хакодате. А в случае о. Хонсю – порт Йокогама...

2. При возвращении собственно в Японию офицеров и солдат японской армии и местных жителей я хочу, чтобы Вы позволили нам взять с собой съестные припасы, топливо, гигиенические материалы, канцелярские и другие потребительские товары.

6. Что касается фотоаппаратов, биноклей и других предметов, являющихся собственными вещами наших офицеров, которые конфисковали в ваших войсках, то я хочу, чтобы перед посадкой на судно Вы возвратили их в дивизионный штаб японской армии.

7. По отношению к унтер-офицерам и солдатам я хочу, чтобы Вы разрешили им носить мечи (штыки) на основании Соглашения о временном взаимном прекращении наступательных действий...

В случае, если Вы будете осуществлять наши вышеупомянутые требования, то японская армия от всей души будет выражать глубокую благодарность за любезность ваших войск, а также вместе с тем после возвращения собственно в Японию

она (японская армия) будет докладывать подробно об этом Правительству Японии и будет освещать это внутри и за пределами Японии.

18-е число сентября 1945-го года

Командующий северной части островов Тисима
японской армии генерал-лейтенант Цуцуми Фусаки».

«Хочу» – и вся недолга. Как будто Порфирий Иванович Дьяков, командир десанта на Курилы, служил приказчиком в бюро путешествий... Мол, шевелись, а то пожалуюсь императору, да и всем на свете расскажу, как ты фотоаппарат зажалил и канцтовары! Так разговаривал с победителями побеждённый. Можно представить, как бы он заговорил, оказавшись в числе победителей? И ещё вопрос: а можно ли быть уверенным, что этот наглый, совершенно безбашенный типаж ушёл в прошлое?

ДЕСАНТ НА ХОККАЙДО И ПАРАД В ХАРБИНЕ

Известно, что Сталин дал задание Генштабу планировать десант на Хоккайдо. Таким жёстким образом он ответил на дискриминационную директиву командующего союзными силами на Тихом океане генерала Макартура. Тот приказывал союзникам принимать капитуляцию японцев на всех Курилах к югу от четвёртого Курильского пролива. Таким образом, в зоне советской ответственности оставались только самые северные Курилы.

Сталин потребовал от Трумэна соотнести приказ Макартура с Потсдамскими соглашениями, по которым все Курильские острова переходили к СССР после капитуляции Японии. Трумэн согласился на корректировку директивы, и 17 августа Сталин дал добро Василевскому на высадку десанта на Курилы. Упорное сопротивление японских войск советским на Курилах, в нарушение указа императора о безоговорочной капитуляции, как считают многие военные историки, могло объясняться тем, что японцы узнали о «тёрках» между союзниками и понадеялись, что брать их в плен будут американцы.

Конкретный план захвата Хоккайдо разработал адмирал Иван Степанович Юмашев, Главнокомандующий Тихоокеанским флотом. Он уже приказал бригаде подводных лодок топить японские суда, чтобы очистить подходы к Хоккайдо. Сталин направил президенту США Трумэну меморандум, в котором попросил с пониманием отнестись к оккупации северного японско-

го острова. Однако Трумэн 18 августа порекомендовал вождю не делать этого. Сталин 24 августа отменил десант на Хоккайдо.

Далее начинаются изыскания историков и политологов. Одни утверждают, что если бы не решительная позиция Трумэна, то на карте мира появилась бы вместе с Северной Кореей и Северная Япония под красным флагом. Вот и хорошо, говорят другие. Тогда бы не было проблемы «северных территорий» и головной боли у нескольких поколений российских руководителей.

Однако и те, и другие почему-то не учитывают специфических сталинских приёмов «психической атаки». Вождь хорошо понимал, что оккупация Хоккайдо не вписывается в Ялтинские договоренности о разделе сфер влияния. Нарушать «Ялту» он не хотел, но вот сделать вид, что готов захватить Хоккайдо и при этом согласиться *только* на Курилы... И пусть господин Трумэн думает, что переиграл товарища Сталина.

Обращаясь к народу 2 сентября по радио, И.В. Сталин сказал:

«Япония воспользовалась поражением царской России для того, чтобы отхватить от России Южный Сахалин, утвердиться на Курильских островах и, таким образом, закрыть на замок для нашей страны на востоке все выходы в океан... Южный Сахалин и Курильские острова отныне будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии».

16 сентября в Харбине прошёл первый и единственный парад Красной Армии в честь победы над Японией. Его принимал дважды Герой Советского Союза генерал-полковник А. П. Белобородов, военный комендант «русского Китая». А 30 сентября указом Президиума Верховного Совета СССР учреждена медаль «За победу над Японией». Ею награждено 1 831 000 человек... Общеизвестно, что в Японии нет медали «За победу над СССР». Тем более удивительно, что наши «соседи» уже шестьдесят лет требуют «вернуть» Южные Курилы.

г. Москва

Людмила Маравя

ЖУРБА

Говорить о Донцке в дни его 150-летия означает: делать это надо намного лучше, чем получалось прежде. Потому что сегодняшняя полуторавековая особенность такого торжественно-исторического момента более чем наполовину отяжелена, пригноблена, насквозь пропитана земной материализованной печалью. И ожесточившейся смертноу памятью растревожена. И слезами человеческими, сверх меры просоленными, ни на мгновение не пересыхающими, окроплена. И горячим ветром свершившейся трагической неизбежности обожжена.

Не свезлось. Не удержали. С ног своих упали. Да и у кого сил таких исполинских, неземных-богатырских найдётся, чтобы потугами плотскими меряться с великой природной правотой?! Вот и вырвался степной ветряный бродяга из раскалённого жара степи донецкой. Буйно-взволнованно, дико голосащей-воющей, денно и ночью, от боли лютой, ей причиняемой. Каждым комком глинисто-песчаной земли своей и по сей день рыданием непрерывным постанывающей... Думаю, именно, как пророческим предчувствием долготечения кровавой беды.

Печаль... Неподъёмно свинцовым отчаянием неверия в будущее она безобразно разбухла. И всё же, подпёртая над землёй неотёсанными брёвнами сдержанности и совестливости, она есть. Чтобы можно было бы выжить в блокаде. И не позволить переживаемому городом ужасу проехаться, окончательно, огромным катком трамбовочным, по холодно-рассудочным родникам его полуторавековой осознанности. Чтобы намертво вкатать её в преисподнюю. Чтобы заставить город забыть, что хранят ключи эти, многовековые родниковые, землю такую пядями чистоты донбасской, первозданно самобытной. И как бы изошрённо ни вертелась вокруг безбожная бесовщина, никогда не даст вода родниковая подступиться вплотную к благоразумию изворотливой черноте. Каждый день дышащей в затылок здесь каждому. А водица неподкупная не даёт безгрешность

Донбасскую опаршивать. И изгадить приносным словоблудием, как суховеем грязного надругательства, её многолетнюю историю. Последние пять лет которой, знаковый рубеж, начались в грохоте падения на Землю железного занавеса гигантской гильотины унижительного отвержения Донбасса. От всего другого мира. Что иначе, чем пять лет уже пережитой Донбасской блокады, и не зовётся сегодня.

Режут слух эти слова. Трудно выносимой коростой скопления в донецком воздухе ежедневной пороховой горечи. Въелась она, ядовитой чёрной сажей пережитого ужаса, вписалась в осунувшееся и посеревшее от многолетних переживаний лицо города. Оно – это его улицы и дома. Переулки и проспекты. Люди. Они, большая часть их, здесь сегодня убогой дряхлой жизнью существуют.

Оглядываюсь в недавнее прошлое. 2015 год – второй год, как стали руинами донецкие окраины. И столько же, как онемел, захлебнулся в параличе незнакомого безмолвия центр. И почернел. Особенно густо – с наступлением времени комендантского часа. Когда впадает город в мрак городского безлюдия. Когда кое-где освещаются светом электрических лампочек окна в многоэтажных домах. Тогда, снедаемая муками ещё не въевшейся в мозги оторопи, заметила я: тусклым и ненадёжно вероломным кажется подобный, сомневающийся в силе своего сияния свет. Такой, слабо мятущийся, в подёргиваниях устоявшейся безнадёги, – всегда склоняет к конформистской мысли о затяжной тоске. Такой свет, когда светящихся лампочек в наступающем на город вечере катастрофически мало, он всегда силком приводит мысли в незнакомые тупики уныния. Но весьма благоприятным, в таком унылом свечении, свет этот есть. Когда власть тьмы разгульно бесчинствует беспредельным хаосом на городских улицах.

Взгляд человека, идейного и осознающего свою особенную роль в происходящем – страшно разрушительная, кровавая блокада большого города... – он всегда горит жаром чистых, как слёзы младенца, желаний. Он всегда пробивает силой своей мужественной убеждённости мрак тьмы. Он – сильнее, чем сталь. Он – выносливее во сто крат, чем даже мысли, его рождающие.

Вкус клубники на Донбассе – это вкус детства. Всегда он культивировался в любой местной семье не как деликатесная диковинка, а как полезная и здоровая ягода. Которую первым делом на дачах своих горожане сажали, как только ими обзаводились.

Дача – земля – Родина. Пять лет, как клубника недоступна большинству семей. Во многих – забыли о своих дачах. В пригородной горячке пятилетнего кровавого противостояния они рассыпались на множественные металлические составные. До гвоздей использованных, погнутых. Исчезли. И заменились скрежетом эмоционально затянувшегося осмысления всего происходящего.

Год 2019. Что изменилось?

...Печальная слава терзаемого кроваво-расстрельными пытками города. То, о чём только где-то слышалось. Но не виделось, по сути. В общем, всё то, что было известно из новостей, в одну-две минуты телевизионных роликов расплёскивавших по экранам телевизоров. Но во что им было очень трудно, почти невозможно поверить. Так как, не состыковывались в их головах понятия: мирная жизнь столицы и одновременно громящая по всем правилам война. В хорошо знакомом, любому думающему человеку, по своему названию, городе. Близок он им был и понятен подробностями его страшно переживаемой, на расстоянии сотен километров, трагедией. Потому что ещё не до конца разорвались нити всего того, что неистово-прочно связывало когда-то одну огромную общность людей. Граждан единой страны.

Мой город – моя выпестованная его свободолюбивым и волевым духом судьба. И вижу я его, и слышу сейчас голос его, в это непростое и страшное время, вполне возможно, по-особенному. И понимаю я свой город так, как понимают страдания близких тебе людей.

А что же в Донецке? В городе превалирующей пригнобленной человеческой старости. Где, бывают такие дни, в аптеках наблюдается недостаток препаратов для лечения сердечно-сосудистых заболеваний. Или в продаже – только бесценные коробочки с таблетками, ценой в треть местного пенсионного пособия. Одна коробка.

Жизнь донецкая, ужаснее, чем слова этот кошмар жизненным глубоким смыслом наполняющие, продолжается. Стоят часами люди на городских остановках. В ожидании троллейбусов и трамваев. Сарафанным радио, бедолаги, оповещённые: по две-три машины бегают на каждом маршруте.

Замкнутый круг блокадного безумия. Где одно страдание не исчезает само по себе. Но мгновенно порождает другое. Все, одновременно страдающие, как явь фантастической планеты.

Родовыми потугами намеревающейся разродиться однажды явлениями хоть какого-нибудь счастливого удовлетворения. И не могущей это сделать, в силу замешанного на бесперспективности будущего.

Троллейбусов и трамваев – практически нет. Но поганят воздух выхлопные газы из выхлопных труб автобусно-металлического реквизита, родом из середины прошлого века. Именно такой экземпляр, с мятыми, много раз закрашенными боками, пропыхтел на открытии нового автобусного маршрута в близлежащем городке. Люди – выли от радости. До этого километры пешком наматывали. А теперь – в битком набитом салоне престарелой автобусной каракатицы и пешком постоять приятно. Только без сантиментов. По выходным дням – и маршрут выходной.

Родословная человека – преемственно-наследственная череда всех членов его рода. Биография города – люди, вершащие его историю.

Говоря о Донецке, нельзя умалчивать все особенности его трансформации. С момента появления здесь первых поселений. До пика в дне, который означен Днём его 150-летия, последнее воскресенье августа. В этом, 2019 году, 25 августа.

Трудовая история миллионов работяг. Подгоняемые могучей силой соблазна хорошо заработать, съезжались сюда, на Донбасс, со всех концов необъятной суши бездомные и обездоленные. Люди, со сложившимися судьбами, в подземелье, за углём, не полезут. Но полезут те, кто найдёт в себе силы или жилистый кураж, чтобы отважиться на тяжёлую жизнь. Себе и своему роду. По причине полнейшей безысходности и бесперспективности своего жизненного существования.

Так и ведётся, что с первых дней истории Донецка, в прошлом Юзовки и Сталино, горожан называют гопниками. Как низшую подкасту человечества. Подразумевая неспособность таких людей просветляться и облагораживаться. Предназначение которых – давать уголь стране. Пахать.

В той стране, которая, в свою недавнюю бытность, подкасту эту всеми силами благородила и просветляла, трудовыми лозунгами и праздничными маршами, во славу трудовых побед, жилось шахтёрам-металлургам относительно хорошо и почётно. Ещё и потому, что слишком сильны были в той стране патристические узы. Надёжно и крепко они выковывались рабочими руками в подземелье шахт. И поддерживали задорное вдохно-

вание нужности стране рабочих профессий. Интернациональных, по сути. Потому что такой была страна, в которой интернационализм являлся одновременно и патриотизмом.

Разлад системы начался, как и весь разрушительный бардак в валившейся со своих ног державе, незадолго до её распада. Перестройка мозгов под треск уничтожения всего былого. Цена вопроса – признание физической ненужности второсортных копателей подземных нор. И иже с ними. Так и не определившихся на официальном уровне с языком своего общения друг с другом. Хотя усреднённый юморной суржик и до сего часа спасает. Но третировать человеческую свободу за это – верх ещё одной разновидности цинизма.

– Добрый день! – С улыбкой. – На каком языке желаете общаться?

Так обращаются к людям в любом государственном учреждении в Канаде. Выбирать можно из двух официально признанных языков – французского и английского. И сопроводительная аннотация к покупке всегда прописана на французском и английском. Лекарства, инструкции по сборке мебели, косметика, продукты. Всё. Абсолютно всё сопровождает своё движение в русле канадской жизни на двух языках.

Всегда многоязычным был Донбасс. Как и Америка, и Швейцария. И Канада. И всегда – на задворках цивилизации маячил. В отличии от Америки и Швейцарии. И Канады. И означает это только одно – огромный пласт сформировавшейся на протяжении 150 лет Донбасской идентичности представляет собой пирог. О многих коржах. Не имеет значения, какой корж в таком многослойном единстве важнее. Важно, чтобы все коржи плотно прилегали к друг другу. Пропитываясь кремом взаимопонимания.

Не ущемляя исконные права народов Донбасса, выдюживших до своего столетиядесятилетия, можно было бы определить здесь и с языками. Всегда козырными картами были они в руках прохиндеев, карабкавшихся по лестницам своего успеха. К той ветке, на которой венки лавровые кладут на головы. И обретши такую награду, мгновенно забывали, убогие псевдобоги, в каких скотских условиях живут те, кто благословили их однажды своей многоголосной поддержкой к земной святости.

Оставались только, после всегда скандальных выборов, великий обман современной жизни, их лживые физиономии на болтавшихся месяцами огромных плакатах. На самых видных местах в нищих шахтёрских посёлках. Где вода в кварти-

рах – по 2-3 часа в день капает. Где дороги – трудно проходимый хлам неизведанного космоса. Где замена лампочки в вонючем подъезде непременно сопровождается письменной благодарностью за подвиг ввинчивания электрического светила в запылившийся патрон. А высший пилотаж – челобитные поклоны на видеокамеру местному бездельнику. Отвечающему за дело это. Вспоминающем о лампочке раз в несколько лет.

В новостях вечерних такой сюжет – начало всех начал.

Тоска невероятная. Когда видишь, как поганится наше богатство ногами чужими. Раздирается руками загребущими. Очерняется словами никчёмными. Всё далее ввергаются эти ценности в темницу попранной духовной культуры и нравственности. Где-то – явно, а где-то – и косвенно, называя местных старожил людьми-продуктами на корню изжившей себя системы. И, уже заявленный цинизм другого порядка, самого кощунственного: только с уходом этих людей возможен переход к новой жизни.

Новость о восстановлении движения поездов на железной дороге подаётся с ремаркой: теперь такой поезд-электричка будет очень удобен и для пенсионеров. Уточняю: ежедневно, в порядке своих очередностей, направляющихся на блокпосты. С дальнейшим продвижением за новый блокпостовый кордон. Вперёд! Куда же ещё, как не за своими пенсиями. Эти частные людские истории – позор всего человечества...

Как и некогда – слово *донецкие*. Обобщавшее, не самым приятным образом, коварных, лживых изворотливых выходцев из Донбасского региона. Мне абсолютно всё равно сегодня, кто как назывался. Тем более, что ничем хорошим в истории те/эти люди не отличились. Не волнует и как называются они теперь. От перемены мест слагаемых их сумма не меняется. Но так печально, журба – это по-украински – печаль, ознаменовались пять, прошедших в донбасской истории, лет...

Не самых лучших в Донецкой 150-летней истории.

Донецк! Мой город славный!

Да и пусть живётся тебе дальше так, как положено природой жить большому трудовому городу. Не верь тому, что с уходом людей, тебя построивших и полюбивших тебя, как своё родное детище, жизнь твоя станет лучше. Нет. Только чувство товарищеского родства спасёт тебя от полного разрушения. Родство такое, испытанно-проверенное, не появляется среди людей по чьему-то приказу. Оно, как искра Божия, зарождается в чело-

веческих сердцах. Когда смягчаются они осознанием боли потерь и утрат. Которые искалечили-изувечили твои, Донецк, окраины. И почему-то охладили и обеспамятовали умы за трагедией твоей наблюдающих. Всё ещё не в силах разжечь в людских душах огонь истинного человеческого сострадания.

Проливаемая человеческая кровь на твоей, Донецк, земле, есть мерило отпущенных тебе страданий. Трудно изменить мир, в котором отгораживаются от них стенами блокады. Снести их очень трудно. Но и жить в ожидании чуда – не легче.

А война, в цену которой заложены и человеческие жизни, по-видимому, мало что стоящие в современном социуме, когда-то всё же должна иссякнуть.

Знать бы, когда это случится в твоей судьбе?..

Только уверена: война обязательно иссякнет.

г. Донецк

Дмитрий Суровикин

ЯРОСЛАВСКОЕ ЗНАМЕНИЕ

Ассамблея Русского мира и русская литература

Небо было пасмурным, но дождь перестал и опять только надвигался, когда при стечении народа, после совершённого крестного хода, на территории Кирилло-Афанасиевского мужского монастыря торжественно открыли памятник Минину и Пожарскому. Отсюда, из Ярославля, в 1612-ом году выступило народное ополчение, чтобы изгнать поляков из Москвы.

Православный монумент необычен уже тем, что доминанта сооружения – большой крест, вознёсший мозаичный лик Спаса Нерукотворного, именно его здесь обрели и с ним ходили предводители русского воинства Козьма Минин и князь Дмитрий Пожарский, чьи бронзовые фигуры впечатляют силой духа и веры. На открытии памятника (автор – народный художник России Николай Мухин) были сказаны долженствующие важному событию речи, освящение провёл митрополит Ярославский и Ростовский Пантелеимон.

Однако самое удивительное, свидетельствую как очевидец, случилось в момент завершения официального действия – пошёл довольно сильный дождь. Силы небесные подали знамение как для пришедших в святую обитель, так и для всех ярославцев.

Но также и для гостей города, а их на сей раз было как никогда много – это участники традиционно приуроченной ко Дню народного единства XIII Ассамблеи Русского мира, самого масштабного события в деятельности фонда «Русский мир» под председательством Вячеслава Никонова. В этом году, объявленном Годом театра, местом проведения Ассамблеи стал Ярославль – замечательный город на Волге с тысячелетней историей, украшение Золотого кольца России. И символично, что для торжественного начала Ассамблеи был избран Академический театр драмы имени Фёдора Волкова – первый русский профес-

сиональный театр, основанный в 1750 году. Собранных особенно впечатлило проникновенное слово Валентины Терешковой, ярославской «Чайки».

Тема «Пространство памяти и славы русского мира» в связи с Великой Победой стала главным предметом обсуждения Ассамблеи. Сохранение культурно-исторического наследия России, перспективы популяризации и распространения русского языка, являющегося не только национальным достоянием России, но и важным элементом российской и мировой культуры, а также другие вопросы продвижения ценностей Русского мира были вынесены на всеобщее рассмотрение.

Как сообщили в пресс-центре, в работе Ассамблеи приняли участие представители высших органов государственной власти Российской Федерации, руководители министерств и ведомств, известные российские и зарубежные общественные деятели, учёные, писатели и журналисты, деятели культуры и театра, преподаватели русского языка и литературы российских и зарубежных университетов, русских школ за рубежом, представители духовенства, средств массовой информации, победители творческих конкурсов.

Состоялось шесть дискуссионных круглых столов: «Учим русский язык – понимаем Россию», «Русский театр за рубежом – действенный проводник русской культуры», «Информационное пространство Русского мира: вызовы цифровой эпохи», «Русская цивилизация – содружество культур и религий», «Историческая правда и память о Великой Победе», «Русский – первый в космосе» – темы актуальные, обсуждение интересное.

Но самостийно в рамках Ассамблеи образовался... седьмой круглый стол. Так порешили писатели – участники Ассамблеи и ярославские литераторы – и собрались в центральной городской библиотеке им. М. Ю. Лермонтова для обсуждения заявленной темы «Региональная литература в контексте общероссийской и мировой литературы: сила традиций и вызовы глобализма» на круглом столе, который вёл председатель регионального отделения СП России Мамед Халилов. Директор Централизованной библиотечной системы Ярославля Светлана Ахметдинова, приветствуя собравшихся, говорила о важности живого общения писателя с читателем.

В ходе дискуссии высказались директор института мировой литературы, профессор Шанхайского университета, известный поэт и переводчик Чжен Тиу (КНР), доктор филологических

наук, профессор, член Союза писателей Беларуси, литературовед, прозаик Анатолий Андреев, ведущий редактор журнала «Стратегия России», прозаик Вячеслав Сухнев (Москва), главный редактор журнала «Дон», поэт Виктор Петров (Ростов-на-Дону), редактор отдела науки и образования газеты «Культура» Андрей Самохин (Москва), краевед Виктор Борисов (Вологда), главный редактор сетевого издания «Первый национальный» Виктория Соцкова (Ярославль). В работе круглого стола также участвовали ярославские писатели Николай Гончаров, Лариса Желенис, Елена Карасёва, Любовь Новикова, Алексей Серов, Анатолий Смирнов и другие.

Обсуждение насущных проблем региональной литературы было живым и профессиональным, главное – конструктивным. Польза от такого разговора, как было признано всеми, очевидна. И тут же возникла идея: на будущий год организовать нечто подобное силами писателей – участников Ассамблеи Русского мира с привлечением литераторов того региона, где она пройдёт в очередной раз.

Дай-то Бог, как говорится! Даром ли случилось ярославское знамение?

* * *

Редакция «Дона» сочла нужным опубликовать отчёт о работе круглого стола, предоставленный Ярославской писательской организацией СП России

Обозначив тему круглого стола «Региональная литература в контексте общероссийской и мировой литературы: сила традиций и вызовы глобализма», Мамед Халилов подчеркнул, что, не имея единой государственной политики в вопросе дальнейшего развития русской литературы, писателям из российской глубинки, где подчас создаются по-настоящему стоящие произведения, очень сложно найти дорогу к своему вдумчивому читателю. Рынок предлагает покупателю в основном «литературный фастфуд» и дешёвые печатные коммерческие поделки, не говоря уже о сетевом пространстве, в море которого хорошую современную литературу выловить очень сложно. Нужно грамотное продвижение литературных произведений, а финансирование со стороны региональных властей практически отсутствует. В чём выход, как и где искать возможности реализации своего творчества?

Кроме этого, в русле выбранной темы свои вопросы предложил китайский ученый и литературовед Чжен Тиу. Он задумал написать исследование о русской литературе в провинции и уже не первый раз приезжает специально для того, чтобы понять – существует ли именно региональная литература в России, какие темы волнуют современных русских провинциальных писателей, как в регионах обстоят дела с традицией и новаторством, востребованы ли местные печатные издания у населения, особенно у молодёжи? «Мне бы хотелось услышать от вас, не бессмысленна ли моя идея написать такую книгу?» – обратился Чжен Тиу к собравшимся.

Все активно включились в дискуссию, которая выявила разнообразие мнения. Так, например, Виктор Борисов подтвердил, что на Вологодчине много талантливо пишущих авторов, но люди занимаются литературой, литературоведением подвижнически. Серьёзную прозу и поэзию издать большими тиражами практически невозможно. Существует практика издания альманахов, финансирование, конечно, мизерное, за счет спонсоров, что предполагает включение в такие альманахи, мягко говоря, произведений невысокого качества.

Виктор Петров отметил, что в Ростове-на-Дону солидное старейшее издание «Дон» по-прежнему держит марку печатного журнала высокого качества в традициях Чехова и Шолохова. «Мы печатаем авторов вне зависимости от их места жительства. Под рубрикой «Литературное пространство России» выпускаем целевые номера и журнальные блоки авторов отовсюду: Крым, Дагестан, Коми, Одесса, Оренбург, Тверь... Особое внимание молодым. Образно говоря, принимаем в донские казаки все таланты. Лично я не считаю, что литературу нужно делить на региональную и столичную, поскольку определяющим всегда является качество текста», – полагает главный редактор журнала «Дон». Теоретически с этим можно согласиться, а по факту, если брать остальные аспекты существования современных литературных произведений, всё же такое разделение существует.

Вячеслав Сухнев, наблюдая за провинциальной литературой, пришёл к выводу, что нужно продолжать издавать в регионах альманахи вскладчину. «Считаю, что пока это единственный выход, чтобы выйти к читателю», – поделился своим мнением редактор журнала «Стратегия России». Вячеслава Сухнева поддержал Андрей Самохин, отметив, что даже такое невеликое для русской литературы в целом событие, как выпуск провинциального альманаха хорошего уровня будет вносить вклад

в общее противостояние тому безличностному и безликому валу всеобщего ширпотреба, который катится сейчас не только на писателей, но и на всех культурных людей вообще. «Если мы в состоянии сделать такие даже небольшие действия, мы должны объединять свои усилия», – подчеркнул редактор отдела науки и образования газеты «Культура».

Анатолий Андреев обратил внимание участников круглого стола на природу писательского творчества, а именно, что истинный писатель будет создавать свои произведения несмотря ни на что, даже не получая взамен абсолютно ничего. Но всегда на другом полюсе будут те, кто пишут по принципу «нечего сказать – говори красиво», а вот это как раз не должно считаться литературой! Русские писатели разных регионов, в том числе и бывших союзных республик, обязаны объединять свои усилия в создании произведений в истинно русских традициях. «Уверен, что в литературной среде нужны профессиональные менеджеры, которые должны грамотно продвигать те произведения, в которых писатели ищут ответы на вечные вопросы человеческого духа и бытия», – подчеркнул белорусский писатель и литературовед.

Ярославские писатели, присоединившись к дискуссии отметили, что говорить о том, что в провинции нет литературы, а уж тем более, что она умирает, совершенно неверно. Лучшие образцы литературы нашего региона публикуются в интернет-журнале «Причал». Другое дело, что власти не финансируют издание печатной версии журнала, и приходится, как говорится, на голом энтузиазме, выпускать электронную версию «Причала» благодаря усилиям, в основном, его главного редактора Анатолия Смирнова, а также писателей Николая Гончарова, Ларисы Желенис и Алексея Серова. Электронные страницы «Причала», кстати, открыты и для писателей из других регионов, за пять лет тут опубликовались писатели Урала и Сибири, Крыма и Кавказа, не говоря о постоянных авторах из Ярославля и Ярославской области, а также Москвы, Санкт-Петербурга, Липецка, Воронежа и других городов России.

Анатолий Смирнов отметил усилившийся разрыв между читателем и писателем, чему на его взгляд во многом способствовала определённая современная издательская политика, а также ликвидация книжных магазинов. «Несмотря на то, что этот вопрос требует серьезного анализа, ни у одного современного критика я такого анализа ещё не увидел. Мало этого, но уже критика порой не в состоянии определить лучших писателей,

мнения критиков редко совпадают! К сожалению, происходит девальвация основных человеческих ценностей, в силу которой и читатель становится другим. Получается, нужно воспитывать читателя, выстраивать систему ценностей заново», – высказал своё мнение главный редактор ярославского журнала «Причал».

Виктория Соцкова предложила усилить взаимодействие писательского и журналистского сообществ, чаще проводить совместные мероприятия, чтобы журналисты могли освещать наиболее важные вопросы писательской среды, а также чаще сообщать широкой общественности о новых именах, новых литературных произведениях в провинции.

Подводя итоги круглого стола, председатель ЯОО СПР Мамед Халилов поблагодарил коллег за содержательный разговор и отметил, что в регионах России идёт активная литературная работа. Поэты и писатели напряжённо осмысливают процессы происходящие в обществе и их влияние на сознание и духовный мир личности. Вместе с тем у молодого поколения писателей зачастую встречается упрощённое восприятие действительности и фрагментация мышления, неумение работать с сокровенными смыслами слова, что ведёт к деградации языка и обеднению словарного запаса. Но есть и серьёзные авторы, которые вырабатывают свой собственный стиль с учётом изменяющегося информационного и художественного пространства и при этом не скатываются, в погоне за модой, к вторичному разжёвыванию нашумевших литературных направлений и способов самовыражения. Самая большая проблема литературы в регионах, уверен Халилов, зачаточное состояние литературной критики и научного литературоведения.

Участники круглого стола остались довольны состоявшимся разговором и были едины в главном – необходимости и благотворности встреч такого формата для сохранения и дальнейшего развития русской литературы в единстве его многообразия.

Профессор Чжен Тиу выразил благодарность участникам круглого стола за полезное и заинтересованное обсуждение заявленной темы.

В заключение собравшиеся выразили желание и готовность и в дальнейшем проводить такие обсуждения актуальных вопросов современной художественной литературы.

г. Ярославль

СОДЕРЖАНИЕ
ЖУРНАЛА ЗА 2019 ГОД

ПОЭЗИЯ

<i>Аврутин Анатолий</i>	
Скрещение любви и печали	№1-3
<i>Алейников Владимир</i>	
Счастье родного берега	№4-6
<i>Кан Диана</i>	
Високосная весна	№4-6
<i>Кирюшин Виктор</i>	
Свобода крыла	№1-3
<i>Кононов Иван</i>	
Предтеча. Книга в журнале	
Слово об авторе <i>Беликова Юрия</i>	№7-9
<i>Кручинин Роман</i>	
Очередь за солнцем	№4-6
<i>Мозутин Юрий</i>	
Гротеск	№4-6
<i>Нестругин Александр</i>	
Отзвук Сталинграда.	№1-3
<i>Новикова Любовь</i>	
Крест мирового сиротства.	№7-9
<i>Орлов Александр</i>	
В двух шагах от рая	№1-3
<i>Сейдаметова Карина</i>	
Русское солнце	№7-9
<i>Степанов Евгений</i>	
В мире есть рябина	№10-12
<i>Татаренко Юрий</i>	
Закладка в книге снов	№10-12
<i>Шацков Андрей</i>	
Негасимая лампада	№4-6

ПРОЗА

<i>Винтер Виталий</i>	
Иваныч. Новелла. Тени былого. Рассказ	№1-3
<i>Воронцов Андрей</i>	
Корабль в пустоте. Фрагмент романа	№10-12
<i>Грозовская Елена</i>	
Дождь. Рассказ	№4-6
<i>Кочерженко Владимир</i>	
Каша в кармане. Жмых. По «понятиям». Рассказы	№1-3
<i>Крупин Владимир</i>	
Вятский мёд. Рассказы	№4-6
<i>Кухновец Эдуард</i>	
Тайна. Рассказ	№4-6
<i>Лисняк Алексей</i>	
Сущие во гробех. Василий Тёркин и немцы Рассказы	№1-3
<i>Лунин Юрий</i>	
Через кладбище. Рассказ	№10-12
<i>Маркин Геннадий</i>	
Скомканное письмо. Повесть	№7-9
<i>Михайлов Игорь</i>	
Фрунзик. Сильвана Пампанини. Рассказы	№1-3
<i>Моргулис Михаил</i>	
В баре Флориды. Рассказ	№4-6
<i>Пономарёв Александр</i>	
Чёрный волк. Рассказ	№7-9
<i>Попов Артём</i>	
Избачиха. Рассказ	№7-9
<i>Попов Михаил</i>	
Белая птица. Чёрная тень. Повесть	№1-3
<i>Рудягин Геннадий</i>	
Скорый поезд «Париж – Варваровка». Рассказы	№10-12
<i>Тимофеев Андрей</i>	
Нина. Рассказ	№7-9
<i>Толстиков Николай</i>	
Надломленный тростник. Повесть	№4-6
<i>Шаргунов Сергей</i>	
Род Выпряжкина. Рассказ	№4-6
<i>Яковлева Александра</i>	
Коза. Рассказ	№7-9

ЗНАК ПАТРИАРХА

<i>Тарковский Михаил: «Стоять по горло в России...»</i>	
Интервью Арутюнова Сергея	№4-6

ЛИТФЕСТ

Петров Виктор
«Юными будут грядущие дни...»

Всероссийский литературный фестиваль (г. Самара):
Вежицкая Ксения, Вилков Дмитрий, Гребешкова Алина, Грошева
Татьяна, Давлетбердина Диана, Живетьев Максим, Ластовина Елена,
Литвиненко Валерия, Макрушин Михаил, Плотникова Марианна,
Шалашова Александра, Шерстобитова Полина №10-12

ПЕРЕСАЖЕННЫЕ ЦВЕТЫ

Ахмедов Магомед
Любви вершина. Стихи
(Перевод с аварского Халилова Мамеда и Серова Владимира) №7-9
Рильке Райнер Мария
Небо моей жизни. Стихи
(Переводы с немецкого Куприянова Вячеслава) №10-12
Церенов Василий
О, Калмыкия – лирический стих! №1-3

ПРАВДА «ТИХОГО ДОНА»

Андреев Анатолий
Грани кургана №10-12
Ткаченко Пётр
Смысл существования №4-6

СМЫСЛ

Суровикин Дмитрий
Ярославское знамение №10-12

ПРАВОСЛАВИЕ

Скатова Людмила
Китежане №7-9

ПРОЧТЕНИЕ КЛАССИКИ

Даренский Виталий
Актуальность эстетики Л. Н. Толстого №4-6

ИМЕНА

Каноат Мумин
Качаем Землю-колыбель №4-6
Колесников Алексей
Боль Андрея Платонова №7-9

РЕКВИЕМ

- Петров Виктор*
Серебро Льва Аннинского:
«Верну душу в край моих казачьих предков!» №10-12
- Скатова Людмила*
Русский прах во Франции №1-3
- Хлебников Михаил*
«Всё правильно. Все правы. Я готов понять их всех». №10-12

ОКУЛЯР

- Бондаренко Владимир*
Живая классика №7-9
- Ершов Максим*
Метиться в небо. «Пока шедевр не равен атрибуту...» №4-6
- Сафронова Яна*
«Когда я вырасту, я хочу быть маленьким мальчиком» №10-12
- Яшин Алексей*
Салонные рамки литературы №7-9

СУЖДЕНИЕ

- Виталий Даренский*
Образ духовной «инициации». №10-12

ПОБЕДА БЫЛА ЗА НАМИ!

- Вячеслав Сухнев*
Восточная война №10-12

ТЁМНАЯ СИЛА

- Ткаченко Пётр*
«Я умру в крещенские морозы...» №1-3

ЗЛОДЕЙСТВО

- Кулаков Сергей*
Фансигары, или Секта убийц №7-9

ДРУГИЕ БЕРЕГА

- Агачер София*
На Мачу-Пикчу с Кастанедой №7-9

СВИДЕТЕЛЬСТВО

- Марава Людмила*
Голгофа Донецкая №4-6
- Журба* №10-12

ОБЛИК

Байков Владимир

Как одевались после войны №1-3

РЕТРОСПЕКЦИЯ

Суrowикин Дмитрий

Видеть и понимать. Русский глагол №1-3

И колокол расколот вичевой №4-6

Кровное восстанет №7-9

СЕВЕР-НА-ДОНУ

Воркутинская радуга (соб. инф.) №1-3

Издаёт
ООО «Донское
книжное издательство»

Учредитель
и главный редактор
Виктор С. Петров

Редколлегия:

Анатолий Аврутин
г. Минск
Владимир Алейников
п. Коктебель

Лев Аннинский

г. Москва
Андрей Воронцов
г. Москва
Наталья Калинина
х. Пухляковский
Диана Кан
г. Оренбург
Владимир Крупин
г. Москва
Виктор Лихоносов
г. Краснодар
Игорь Михайлов
г. Жуковский
Александр Нестругин
с. Петропавловка
Михаил Попов
г. Архангельск
Вячеслав Сухнев
г. Москва
Михаил Тарковский
с. Бахта
Аршак Тер-Маркарян
г. Москва

Адрес редакции и издателя:
344000 г. Ростов-на-Дону,
Красноармейская, 23
Телефон: 8-928-152-59-45
E-mail: donliter@yandex.ru

Регистрационный номер
ПИ № ТУ61-00771 от 28.05.2012
(зарегистрировано Управлением
Роскомнадзора по Ростовской области)

Редакция рассматривает все обращения,
но вправе не рецензировать
и не возвращать рукописи

16+

Свободная цена

Дата выхода 05.12.2019
Тираж 500 экз.

Заказ № 1414

Отпечатано в типографии ООО «Альтаир»:
г. Ростов-на-Дону, ул. Вавилова, 55

Подписаться на Российский
литературно-художественный журнал
«Дон» можно по Объединённому
каталогу Пресса России
(зелёного цвета), индекс 42258.

Интернет подписка на журнал «Дон»
также на сайте www.arpk.org.

Журнал «Дон» представлен на порталах:
Журнальный мир – журнальныймир.рф
Мегалит – promegalit.ru
Читальный зал – reading-hall.ru

Донское книжное издательство.
Полный цикл прохождения рукописи
до книги любого вида и объёма.
Художественная, документальная, научная
и другая литература. Профессиональный
уровень редакционно-издательской
подготовки. Оригинальный дизайн и
оформление обеспечат достойный
внешний облик издания.

Адрес редакции и издательства:
344000 г. Ростов-на-Дону,
ул. Красноармейская, 23.
Тел.: 8-928-152-59-45
E-mail: donliter@yandex.ru
donliterspets@yandex.ru